

Георги Василев

БЕЗ ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Георги Василев

■
БЕЗ ДЕМАРКАЦИОННА ЛИНИЯ

ИНТЕЛИГЕНЦИЯ, „КОНТРАКУЛТУРА“ И РЕВОЛЮЦИЯ

Партиздат, София, 1974

51.
B-19

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Георги Василев

■
БЕЗ ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, „КОНТРАКУЛТУРА“ И РЕВОЛЮЦИЯ

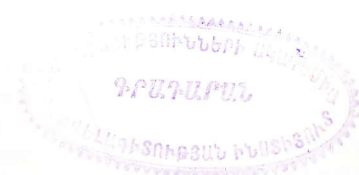
Перевод с болгарского

Р. Е. Мельцера

5546

Издательство „Прогресс“

Москва 1976

Предлагаемая вниманию читателей серия «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма» выпускается совместно издательствами социалистических стран.

Объединяя усилия издательств этих стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике, идеологии.

Редакция литературы по философии

© Перевод на русский язык, «Прогресс», 1976

В $\frac{10506-909}{006(01)-76}$ 3-76

Книга канд. философ. наук Георги Василева, научного сотрудника Института современных социальных теорий Болгарской Академии наук, дает критический анализ новых буржуазных идеологических течений, которые все еще находят отклик у определенной части западной молодежи и интеллигенции.

Автор показывает, что возникновение многих новых течений обусловлено, с одной стороны, неприятием широкими слоями населения ценностей буржуазного общества и поисками новых ценностей, а с другой — стремлением буржуазии отвлечь народные массы от классовой борьбы, культивируя потребительское отношение к жизни, поощряя правый и «левый» экстремизм, хипшизм, распространяя всевозможные технократические концепции, а также религиозные учения типа дзэн-буддизма и т. п.

В книге анализируется опыт студенческого движения протеста 60-х годов, попытки буржуазных идеологов толкнуть молодежь на ультралевые экстремизмы и тем самым дискредитировать саму идею антимонаполистической борьбы, направить молодежные выступления в русло такого протеста, который выливался бы в уход от социальной действительности, в упоение личными переживаниями.

Георги Василев подвергает критическому разбору работы Герберта Маркузе, различные варианты «новой американской революции», структурализм, буржуазные либерально-реформистские доктрины «технотронного», «корпоративного» и «постиндустриального» общества.

В свете общего революционного подъема в конце 60-х и начале 70-х годов и намечающихся возможностей укрепления единого антимонополистического фронта критика упомянутых доктрин актуальна и необходима.

© «Прогресс», 1976

ВВЕДЕНИЕ

На одном из старых французских диалектов слово *journal* (теперь — газета) означало количество земли, которую мог обработать один человек за один день — скромная площадь, самое большее — две-три декара*. Ныне внешнеполитические страницы ежедневных газет, информационные бюллетени радио или информационные телепередачи дают нам всю многообразную картину событий в мире. За полчаса политическая география земли концентрируется и охватывается нашей мыслью, сумма полученной информации очень велика, она, так сказать, включает информацию о всей планете.

В XV веке в Европе — самом просвещенном континенте Земли — издавалось около 1000 книг ежегодно. В середине 60-х годов XX века ежедневно печаталось 1000 новых названий. По данным ЮНЕСКО, в 1968 г. в мире было издано 341 млн. экземпляров газет, работало 436 млн. радиоприемников и 142 млн. телевизоров. Это лавина информации, передаваемой на сотнях языков, содержащей много противоречий, драматических напряжений, излагаемой зачастую с непримиримых друг с другом позиций. При наличии такой лавины информации становится абсурдным вести идеологическую борьбу, возводя «китайские стены».

* Декар — десятая часть га, обычная мера земельной площади в Болгарии. — *Прим. перев.*

Географические границы не в состоянии воспрепятствовать чуждому влиянию. При ведении борьбы против корыстных идейных извращений необходимо учитывать, что все конфликты мирового процесса находят целостное отражение в сознании индивида, что территорией этой борьбы будет именно сознание людей.

Натиск буржуазной идеологии уже давно вышел за рамки пещерного периода одних только грубых атак против социалистической революции. Теперь буржуазные идеологи спекулируют реальными проблемами эпохи. Они умело преувеличивают одни стороны исследуемого явления, чтобы принизить или затуманить другие его стороны. Буржуазные идеологи «рационализируют» и свой подход к публике. Буржуазная пропаганда не только преподносит дифференцированно разработанные концепции для различных социальных групп — она концентрирует свои усилия на обработке молодежи и молодой интеллигенции.

В развитых странах большая часть молодежи знакомится с общественной жизнью прежде всего через средства массовой коммуникации, школы и высшие учебные заведения. Молодежи непрерывно внушают принципы господствующей общественной системы, ее функциональные правила. Такое продолжительное общение с готовыми представлениями создает известный разрыв между формирующимися взглядами и реальностью жизни. Учащаяся молодежь, молодая художественная интеллигенция, вступающая в жизнь техническая интеллигенция все еще оторваны от критерия общественной практики — производства. Молодежь еще не имела и в большинстве случаев еще не имеет непосредственного соприкосновения со средствами производства. Буржуазная идеология ведет наступление, используя именно разрыв между представлениями молодого поколения и действительностью. Пропагандистский аппарат, созданный монополистическим капиталом, пытается убедить молодежь своих собственных стран, что капиталистические производственные отношения гораздо лучше, чем они выглядят в критических представлениях молодых людей. Ведя наступление на социалистическую молодежь, этот аппарат ставит своей целью внушение убеждения, что наша действительность какое-то увечное осуществление социалистиче-

ских идей, что надо «гуманизировать советскую модель социализма». Эта самая общая схема развивается в различных специально окрашенных, снабженных своеобразным реквизитом теоретических вариантах, предназначенных для обработки молодежи в различных точках ее вступления в общественную жизнь.

В предлагаемой книге мы остановимся на нескольких основных, особенно шумевших пропагандистских мифах: *левачество, духовно-потребительские настроения типа хиппи, дзэн-буддизм, буржуазная футурология, технократические концепции и структурализм*. Некоторые из них в буквальном или переносном смысле пересекли территорию Болгарии. В 1972 г. дважды на софийском аэродроме приземлялись угнаные турецкими левыми самолеты; уже в течение ряда лет наша родина входит в один из главных маршрутов хиппи в Индию; в литературной печати разгорелась острая дискуссия вокруг структурного метода, и ее эхо еще слышится то тут, то там.

На каких принципах построен наш анализ?

Мы избегаем толкования данной концепции буржуазной идеологии как построенной из сугубо антикоммунистического материала схемы, как исключительно искусственного и фальшивого продукта. Обман и самообман (несмотря на то, что они являются основным элементом антимарксистской и антикоммунистической спекуляции) не удержались бы в поле зрения читателя, если бы они не затрагивали актуальные проблемы эпохи, повседневной жизни. Как бы ни извращала факты, как бы ни толковала их превратно, даже наиболее открыто тенденциозная конструкция не может не упомянуть, по крайней мере не намекнуть на определенные объективные характеристики рассматриваемых фактов. Один пример. Все рассмотренные в книге спекуляции производят определенное впечатление своим стремлением убедить индивида в том, что предоставляют ему возможность для исключительно широкого действия, что с их помощью он превратится чуть ли не в деятеля мирового развития, в деятеля мирового масштаба. К чему такая лесть?

В стремлении ответить на потребности научно-технической революции — плановое развитие, перспективное прогнозирование, концентрация промышленного по-

тенциала — монополистический капитал расширяет масштабы государственно-монополистического обобществления экономики и навязывает его регламент всему обществу. Монополии притесняют уже значительные круги немонополистической буржуазии и другие прослойки, обладающие в сравнении с рабочим классом рядом привилегий. Особенно болезненно переживает этот процесс буржуазная интеллигенция. Ее представители все больше и больше теряют статус свободной профессии, их жизненный уровень понижается.

Развитие научно-технического прогресса требует все большего числа людей умственного труда, непрерывно увеличивает социальный объем интеллигенции, создает сами по себе исключительные возможности для ее гражданского утверждения. Однако вместо высокого призвания применять научные методы для устранения «социальных патологий» (так американская социология стыдливо определяет все виды классового неравенства, извращений и предрассудков), вместо того чтобы быть ведущими фигурами в новый век просвещения¹, вместо развертывания кампаний по подъему культурного уровня трудовых масс либеральные интеллигенты оказываются включенными в бюрократическую систему монополистического капитала, в коммерческие структуры буржуазной массовой культуры. Это значит, что они глобально вовлечены в процесс создания и раскидывания новых сетей эксплуатации и манипулирования обществом, работают для своего собственного социального и человеческого притупления.

Такое положение не устраивает ни интеллигенцию, ни молодежь в Западной Европе и в США. Молодые люди не желают быть жалкими винтиками в аппарате государственно-монополистического капитализма. Они хотят сами создавать разумные законы для общества. В среде технической интеллигенции, недавней верной прислужницы крупного капитала, тоже начали вырисовываться анtimoнополистические настроения. Созревает недовольство и среди другого прежнего основного союзника господствующего класса — средней буржуа-

¹ Джон Кеннеди в одном из своих предвыборных выступлений уверял американских студентов в том, что их призвание — «просвещение, воображение, вдохновение» (J. Kennedy, Strategy of Peace, N. Y., 1962, p. 189).

зии. Чтобы парировать протест угнетенных против явной или скрытой эксплуатации, их нежелание оставаться инертными исполнителями, возмущение их человеческого достоинства, буржуазная идеология использует мифы, которые порождают чувство, что кое-что зависит и от их воли.

Идеалистическое переживание должно компенсировать реальное рабство. Концепции современных идеалистических направлений в буржуазной общественной мысли (хотят или не хотят этого их создатели) оказываются важным теоретическим резервом буржуазной пропаганды. Разумеется, существует и идеализм, который выполняет совершенно-монополистического общества, защищает его нормы преднамеренными спекуляциями. В буржуазной культуре, бесспорно, имеются сильные критические настроения и резко выраженные анtimoнополистические реакции. Но, находясь на исторической арене действия определенных общественных отношений, эта культура в конечном счете подчиняется им, будучи сама их духовным воспроизведением.

Некоторые группы студенческой молодежи ведут самоцелевые сражения на улицах, полагая, что изменяют мир, и не подозревая о том, что их иступление — бесплодно, что, по существу, они обслуживают политическую машину крупного капитала. Хиппи и им подобные вообразили, что они убежали из развращенного и продажного капиталистического мира, но они вернулись в магазины этого мира, чтобы покупать «хиппи-конфекцию». Иллюзорные установки предназначены для того, чтобы предоставить недовольным относительно безболезненную отдушину — позволить им ненавидеть капитализм и нападать на него, не причиняя ему существенного вреда. Как подчеркивает Ален Турен — видный французский социолог и доброжелательный критик государственно-монополистического общества, — так практически совершенствуется политическая подстройка этого общества, вызываются функциональные улучшения в его институтах.

Вторым принципом нашего анализа является демаскирование и разоблачение буржуазной партийности в различных концепциях. Глубокая тенденциозность идеологической фальсификации может быть уловлена не-

зависимо от эклектической пестроты анализируемых течений, когда мы конкретно проследим, каким образом «корректирует» признанные факты соответствующая теория, что надстраивает над ними, то есть какую действительность конструирует или узаконивает она. Как будто пет ничего общего между фризовыми выходками и импровизациями Джерри Рубина (представителя йипи) и теоретическими конструкциями футуролога Германа Кана. Однако антипатия Рубина к «социалистическим держимордам», которые остригут хиппи, заставят их бриться и (какой ужас!) умываться каждый вечер¹, и открытая ненависть американского футуролога к нашему обществу оказываются общей точкой соприкосновения, совместным движением в общем пропагандистском потоке антикоммунизма.

Еще большим выглядит расстояние между Рубином и структурализмом. Однако лозунг Рубина «идеология — опухоль мозга»² и (провозгласившие нетерпимость к «извращающему идейному мышлению») крайние увлечения точными методами на деле оказываются лишь различными пунктами общей акции по идейному разоружению молодого поколения. И так, как бы ни были туманны иногда некоторые рассматриваемые концепции, как бы высоко они ни возносились над действительностью в своих претензиях, все они определенным образом ориентированы: в их сущности, в их политической биографии непременно присутствует элемент вражды с марксизмом, с социализмом. Замкнутый как будто в себе самом буддизм, декларативно отворачивающийся от недостойных страстей (не будем говорить о политических пристрастиях) этого мира, имеет на своем счету определенные грехи в отношении революционного движения, которые критиковал еще Ленин³. Поэт, обладающий неповторимым

¹ J. R u b i n. Do it (Scénarios de la révolution). Paris, 1972, p. 102. См. раздел «Проданный карнавал».

² Там же.

³ И ныне американский левый Г. Снайдер в своей заметке «Буддизм и грядущая революция» не упускает случая отметить, что буддистское просветление противопоставлено основным «подавляющим и заслепляющим» истинный человеческий потенциал идеологиям, среди которых он ставит и марксизм. («The New Left. A documentary history», ed. Massimo Teodori, London, 1969, p. 366, 367).

обаянием, большой мастер слова, Герберт Маркузе, сколько бы ни витал в облаках чистой идеи, опасаящейся прикоснуться к действительности, чтобы не быть оскверненной ею, все же непременно находит повод настоятельно посоветовать своим последователям не подражать «русской революции», опасаться «советского социализма». Какой скачок из чистой критики в антисоветский ангажемент! Какова систематическая попытка отрицания социализма в его наиболее конкретном виде — опыта СССР и социалистического содружества! Идеализм, антимарксизм, антисоциализм, антисоветизм — вот пласты и направляющая линия современного буржуазно-партийного ангажемента в данной пропагандистской конструкции.

Тот факт, что концепции, критикуемые в настоящей книге, объединены прежде всего их антисоциалистическим ангажементом, показывает, какой методологический кризис переживает буржуазная идеология. Она не способна создать самое общее интеллектуальное представление об этом мире и руководствоваться этим представлением, а «собирает воду из девяти колодцев», совершенно эклектически сливает в свой поток и буддизм, почерпнутый со дна истории, и футурологию — претензию на власть над будущим. Богатство быта и универсальность человеческих связей, достигнутые при нынешнем развитии научно-технического прогресса, позволяют включить в само человеческое общение и оригинальные моменты, вклад исторически наиболее отдаленных культур. Но буржуазная идеология обращается к этому наследству не столько со стремлением вдохнуть жизнь в содержащиеся в этих культурах гуманистические утопии, сколько с деловым намерением использовать связанные с ними древние заблуждения и самообманы для манипулирования общественным сознанием. В «дзэне», например, буржуазная идеология ищет не возможность эстетизирования человеческой повседневности, а средство для стимулирования крайнего индивидуализма, для укрепления нормативной силы нынешней буржуазной морали. Именно обращение к духовно-угнетательскому инструментарию прошлых исторических формаций, попытка монополистической буржуазии построить плотину из стольких различных идейных заплат свидетельствуют о том,

в сколь многих точках действует общий кризисный антимонополистический натиск. Впрочем, перед нами имеются две параллели, которые в общих линиях определяют нынешнюю буржуазную культуру: кризис ее общества и апгажемент, в который оно стремится ее вовлечь. Они являются конкретным ответом на непоследовательный протест угнетаемой монополиями мелкой и либеральной буржуазии и соответственно на систематические усилия монополистической пропаганды развить с помощью подобных стихийных реакций различные безальтернативные фикции, чтобы задержать переход пролетаризирующихся прослоек на сознательные позиции политически активных рабочих отрядов.

Так под мнимой мозаичной пестротой все более наглядно вырисовывается схема глобального политического взаимодействия различных исследуемых течений. Она благодушно терпит левую сверхактивность недовольных студентов, потому что эта сверхактивность проявляется преимущественно в области воображения и потому что в то же время это дает возможность использовать против рабочих партий недовольство общества экстремистскими действиями. Подобным же образом содержание контркультуры (теории «конфликта между поколениями», увлечение буддизмом и восточными религиями) оказывается не антимонополистическим шагом, а экзистенциалистским произволом, порожденным в психике одной из современных разновидностей люмпен-пролетариата — хиппи. Монополии не чинят препятствия общественной активности молодой интеллигенции только тогда, когда она воспринимает существующие общественные отношения и когда она не угрожает их основам. С помощью технократических доктрин монополии навязывают ей кодекс разрешенных действий, внушают ей доверие к позитивистским схемам типа содержащихся в структурализме.

Разумеется, в этой картине следовало бы обратить внимание и на субъективные намерения авторов и редакторов упомянутых доктрин. В частности, в движение левых вовлечено много молодых людей, которые, будучи охвачены искренним негодованием против антигуманной сущности государственно-монополистического капитализма, стремятся стихией слепого насилия преодолеть «медлительность социальных transforma-

ций»¹. Однако антикапиталистическая борьба не может быть только эмоциями, она является прежде всего наукой. С другой стороны, в социалистическом перевороте имеется больше чем когда бы то ни было простора для человеческих эмоций, для их осмысления. Соответственно каждый, кто пытается импровизировать на свою голову, искать «нечто большее» самой действительности, вступает в прямое или косвенное противоречие с реальными революционными силами, попадает в незавидное, трагичное положение манипулируемого провокатора.

В этом смысле последовательность и категоричность критики именно по отношению к практическому результату различных теоретических позиций имеет значение для борьбы за сознание честных, заблуждающихся в своем бунте молодых людей, то есть наш анализ осуществлен с чувством активного отношения к мировому историческому процессу, и в этом заключается его третий основной принцип. После раскрытия кризисного момента, который различные буржуазные спекуляции пытаются извратить, наступает очередь законного стремления дать логическое решение этого момента, дать революционный ответ, соответствующий созревшим условиям, вступить в действенный диалог с действительностью. Марксистское учение предлагает научную критику и научно обоснованное действие. Хотя Болгария была далеко от взрывов во Вьетнаме, от партизанских войн против колонизаторов в Африке, для политически грамотного человека, для члена социалистического содружества фронт борьбы против мировой реакции проходит через его повседневность, его работу, его заботы, его общественную деятельность — словом, битва ведется без демаркационной линии. Каждый час нашего дня насыщен напряжением колоссального сражения между настоящим и прошлым. Наш современник не только охватывает весь мир в своем сознании, но и действительно выражает отношение к нему своим целенаправленным трудом, своим участием в строительстве социализма.

¹ «Where far-out radicals go next». — «U. S. News and World Report», June 3/1974.

И пока континент капитала испытывает удар ударом, обрекающие его на участь легендарной Атлантиды, непрерывно растет территория, завоеванная более полувека тому назад Октябрьской революцией. То, что буржуазная идеология пытается заглушить как потребность и извратить как исторический процесс, социалистическое содружество во главе с СССР строит как материальное бытие. Мы обладаем принципиальным превосходством в борьбе идей не только потому, что наша критика, направленная против капитала, морально справедлива, но главным образом потому, что мы противопоставляем чуждым пропагандистским мифам достижения и перспективы социалистического общества. Нет более убедительного ответа на измышления, чем действительность.

Самоуправление, за достижение которого непрерывно борются западные студенты, — право создавать своим трудом и разумно руководить жизнью в своей стране — основной принцип нашей общественной жизни. Болгарская молодежь строит эстакаду в будущее, молодая интеллигенция вносит свой вклад в обогащение духовной жизни нации. Каждый наш трудящийся человек является законодателем и обладателем мира в меру своего труда.

В заключение я хотел бы выразить свою большую признательность рецензентам книги Венко Христову и старшему научному сотруднику Ивайло Знепольскому, чья общая товарищеская помощь была для меня очень полезной при работе над рукописью; редактору Яфе Казанджиевой, профессиональные рекомендации и моральная поддержка которой были для меня особо ценными; руководству Института современных социальных теорий, предоставившему мне возможность посетить Институт США в СССР; руководству самого Института США, предоставившему мне отличные условия для работы. Я благодарен также товарищам доценту Софийского государственного университета Ивану Славову, Деяну Павлову — заведующему сектором Института современных социальных теорий, к. ф. н. Александру Дейкову, к. ф. н. Владимиру Нестерову — из этого же института и Георгию Христову — бывшему дипломатическому работнику нашей страны в США.

ОТ ВООБРАЖЕНИЯ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ОТ КОНЬЮНКТУРЫ К ПРОГРАММЕ

1. СДО или одиссея непостоянства

Студенческие волнения найдут свое место в летописи нашего времени с нестройностью своих политических взрывов путаностью и нестройной своих лозунгов, огромным количеством эмоций, вложенных в политические колебания, и больше всего своей ролью фермента, обостряющего общественные противоречия. Хотя в настоящее время в университетах царит некоторое относительное затишье, бунты молодых радикалов не являются просто пройденным историческим моментом. Напротив, именно теперь осуществляются весьма важные обобщения и переосмысления. Стихийность, спонтанность, ребячество отступают перед строгими вопросами и поисками зрелых ответов. Колоритные политические капризы и действия «на ура» — до сих пор нераздельная составная часть студенческого протеста — теперь совсем обесценены. Молодых людей теперь все меньше соблазняет подобный реквизит. В их сознании начинает господствовать честное сомнение, чувство ответственности. Теперь уже ни одна крупная студенческая организация, ни один студенческий лидер не недооценивает ту истину, что серьезная теоретическая подготовка является лучшим подходом, чем легкий и самоцельный политический жест, что без последовательной идейной платформы не может быть

результативной общественно-политической борьбы. Даже абсолютный «спонтанист», приверженец чистой фантазии и противник излишнего теоретического бремени Даниэль Кон-Бендит взялся за систематическую литературную деятельность, создает амбициозные собственные произведения, принимает участие в коллективных публикациях¹.

Тенденция к «помудрению» может быть прослежена совершенно конкретно в краткой истории студенческого протеста. Весьма показательны развитие левого радикализма в США. Ведь именно американский студенческий протест, известный своим пренебрежением к теоретическим положениям, в последние годы стал объектом важных теоретических исследований. Из этого протеста рождаются новые молодежные организации, стремящиеся атаковать американскую действительность с позиций развитых, последовательных концепций. Первые радикалы начали с критики некоторых зол американского общества, а в ходе многих из последних волнений в университетах США выдвигались лозунги, полностью отвергающие корпоративно-монополистическую систему, предпринимались попытки воевать с этой системой, несмотря на иногда кровопролитные схватки. В начале шестидесятых годов недовольные расизмом студенты использовали конституционные политические средства. В конце же шестидесятых и в начале семидесятых годов приобрели значительную популярность внепарламентская оппозиция, терроризм. Подобный переход из одной крайности в другую сам по себе свидетельствует о нестабильности убеждений, об отсутствии опыта и непоследовательности в теории и на практике. Однако, с другой стороны, необычная для США массовость бунтующих является фактором, который необходимо оценить по достоинству. Какие бы отливы ни претерпевало это стихийное движение, какие бы кризисы оно ни переживало, все же оно представляет собой боевой опыт для последующих поколений, объективную основу для роста сильных

¹ Daniel et Gabriel Cohn-Bendit. Le gauchisme. Remède à la maladie sénile du communisme. Paris, 1968. См. также: F. Sauvageot, A. Geismar, D. Cohn-Bendit, F. P. Duteuil. La révolte étudiante. Les animateurs parlent. Paris, 1968.

массовых организаций со значительным политическим потенциалом.

Если расположить в хронологическом порядке акции новой левицы, то датой ее рождения как будто следует считать тот февральский день 1960 г., когда четыре студента-негра вошли в кафе для белых в городе Гринсборо. Когда их отказались обслуживать, они не ушли безропотно, а провели сидячую забастовку. Впоследствии к подобным формам протеста прибегли уже более пятидесяти тысяч студентов — черных и белых. В северных штатах был организован массовый бойкот всех кафе и ресторанов фирм «Вулворт» и «Крисдж», практиковавших расовую сегрегацию в своих заведениях.

Мирная антирасистская волна в скором времени (в октябре 1960 г.) создала свою организацию, в которую вошли представители всех южных штатов, студенческая национальная организация и несколько других христианских организаций. Сформулированная программа справедливости без насилия, в сущности, сводилась к борьбе против расовой сегрегации.

В 1961 г. это движение приняло массовый характер. Его руководители находили и другие способы проявления своих идей. В связи с промежуточными выборами в конгресс была начата кампания за включение негров в избирательные списки, а затем возникло движение за расовую десегрегацию в школах. В 1963 г. уже миллионы поддержали идею антирасистских ненасильственных действий, демонстраций, походов (самым внушительным был поход, завершившийся 28 августа 1963 г. двухсоттысячной демонстрацией перед памятником Джорджу Вашингтону). Несмотря на грубый натиск реакции, на полицейский террор и иступление различных расистских групп, усилия участников движения увенчались тем, что конгресс принял ряд правовых актов (важнейшим из которых был законопроект Кеннеди), которые формально эмансипировали негритянское население США.

Сразу же после правительственных уступок из-за большой узости своей программы, из-за своих ограниченных политических требований движение распалось, потеряло свой смысл. Оно осталось изжившим себя первым импульсом в рождении «новой американской

левой». Как указывает советский исследователь С. Салычев¹ в ее идее о ненасильственных действиях, в чисто американской организации отдельных участков в лигу со строго определенной целью, искавшей контактов и поддержки различных буржуазных институтов и слоев, все еще чувствуется конформистский подход, приемлющий существующую в США систему. Это движение использовало ее каналы и политические средства для своей деятельности, возлагало большие надежды на достижение справедливости через механизм буржуазной демократии.

Новым важным моментом было то, что в США социальный протест может получить такую массовую поддержку. Впервые возник, хотя и институционализированный (то есть развитый законным путем), конфликт между американским правительством и миллионами американцев. Это было весьма симптоматическое пробуждение, внезапное пробуждение от летаргии, возвышение над стремлением к личному преуспеянию.

Выводы, которые сделал союз «Студенты за демократическое общество» — основное гнездо американского радикализма, — имели другой характер. Они присоединились к антирасистскому ненасильственному движению, чтобы войти в массы и революционизировать их, но на практике оказалось, что на их движение повлияли нормы и средства той политической системы, против которой они восстали. Союз СДО отнесся пренебрежительно к антирасистской борьбе. Будучи не-

¹ Основные данные исторической систематизации американского радикализма мы излагаем по книге С. Салычева «Новые левые: с кем и против кого» (М., 1972) и по статье Л. Салычевой «Студенческое движение 1960—1970 гг.» (журнал «США», 1972, № 4).

Буржуазная печать уделяет большое внимание «новым левым», но в многочисленных публикациях исключительно трудно найти нечто более или менее целостное. Можно было бы указать, например, на следующие работы: P. Jacobs, S. Landau, *The New Radicals*, N. Y., 1966, и R. Keniston, *Young Radicals. Notes on the Committed Youth*, N. Y., 1968, а также: R. Flaks, *Revolt of the Young Inteligentsia (Revolutionary Class Consciousness in Post-Scarcity America)*. — «*The New American Revolution*», N. Y., 1971.

Из марксистской литературы в западных странах использована для настоящего очерка книга: Marsel Rocques, *Ya-t-il une gauche en Amérique*, Paris, 1968.

довольным неолиберальным характером этой борьбы, союз СДО недооценил ее массовость. И вместо того чтобы прийти к заключению, что необходимо и далее стремиться к проникновению в массы и их завоеванию, был сделан ошибочный вывод, что работа с массами нейтрализует революционное движение.

Склонность к крайностям и неностоянство в позициях СДО являются как бы его наследственными пороками. Созданный в 1960 г. в лоне социал-демократической партии, союз «Студенты за демократическое общество» при всех внутренних кризисах обнажал именно мелкобуржуазно-радикалистский характер своих взглядов. С полным основанием генеральный секретарь американской компартии Гэс Холл подчеркивал, что этот союз никогда не понимал правильно роль масс, прежде всего рабочего класса. Сначала члены СДО открыто противопоставили себя рабочему классу, а после (хотя на словах они признали его значение) на практике пытались играть роль миссионеров¹.

Точно таким же образом можно истолковать предпринятую в 1964 г. попытку экономических исследований и действий, с которой СДО обращался к безработным и люмпен-пролетариям, чтобы создать оппозицию, «контробщество», повести борьбу с господствовавшими общественными отношениями. Однако достаточно было одного года, чтобы проявилась безжизненность такого подхода. Союз «Студенты за демократическое общество» буквально разрывался от желания найти истинный революционный объект, поставить истинную революционную задачу, найти или «создать» истинную, радикальную движущую силу революции. Естественно, что для понимания происхождения этих ошибок надо иметь в виду, что условия пропагандистской работы с

¹ В уставе СДО был пункт, запрещавший контакты с коммунистами. Только в 1965 г. этот пункт был исключен из устава, а в декабре 1968 г. на конференции в Ан Арборе (Мичиган) генеральный секретарь СДО Майк Клонски заявил отчетливо, что рабочий класс — ведущая сила революционных преобразований в современном капиталистическом обществе, что «сами студенты не способны ныне и не будут способны завтра осуществить свержение капитализма». К сожалению, эта декларация выражала мнение только одного крыла в организации. M. Lancelot, *Campus*, Paris, 1971.

американским рабочим классом были действительно исключительно тяжелыми, так как весьма значительная часть его находилась в плену иллюзий классового сотрудничества и была развращена империалистическими сверхприбылями монополий. Из своей большой политической изолированности «Студенты за демократическое общество» вышли тогда, когда война во Вьетнаме достигла своей критической точки и в США разгорелись антиимпериалистические настроения среди молодежи.

Весной 1966 г., когда генерал Луис Херши объявил, что студенты тоже потенциально подлежат мобилизации в армию¹, СДО сумел использовать волну протестов для развития исключительной инициативности и встать во главе «новой левой». Если в 1964 г. эта организация насчитывала примерно 900 оторванных от практики, мучившихся гамлетовскими вопросами теоретиков, то в 1969 г. число членов достигло 100 тысяч человек².

Достаточно напомнить, что середина прошлого десятилетия была временем Боба Диллона и Джоан Байз, что первыми очагами песен протеста были университеты. В те годы многие студенты сжигали свои призывные повестки, некоторые из них сами горели, как живые факелы, перед Белым домом с надеждой, что в конце концов правящие круги поймут, что горящий от напала вьетнамец и обливший себя бензином молодой американец представляют собой одинаково ужасающее зрелище.

Эти необыкновенные события оголили глубокие трещины на фасаде американского образа жизни, а статистические данные раскрыли невиданные масштабы конфликта. Весной 1967 г. началась антивоенная мобилизация, завершившаяся двухсоттысячным маршем пацифистов в Нью-Йорк и шестидесятитысячным маршем в Сан-Франциско. В июле того же года последовала кампания «Вьетнамское лето» и знаменитая оса-

¹ R. Flaks, in «The New American Revolution», p. 243.

² С. Салычев указывает и на другой весьма показательный факт популярности СДО в то время: когда в 1965 г. генеральный прокурор США Н. Каценбах заявил, что он намерен расследовать деятельность этой организации, то за несколько месяцев число ее членов удвоилось.

да Пентагона. Свыше 200 высших учебных заведений были охвачены студенческими волнениями весной 1969 г., а в ноябре в движение против войны во Вьетнаме включилось около двух миллионов молодых людей.

Вторжение в Камбоджу отозвалось выстрелами по студенческой демонстрации в Кенте. В ответ на выстрелы последовала новая волна волнений более чем в 450 высших учебных заведениях и 700 колледжах. Столкновения между властями и студентами приняли особенно острую форму и достигли своего кульминационного пункта в событиях 3—5 мая. Было арестовано и заключено в импровизированный концентрационный лагерь в центре Вашингтона около 13 тысяч участников массовых антимилиаристических акций. Последние крупные демонстрации произошли осенью 1972 г.

СДО был в своей стихии. Стихия — это наиболее подходящий термин, поскольку, как бы ни расширилась деятельность организации, как бы ни возросла ее популярность, все же ее подход в своей основе оставался конъюнктурным, беспрограммным. Теоретики СДО были счастливы «открыть» революционную силу в лице студенчества; они считали, что студенчество — единственная общественная группировка, которая, будучи угнетена и послана в качестве пушечного мяса на войну, окажется последовательным противником монополистического правительства, тогда как рабочий класс спит своим мещанским сном. Однако исключительные надежды на конъюнктуру студенческих бунтов завершились новыми разочарованиями. А после этого наступил и конец СДО. Мы не хотим ни в малейшей степени недооценивать огромный антиимпериалистический пафос всех восставших против кровавой машины Пентагона. Для нас священна кровь американских молодых людей, павших от полицейских пуль, но, когда речь идет о стратегии революции, заблуждения и ошибки должны быть подвергнуты критике. Ибо развитие революционного процесса, его будущие сражения требуют все более подготовленных борцов. Ибо победит тот, кто воюет, руководствуясь больше наукой, чей взгляд более проныцателен, кто умеет по-

пять действительные, материальные движущие силы общества.

Студенческие бунты начали затухать уже после первого вывода американских войск из Вьетнама. Организация СДО, разросшаяся преимущественно по инерции на почве спонтанной, непоследовательной и односторонней оппозиции молодых людей, на почве их нежелания умирать на войне, переживала сложный раскол.

В июне 1969 г., когда нахлынувшие маоистские элементы пытались овладеть руководством в студенческом движении и ревели в зале заседаний: «Мао-Мао-Мао!», «Хо Ши Мин — предатель!», они получили достойный отпор — были исключены. Однако сама организация тоже распалась на два течения, а именно: «Революционное молодежное течение II», считающееся преемником СДО, и «Везермены» (по-русски — метеорологи), которые заявили, что они не нуждаются в специальной программе, так как они просто будут ориентироваться по политическому климату в обществе.

Отсюда началась развязка. «Везермены» совершили ряд террористических актов. Вначале их лозунги нашли сочувствие среди части студентов, однако произведенные этой группой менее чем за два года двадцать два террористических взрыва не ускорили созревания революционной ситуации, а изолировали эту группу от студенческих масс. Последовали острые полицейские репрессии против всех членов уже распавшегося союза СДО¹. В декабре 1970 г. часть террористов сложила оружие. Последним откликом на деятельность СДО была состоявшаяся в 1971 г. в городе Девенпорте конференция, попытавшаяся создать «новое американское движение», то есть объединить различные левые организации.

¹ Было арестовано 275 студентов, а против 31 из них было возбуждено следствие. В какой степени «Везермены» послужили полиции, можно судить по заявлениям главного помощника Эдгара Гувера — Уильяма Сэлливана, который в интервью от 12 октября 1970 г. для американской печати советовал простить покушавшихся, «потому что они никоим образом не были контролируемы Коммунистической партией». — «Christian Science Monitor», 26.X.1970.

Как бы ни был схематичен этот краткий ретроспективный обзор студенческих волнений в США, он все же дает основания для важного заключения. При всех своих разнообразных проявлениях, при наличии моментов замечательного массового подъема в идеологическом отношении протест американской студенческой молодежи был на весьма низком уровне. Не появилось ни одной организации с последовательной платформой (нечто большее, чем спонтанные лозунги против отдельных институтов или против американского правительства). Наиболее свежие и наиболее образованные силы США были неспособны объединиться в общий политический и идейный фронт, а оставались на уровне ограниченной по своей цели акции. Против огромной и самой могучей цитадели монополистического капитала, против его экономических, политических и военных институтов, против господствующих во всех областях общественной жизни сил этого капитала вспыхнули искры юношеского гнева. И с единственным своим оружием — чувствами — американские студенты неизменно оставались в возрасте политического юношества.

Крайний терроризм «Везерменов» добил развалившийся союз СДО. Однако глубокие причины краха союза как массовой организации таятся в другом — в недооценке роли рабочего класса, в его неумении наладить контакт с американскими профсоюзами. Это факт, что тред-юнионизм американского пролетариата явился серьезным, мучительным испытанием для молодых радикалов. Даже когда они вели борьбу с монополиями, а американские профсоюзные объединения развивали ее как чисто экономический спор, не оставалось места и надежды для превращения этой борьбы в политический идейно-классовый конфликт. Однако не в первый раз в мировом революционном движении возникает подобная крайне мучительная ситуация. 4(17) апреля 1917 года не кто иной, как Ленин, указал на создавшееся временно неблагоприятное для большевиков соотношение сил: «Это надо признать; материальная сила — в руках пролетариата, а буржуазия оказалась сознательной и подготовленной. Это — чудовищный факт, но его необходимо откровенно и прямо признать и заявить народу, что не взяли власть

потому, что неорганизованы и бессознательны...»¹ Однако большевистская партия всегда опиралась на сознательность масс. Ее руководитель шел даже на опасность изоляции, временной непопулярности, чтобы защитить принципиальные позиции партийной программы как научного, последовательного революционного подхода, не соблазнился политической авантюрой. А союз «Студенты за демократическое общество» испугался одиночества, поверил буржуазному мифу об исключительном пути американского развития, якобы «безвозвратно» обуржуазившего американских рабочих. Молодые радикалы были причастны ко всем спонтанным кризисам, переживаемым США в период между шестидесятыми и семидесятыми годами. И остались как без принципиальной программы, так и без аудитории.

В 1967 г. союз СДО достиг своего кульминационного пункта именно из-за беспринципности и теоретических компромиссов. Утопические лозунги превращения США в содружество равноправных элементов сосуществовали с нелепыми призывами репрессировать американский народ за его контрреволюционность. Поэтому, когда студенческие волнения затихли, этот союз не сумел сохранить себя как сознательный отряд со стратегическим планом борьбы. И это произошло как раз в тот момент, когда некоторая часть американских профсоюзов высказалась против войны, когда миллионы американских рабочих начали пробуждаться².

2. Наркотик воображения

Закат союза СДО оказался важным переломным моментом в развитии революционного молодежного движения в США. Наличие клубов «Дюбуа», группировавшихся вокруг американской компартии и активно

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 106.

² Хотя крайне реакционная группа Мини и теперь господствует над крупнейшим американским профсоюзным объединением, но в 1970 г. профсоюз автодорожных рабочих, профсоюз рабочих химической промышленности, объединенный синдикат рабочих Запада, профсоюз электротехников и другие высказались против войны. Более того, в 1970 г. в Чикаго состоялась конференция антимилиитаристки настроенных профсоюзов.

искавших контактов с рабочими кругами, доказывает, что делаются шаги к созданию антимонополистического фронта. На базе клубов и некоторых других левых организаций был создан в 1970 г. конгресс для учреждения молодежной марксистско-ленинской организации. В уставе новой организации — «Союза молодых рабочих за освобождение» — подчеркивается, что ее цель — объединение рабочих и студентов, что она — союзник и резерв американской компартии¹. Однако выводы были сделаны и с другой стороны баррикады. Все меньше места находили на страницах буржуазной печати поверхностные импровизации и голословные ругательства. За короткое время была издана значительная теоретическая литература с развитым социологическим аппаратом — пропагандистская машина капитала была перестроена. Внимательно анализировались те слабости студентов, которые при новом столкновении могли бы быть использованы для профилактической деятельности, направленной против революционизирования молодежи. Выискивались те инстинктивные и эмоциональные элементы в искреннем порыве недовольства, из которых можно выработать суррогат, псевдотеорию, способную противопоставить себя растущей популярности марксистских идей.

Сколь бы ни были многообразны различные спекуляции, они сводились к одной идее: можно позволить студентам шуметь, волноваться, увлекаться теоретическими спорами, но надо им внушить, что их чистые идеи будут обесценены и осквернены, если они попытаются претворить их в действительность. Свести протест к чисто идейному переживанию, к эмоциям, псевдореволюционной игре, к спектаклю — вот чего хотела буржуазная идеология не только в США, но и во всех развитых капиталистических странах. Это стремление противостояло усилиям компартий связать недовольство студенческой молодежи с революционной практикой антимонополистического фронта. Нам представляется, что вряд ли имеется лучшая иллюстрация бесплодности стихии, голословного озлобления против капиталистического общества, чем английский кино-

¹ См. «Политические битвы в странах капитала». М., 1971, с. 317.

фильм «Если» Линдсея Андерсена. Фильм получил серьезное признание — Большой приз на Каннском фестивале в 1968 г. Он сумел дать весьма показательную картину стихийного протеста молодежи, проследить, как при отсутствии конкретной политической альтернативы возмущение студентов миром капитала и его нормами выливается в хаотический взрыв эмоций, в игру воображения, в игру с иллюзиями.

Хотя действие картины развивается на Британских островах, а не на североамериканском континенте, его атмосфера (если оставить в стороне некоторые специфично английские переживания и традиции), в сущности, обобщает колебания и слабости, политическую незрелость студенчества и в США, и в Италии, и во Франции, и в Западной Германии. Андерсен уловил момент, когда чистый внутренний мир молодых людей вступает в идеалистический конфликт (подчеркиваем, идеалистический, так как он остается только побуждением без реализации) с невыносимой, подавляющей человеческую сущность атмосферой буржуазных учебных заведений. Эти последние пагубно воздействуют на оформляющуюся личность студента, подавляют всякий ее искренний порыв, чтобы оставить на опустошенном месте только лояльность к капиталу.

Здесь у нас нет возможности проследить всю исключительно богатую механизмами систему, сложные косвенные пути, посредством которых она осуществляет свое давление и держит под своим контролем подрастающее поколение. Но ни в коей мере не будет упрощением действительности, если мы подчеркнем еще раз, что сущность, социально-этическая и социально-воспитательная направленность буржуазных образовательных институтов сводится к формуле насаждения в сознании молодежи преклонения перед частной собственностью. Между прочим, вряд ли можно найти в этой связи более красноречивый комментарий, чем признание французского журнала «Констелясион»: «Общезвестна истина, что сегодняшний ученик и студент — это завтрашний избиратель. Следовательно, необходимо уже с детских лет ориентировать его в нужном направлении, шлифовать его так, чтобы, достигнув зрелости, он стал послушным идеям и требованиям управляющего класса. Словом — голосовал „как нужно“».

Трое героев кинофильма «Если» — трое молодых учеников колледжа — питают отвращение ко всему, что связано с традициями доброй Англии, мечтают о приключении, которое сразу разрушит убийственную и развращающую своим бесплодием и банальностью обстановку колледжа. Их воображение все время стремится к свободе, к освобожденной от преднамеренного рабства буржуазных норм человеческой природе. И каждый раз, взбешенные их порывами, их настаивают воспитатели, топчут их человеческое достоинство, унижают его. Не только иезуиты являются символом возведенного в добродетель лицемерия — без сомнения, этот порок имеет чисто классовые измерения и включается в «истэблишмент»¹. Рукопожатие между только что наказанным побоями, униженным Майком и его воспитателем является кульминационным пунктом. Жертва и палач подают друг другу руку, чтобы взаимно убедиться в том, что «экзакуция» возвращает их в ряды общества как джентльменов, ибо главный воспитатель оказался достаточно бдительным палачом юношеской задумчивости, а «неколледжевский» (небуржуазный) дух Майка и на этот раз сломлен.

Андерсен пользуется не только драматическими сценами — система английского капитализма в образовании защищена не только грубым насилием. Этой системе служит и либеральный директор колледжа, от лично сознающий свое превращение из свободного человека в платного наемника буржуазной морали, и священник, и преподаватели. Все они показаны в фильме как глубоко пораженные личности. В кратких, мгновенных эпизодах режиссер обнажает их психику жертв общества, которое они сами защищают: в каждом из них имеется нечто извращенное, их человеческая природа деформирована и испорчена, они кокетничают своими пороками, подавленные постальгией по невозможным для них искренним человеческим отношениям.

Извращения и насилия над человеком — этот универсальный закон современного капиталистического общества — запечатлены в фильме с поразительной си-

¹ Истэблишмент (establishment) — это общее понятие для системы институтов, которые составляют сущность английского буржуазного общества.

лой. Жертвы и угнетенные угнетатели — круг замкнут, атмосфера невыносима, взрыв неизбежен. До сих пор Андерсен является реалистом благодаря лирико-сатирическому изображению, критиком по своим позициям. Но до взрыва дело не доходит. Вместо него режиссер показывает нам только жажду его очистительного действия. И хотя эта жажда владеет всеми эмоциями, всей психикой молодых героев, стремление к взрыву остается лишь мечтой об отмщении, порожденной подавленным гневом.

Впрочем, мы пришли к двум наиболее важным особенностям этого «идеального» бунта. Во-первых, он лишен какой бы то ни было концепции. Герои вообще не заботятся о подготовительной борьбе и об организации — их единственной программой являются взрывы гранат и выстрелы, которыми они в своем воображении засыпают ненавидимое ими общество. Во-вторых, весь этот порыв остается только на стадии фантазии — с философской точки зрения он представляет собой идеалистическое переживание. Именно исходя из крайностей этой комплексной субъективно-идеалистической реакции буржуазная пропаганда развивает обманчивое чувство фиктивной реализации в безвредном опьянении — новый наркотик, отрывающий молодых людей от возможности реального общественного проявления, значимого действия в общественном процессе.

3. К подземельям инстинктов

«Подмена» действительности эмоциональными переживаниями лежит в основе и наиболее известной «революционной» теории одного из основоположников так называемой Франкфуртской школы — американского философа Герберта Маркузе. Посвященная почти полностью студенческим волнениям и опубликованная впервые на английском языке, его книга с недвусмысленным заглавием «Эссе об освобождении» не удовлетворяется критикой капиталистического общества. Она предлагает и радикальный выход из кризисной ситуации. В своем предисловии Маркузе находит возможность похвалиться тем, что он предугадал взрывную мощь «новых сил» революции в капиталистическом обществе и что он теоретически предвидел майские собы-

тия 1968 г. во Франции. Его самомнение доходит до того, что он ставит свое эссе не ниже «Коммунистического Манифеста». Оставляя в стороне его саморекламный пафос, можно сказать, что одно его словосочетание бросает обильный свет на его псевдосоциалистические убеждения. Пусть читатель не удивляется термину «эксплуатирующие бюрократии» — это «открытие» американского автора имеет своей целью дискредитировать социалистические страны в глазах антимонополистически настроенных кругов западной интеллигенции и молодежи. Оно является попыткой отрицать смысл борьбы между капитализмом и социализмом, представить ее в виде бесплодного состязания одинаковых недугов, отбросить всякую действительно прогрессивную тенденцию в настоящем человечества, чтобы противопоставить ей утопически разукрашенный момент будущего.

В свое время Маркузе завоевал большую популярность своей книгой «Одномерный человек»¹. Американский философ удачно и весьма точно раскрыл, как посредством товаров массового потребления нормы частной собственности проникают даже в биологию индивида как примитивные и подсознательные и в связи с этим катастрофически отчуждающие человека от его сущности, фальсифицированные потребности. Речь идет о всевластном проникновении буржуазных общественных отношений в индивидуальное потребление, об извращении первичной природы индивида и превращении его в работа-производителя, единственной потребностью которого является получение незначительного процента от его собственного ограбленного труда. Эту же мысль Маркузе мы находим и в его «Эссе об освобождении». «Потребности, порожденные системой, являются прежде всего консервативными и тормозящими, они представляют собой контрреволюцию в наибольшей глубине инстинктивной структуры...»²

Однако следует отметить: развенчивание социал-демократической иллюзии, согласно которой с развитием производительных сил капитализм удовлетворит потребности и эксплуатируемых, ни в коем случае не

¹ H. Marcuse. One-dimensional Man. London, 1964.

² H. Marcuse. An essay on liberation. Boston, 1969, p. 11.

является открытием Маркузе. Еще Маркс предсказал, что с развитием капитала возрастет тяжесть позолоченных цепей, которые крупная собственность надевает на руки ограбленных. В ранних рукописях Маркса имеются формулировки, перед глубиной, образностью и силой обобщения которых рассуждения Герберта Маркузе выглядят неточным пересказом. Впрочем, читатель может сам сделать сравнение. Вот что пишет Маркс: «Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной *свокорыстной* потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую *возможность* взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в *деньгах*, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его *денег* падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания *власти* денег...» И еще.

«Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в *человеческую* потребность. Ее *идеализм* сводится к *фантазиям, прихотям, причудам*, и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждениям, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя серебряные гроши... каждая действительная или возможная потребность оканчивается слабостью, которая притянет муху к смазанной клею палочке...»¹.

Маркузе часто вспоминает ранние рукописи Маркса. Однако для Маркса потребностная деформация че-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1965, с. 559—600.

ловека, произведенная капиталом, является еще одним основанием требовать экспроприации экспроприаторов, изъятия частной собственности над средствами производства из рук буржуазии. Маркузе же продолжает критику «биологического» рабства в совершенно идеалистическом плане, предлагая революцию, «которая будет считать развитие производительных сил второстепенным делом, посвящая себя прежде всего реальной солидарности человеческого рода, ликвидации бедности и нищеты независимо от всяких национальных границ, построению мира»¹. Оставим в стороне вопрос о том, как американский философ спасет мир от голода и нищеты, если он пренебрегает развитием производительных сил. Ясно, что это поражающее своей элементарностью противоречие предоставляет Маркузе возможность переложить вину за гибельный натиск капиталистического потребления на какую-то вымышленную им развращающую способность благ вообще. Он их проклинает, отбрасывает основу классового столкновения в буржуазном обществе — антагонизм между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства, — чтобы заменить этот антагонизм его эхом — конфликтами в духовном климате, порожденном капиталом. Маркузе забывает, что они представляют собой только продолжение в сфере надстройки борьбы за блага, за собственность над общественным продуктом.

Философ пытается доказать, что не дым идет от огня, а пламя произведено дымом. Несостоятельность его критики, ее безвредность для капиталистического строя коренятся в том факте, что она идет от реального к идеальному. Вместо практики — как мы увидим далее — предлагается провокация.

Так, с «духовным», явно идеалистическим характером своей революции, пренебрегая нуждой миллионов людей в хлебе, Маркузе эстетизирует политический и идеологический процесс, дает ответ, подобный знаменитой фразе Марии-Антуанетты: «Не имеют хлеба? Пусть едят пирожные!» Он украшает дополнительно свою концепцию некоторыми классическими фрейдовскими мифами (особенно о противоречии между

¹ H. Marcuse. An essay on liberation. Boston, 1969, p. IX—X.

старыми и молодыми), усиливает биологизацию общественного конфликта, затемняя его классовый характер. Или, если воспользоваться одним из любимых выражений самого Маркузе, он «сублимирует» действительную картину классового антагонизма эстетизированными положениями, идеализированными элементами фрейдизма¹ и социал-дарвинизма. Все это ему необходимо для обоснования следующего шага — отбросить методы классовой борьбы как неудовлетворительные для целостного освобождения человеческой личности и предложить в качестве единственного пути следование инстинктам.

Следовательно, Маркузе в своем «Эссе об освобождении» приходит к чисто биологическому определению категории свободы, разбивает целостность человеческой личности, объявляет рациональное начало человека чуть ли не буржуазно-развращающим и таким образом выводит индивида за рамки социальных схваток, оставляя его в состоянии вегетативного бунта; реакции этого индивида ничем не отличаются от действий люмпен-пролетария.

Необыкновенно резкий переход от идеалистического презрения к благам к внезапной симпатии к люмпен-пролетариату — это не просто неожиданный каприз. Тут начинается продуманная, амбициозная спекуляция. С позиций идеалистической критики пороков капиталистического общества Маркузе стремится завоевать прежде всего внимание масс молодежи, чтобы предложить им вместо искомого выхода наркотик биологического апархизма и таким образом обезвредить их социально, оставить их в невидимых, но бесконечных подземельях человеческого подсознания.

Маркузе своеобразно использует особое внимание Фрейда к подсознанию — он рассматривает подсознание как средство разрушения общественной целостности человеческой личности и замыкания ее в плену иррациональных побуждений. Что касается методики

¹ Согласно Зигмунду Фрейд (1856—1939), основным началом у человека является пол и соответственно всякая человеческая деятельность сводится к скрытому, косвенному проявлению полового инстинкта.

заблуждений, американский автор, по существу, пользуется хорошо известным средством буржуазной пропаганды — профилактическим засорением человеческого сознания политическими и философскими предрассудками. «Вклад» Маркузе состоит в том, что он пытается подняться над быстро преходящей конъюнктурной эмпирикой случайных сексуальных, оккультных и прочих «революций». Все это преподносится с большими амбициями — будущее, по рецептам «Эссе об освобождении», определяется как новый этап в человеческой истории. Маркузе называет его «Веком просвещения», очевидно, претендуя на наследование гуманистического пафоса послеренессансного просвещения.

Освобождение от буржуазных предрассудков, являющихся как бы продолжением паутины отчуждения самых интимных областей человеческого переживания (эротичное), — это благородное призвание, которое в определенной степени можно сравнить с реабилитацией человеческого тела в эпоху Возрождения. Однако Маркузе выводит из этой тенденции спекулятивную теорию, приводящую человека к погрязанию в его «естественных» биологических потребностях, к тому, чтобы сделать его безразличным в классовом отношении. Чтобы прикрыть идеалистический характер этой теории, Маркузе часто подчеркивает, что он избрал своей целью реализацию материально осуществимой цели — социализма. Он пишет: «Достаточно хорошо известно, какими будут первые основные институты освобождения, а их понимание является достаточно конкретным: коллективная собственность, коллективный контроль и коллективное планирование способа производства и распределения благ». Однако вслед за этим Маркузе сразу же отрицает нынешнее бытие социализма как опороченное, превращенное в тиранию. Мы приходим к тому переходу, в котором идеалистические представления философа о новом будущем переплетаются с прямой пропагандистской провокацией: все пути создания маркузеанской модели социализма оказываются тщательно разработанными тушиками эмоционального самопотребления.

Выходит, что левый радикализм никоим образом не должен предпринимать какие бы то ни было действия против капиталистов, существование которых делает

невозможным первый «фундаментальный институт освобождения» — коллективную собственность. Более того, в своей книге Маркузе обращается с тревожными призывами к своим молодым читателям: если каким-либо чудом буржуазия все же падет, они ни в коем случае не должны пытаться построить свою государственную организацию, так как любое стремление к заново организованному обществу, к временной диктатуре победившей прогрессивной силы якобы только «повторит, увековечит угнетательские механизмы, консервативные нужды порабощенных обществ»¹. Интерес к революционно-критическим ситуациям в буржуазном обществе сводится практически к поискам возможности сохранения и реставрации капитализма в моменты возможного его поражения.

Таковую же политическую тенденцию имеют и задачи, которые Маркузе ставит перед молодежью. Имеющиеся в «Эссе об освобождении» элементы фрейдизма, анархизма и сюрреализма не являются эклектической комбинацией. Они связаны умно — эмоциональный порыв масс молодежи, направленный к извращениям субъективно-идеалистического переживания в конечном счете приведет к социальной атрофии. Действительность подменяется иллюзиями потребляемых эмоций без общественной силы, взбудораженным воображением, расходящимся с реальным миром. Таким образом, классовый конфликт из своего общественного и материального бытия переносится Маркузе всецело в область личного эстетического переживания. Нарушена адекватная связь с бытием. Сознание индивида ограничивается потреблением своих собственных произвольных фантазий. Маркузеанская «революция» настаивает на разрушении условности искусства — то есть мысль, обобщение заменяются непосредственными инстинктивными и эротическими импульсами, вообще проблема дальнейшего самораскрытия человека толкуется как процесс «высвобождения эроса» как основного начала человеческого бытия. Идеалистическая тенденция этой операции явствует из слов самого Маркузе: искусство будет моделировать всю действительность.

¹ H. Marcuse. An essay on liberation, p. 87.

В качестве первого осуществления такого понимания указаны «студенческий бунт во Франции в мае 1968 г.», а более точно — лозунг «Воображение — к власти!», джаз-концерт какого-то пианиста на одной из уличных баррикад, требование студентов Тулузы воскресить язык трубадуров и альбигойцев. Это, согласно Маркузе, является наиболее удачным арсеналом для атаки власти буржуазии. А чтобы все же никто не попытался посмотреть с большим доверием на классические средства политической борьбы, «Эссе об освобождении» специально подчеркивает, что эти средства уже изношены, непригодны, убийственны для дальнейшего развития революции. Ошибкой всех прежних мировых революций якобы было то, что они жертвовали воображением во имя разума — шаг, который будто бы автоматически приводил к порабощению «новоевропейской» морали соответствующей революции институтами расчетливого сознания-угнетателя.

Начав с идеалистической критики капиталистического общества и идеалистического толкования общественного процесса, Маркузе кончает непосредственным пропагандистским союзом с властью капитала, доходит до политической беллетристики с элементами люмпенромантизма, толкает молодежь на возможную только как идеалистическое переживание авантюру, то есть приходит к оформленной системе воздействия на сознание молодежи.

Впрочем, опыт показывает, что любая форма левого экстремизма, независимо от его лозунгов, в конечном счете подхватывается социально-политическими механизмами капитализма, так что его антикапиталистические разрушительные действия оказываются конструктивными для существующей господствующей системы. Еще назревание и развитие Великой Октябрьской социалистической революции показало, насколько опасны (как для самой борьбы, так и для искренних намерений «крайних левых») иллюзии о внепартийном, спонтанном, «непосредственном» сражении с миром капитала: «На деле внепартийность, обеспечивая кажущуюся самостоятельность, является наибольшей несамостоятельностью, наибольшей зависимостью от господствующей партии. На деле только революционеры и только демократы являются не больше как

передовым отрядом буржуазной демократии, а иногда просто служебной силой ее, даже пушечным мясом для нее»¹.

Или возьмем такую платформу, как «постиндустриальное общество» Алена Турена. Там прослежено, как государственно-монополистическая машина уже создала целую систему обезвреживания левацких моделей и их включения в качестве «полезных стимулов» для совершенствования угнетательского аппарата².

4. Контрреволюция с объятиями

Тенденция умиротворяющего эстетизирования социальных конфликтов особенно ярко развивается в последнем слове буржуазных спекуляций, так называемой «американской революции». Подобный подход часто позволяет ограничить насилие левого экстремизма, предоставить его приверженцам единственно самопотребление лозунгов, превратить самые отчаянные и дерзкие их жесты в безобидную форму массовой культуры. Он дополняет гамму псевдолевацких провокаций, используемых в арсенале буржуазной идеологии.

В чем заключается и на что опирается эта новая линия? Крайности «новых левых», приведшие к быстрому падению их популярности, в то же время заставили американское правительство представить себе, как остры и упорны были бы сражения, если бы руководители этого движения располагали большим боевым опытом и стабильной политической программой. За импульсивным бойкотированием политического строя страны, за его радикальным отрицанием таится много рациональных зерен. Будучи очищенными от стихии спонтанных и конъюнктурных реакций, они могли бы войти в платформу постоянной действенной оппозиции монополистическому капиталу.

Программа Компартии США предвидит создание третьей, «народной» партии, способной своей систематической деятельностью противостоять двухпартийным манипуляциям. В настоящее время эта пар-

тия могла бы рассчитывать если не на поддержку, то по крайней мере на тревогу многих американских граждан, которые видят, что ни демократы, ни республиканцы не могут справиться с возрастающей властью военно-промышленного комплекса. Для устоев господствующей системы опасно любое организационное оформление стихийных оппозиционных настроений. Поэтому американская пропагандистская машина противопоставляет ему систематически развиваемую спекуляцию. Она стремится к пресечению всех возможностей для организованной политической деятельности масс. Чтобы саботировать материальную силу подобного антимонополистического развития, протестующим предоставляется право на бесконечную, «чисто идейную» революцию. Массам вдалбливается в голову почти религиозная надежда, что, если изменятся «сердца» и «сознание» всех американцев, будет предотвращена страшная перспектива классовых сражений. Вполне конкретные соображения требовали скорейшего теоретического перевооружения. При темпах студенческих волнений в конце шестидесятых годов американский полицейский аппарат вскоре мог столкнуться с непосильной для него задачей — можно избивать «черных пантер» в их берлогах, но невозможно расстрелять полтора миллиона американцев, зарегистрированных гражданской службой в качестве подрывных элементов; весьма опасно допускать снова ситуации гражданской войны в негритянских гетто. Подобное крайнее насилие означало бы начало гражданской войны.

Популяризаторы упомянутой «американской революции» по-отечески раскрывают руки, чтобы заключить в свои объятия непокорных и поработить их. Они не довольствуются проповедническими сказками, а стремятся парировать растущий интерес к научной идеологии марксизма с помощью развитых конструкций, оформленной платформы, определением минимума и максимума программ. Исключительный демократический подъем представляется как продолжение американской буржуазной революции, как доказательство жизнеспособности ее принципов. Этот ход имеет особое пропагандистское значение накануне 200-летней годовщины США — с его помощью стремятся дать наи-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 283.

² A. Touraine. La société post-industrielle. Paris, 1969.

более актуальную редакцию претензиям на уникальность американского образа жизни, на бесклассовость американского общества. Естественно, студенческие волнения принимаются за слагаемое в торжестве американского либерализма после соответствующей «доработки» — ее первая задача заключается в том, чтобы снять мысль о классовой борьбе, всякий элемент революционного насилия. Средствами пропагандистского и коммерческого психоза была возвышена до положения «бестселлера» книга «Земляничная декларация» двадцатилетнего студента Джеймса Кюнена, бывшего участника волнений в Калифорнийском университете. Еще на обложке своего произведения автор декларировал, что он не пойдет драться во Вьетнаме, но что в то же время не будет сражаться против военной службы, против закона. «Я не нигилист»¹, — провозглашает Кюнэн, и именно ради этой «созидательной», то есть раболепной по отношению к новому курсу управляющих кругов, позиции и «Ньюсуик», и «Нью-Йорк таймс», и «Бук ривью» льстят ему, называя его истинным гражданином, демократом и прочее.

Известный американский реакционер и антикоммунист Гаррисон Солсберри также присоединяется к пропагандистскому ходу «американской революции», изливая вместе с тем потоки возмущения против ЦРУ и действий Пентагона. «В основе национального кризиса лежит ползучее, гангренозное, совершенно неконтролируемое военное развитие. И пока оно допускается, пока оно стремится к военному всевластию, пока оно не будет сдержано, национальный кризис будет продолжаться»². Так что вместо ожидаемой революционной нетерпимости к антигуманной и порочной сущности этого общества следует рекомендация «не сжигать здание из-за наличия в нем крыс», то есть рекомендация очистить прекрасную демократическую систему, унаследованную от Вашингтона и Джефферсона, исправив некоторые из ее паразитирующих институтов. Таким образом, приложив неимо-

верные усилия для завоевания доверия недовольной молодежи, взволнованный мистер Солсберри обращается к ней с совершенно конструктивными предложениями: давайте придадим новый блеск современным общественным отношениям, наведем глянec на проржавевшие механизмы и различные классы — две в классовом отношении непримиримые Америки заново обнимутся друг с другом.

К сожалению, не умея преодолеть свое убеждение, что революция есть процесс сознания, Чарльз Райх, автор известной книги «Молодая поросль Америки», тоже оказывается вовлеченным в кампанию «американской революции». Его исторический развернутый анализ американского капитализма, извращений и поражений в обществе, причиненных господством корпоративного капитала, содействует распространению сильных критических настроений среди рядовых граждан, формулируя на первый взгляд неумолимый приговор государственно-монополистической системе¹. Однако этот приговор не приводится в исполнение, не дополняется последовательной программой революционных действий. Наоборот, Райх старательно отмежевывается от чрезмерно пуританской, «мрачной и прямолинейной старой левой». Выход якобы является иным: оказывается, что американским гражданам достаточно изменить свое сознание, отказаться от выполнения заповедей империалистической машины и недостойный строй будто бы рухнет сам по себе. При этом скачке из антагонистических общественных противоречий в светлые небеса христианских призывов и в свободное опьянение наркотиком беллетристика Кюнэна и Райха теряет свое значение революционного диалога с массами, приобретает, скорее, смысл благонамеренной критики монополистической буржуазии: обратите внимание, грубый натиск крупного капитала и грубая расправа с отвергающими мораль доллара — это скомпрометированные средства управления и контроля.

¹ J. Kunen. The strawberry Statement: Notes of a College Revolution, N. Y., 1970, p. 10.

² H. Sallsburry. The Many Americas shall be one, N. Y., 1971.

¹ «Ни один человек с развитым эстетическим чувством, с любовью к природе, со стремлением к творческому мышлению или с сильно выраженным чувством независимости не может быть доволен своей работой на заводе или своей чиновничьей деятельностью» (Ch. Reich. The greening of America, N. Y., 1970, p. 216).

Низкая идеологическая и политическая культура американских радикалов, которые долгое время идеалистически переживали свой гнев и встречали социальные конфликты преимущественно эмоционально, была подвергнута эксплуатации. Многие из этих молодых людей блуждают в лабиринте капиталистических надстроек: вместо того чтобы атаковать базис, их протест направлен против ЦРУ или Пентагона, против коррупции того или иного плохого института. И «американская революция» пытается заменить мрачные декорации новыми, в которые добавлены яркие краски и вегетарианский пацифизм хиппи¹.

Впрочем, тогда же на передний план вылезли и высшие стратеги фронта «единая Америка». Восторженно приветствуя летом 1972 г. фильм «Любовная история», автор сценария которого Сегал, создавший сентиментальную мелодраму, призывает студенческую молодежь вернуться в лоно американского образа жизни (счастье в идиллическом, узаконенном церковью браке, преуспевание в бизнесе и т. д.), президент Никсон и вице-президент Агню впервые предали гласности тот факт, что Райх, Солсбери и Сегал — только отдельные проявления новой внутренней политики социального умиротворения назревающих глубоко критических движений и движений протеста в Америке.

В сущности, если глубже вникнуть в суть вещей, то команда Никсона, выступающая под девизом «единая Америка», не опережала события, а лишь отчаянно пыталась направить их в нужное русло в момент взрыва. Какими бы тихими ни были 1973, 1974 и 1975 годы, конфликты в США вовсе не были умиротворены. Лишь теперь начинается проявление подлинно классовых настроений, так что это было затишье перед бурей. Америка молчаливо осознавала свою трагедию. Виднейшие буржуазные теоретики и журналисты высказывают на страницах печати мрачные предчувствия, выражают беспокойство, неуверенность, раскры-

¹ Истинным преемником демократических традиций прежней американской буржуазной революции может быть только пролетарская революция — последовательная эмансипация наиболее массовой части общества — рабочего класса.

вают глубокую пропасть, лежащую между отдельными социальными слоями, — такова картина современных американских настроений, современного климата американской нации¹.

5. Классическая истина для новых ролей

Почему все эти организованные усилия по созданию идеологических провокаций направлены на молодежь? Ответ связан с прогнозами политического климата на ближайшее время в Западной Европе, со стремлением господствующих классов разработать новую стратегию с целью действительного обезвреживания союзников пролетариата. Ряд объективных и субъективных факторов свидетельствует о том, что начало семидесятых годов нашего века характеризуется зарождением внушительного антимонополистического фронта во многих развитых капиталистических странах. Назревает критическая ситуация и в самих Соединенных Штатах. В Западной Европе оформляется коалиция между коммунистами и социалистами, выражающая в

¹ Модификации «американской революции» нашли своих приверженцев и в Европе. Правда, число их было весьма ограничено, но зато их энтузиазм и пропагандистские усилия были чрезмерными. «Революция двадцатого века произойдет в Соединенных Штатах. Она может произойти только там. Развитие ее уже началось. Она одержит победу и в остальной части мира, если победит в Северной Америке», — утверждал французский журналист Франсуа Ревель в своей книге «Ни Иисус, ни Маркс» (Jean-François Revel, Ni Jésus, ni Marx (La révolution mondiale est commencée aux Etats Unis). Paris, 1970, p. 9).

Повторив набор известных «возражений» против марксизма и «неприемлемого примера русской революции», Ревель предлагает свой вариант — революцию посредством информации. Достаточно того, что недовольный индивид видит на экране телевизора, как американские полицейские расправляются с пегритянской демонстрацией, и благодаря своему сочувствию к этим демонстрантам он уже является ее участником. Традиционный скачок от действительности к воображению, столь излюбленный Маркузе, Сартром или Кол-Бендитом, тут дополнен приспособленной к быту формой идеалистического созерцания — просиживанием перед телевизором. Французская печать встретила новаторство Ревеля с открытой иронией. Даже наиболее консервативные органы печати намекали, что реквизит книги весьма навнен и не подходит для идеологической борьбы в послемайской обстановке 1968 г.

значительной степени сближение интересов пролетариата, мелкой городской буржуазии, мелких сельских собственников, части интеллигенции и студенчества. Заключенное левыми силами во Франции соглашение об общей избирательной борьбе и тенденция к сближению с целью совместной деятельности между японской социалистической и японской коммунистической партиями, основанная на успехах японской коммунистической партии во время выборов в сентябре 1972 г., борьба британских тред-юнионов против правительства летом 1972 г., охватившая миллион человек стачка в начале 1973 г. в Италии — это лишь отдельные показатели надвигающейся огромной антимонополистической волны.

Естественно, что реакция усматривает открытую угрозу себе в единстве действий пролетариата с остальными антимонополистически настроенными социальными группами. Перспектива подобных единых действий (еще живо воспоминание о Народном фронте во Франции накануне второй мировой войны, о солидарности прогрессивных сил в Испании) тревожит монополистическую буржуазию и она ищет способа нанесения предварительного удара по зарождающемуся союзу. Ее усилия направлены в первую очередь на отрыв мелкой буржуазии, интеллигенции и радикально настроенной молодежи от пролетариата. В течение последних двух веков история доказала, что мелкая буржуазия весьма часто оказывается неустойчивым союзником, который в критический момент склоняет весы общественного равновесия в сторону господствующего класса. А период от шестидесятых до семидесятых годов нашего столетия свидетельствует о том, что студенческие волнения являются предварительным симптомом обострения отношений между классами-антагонистами. Взгляд на студенчество как на своеобразную лабораторию выявления общественных противоречий мы находим еще в лепинской мысли, что студенческая молодежь представляет все общественные группы не в смысле их точной пропорциональности, «а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

Стратегические усилия буржуазной пропаганды имеют своей целью и теперь создать предпосылки для отрыва непролетарских слоев от рабочего класса. Умелая и быстро проведенная дезориентация радикального студенчества способна создать конфликт между двумя силами при невыгодных для широкого фронта условиях: в рядах антимонополистического блока уже в первый критический момент возникнут споры о тактике, о времени, о целях, о роли в общей борьбе, разовьются стихийные движения, которые непременно создадут некий центробежный эффект, разъединение.

Студенческая молодежь является объектом систематической диверсии, начиная с наивных беллетристических опытов Ревеля и кончая более сложными и более глубоко задуманными «ультрареволуционными» подходами Маркузе. Они стремятся внушить студенческой молодежи, что только ей предопределено быть гегемоном в антимонополистической борьбе. Именно в такой подтекст попадает и постоянно навязываемый Маркузе и Сартром тезис, согласно которому при нынешнем контрреволюционном безразличии «развращенного» западноевропейского пролетариата подлинный революционный отряд представляет собой молодежь. По тому же клише вырабатываются и другие «революционные» установки, которые имеют коварную цель льстить самонадеянности наименее подкованных и наименее последовательных. Национальные движения «третьего мира» соблазняют теорией, что они являются ведущим элементом в мировом революционном процессе, так как только они являются истинным («внешним») пролетариатом, который в отличие от материально связанного с буржуазией («внутреннего») пролетариата капиталистических стран остается до конца последовательным в своих классовых требованиях (Маркузе).

Ультрарадикалы одурманиваются иллюзией, что их анархизм и стихийный мятеж вносят революционное сознание в рабочий класс. В действительности они оказываются не детонаторами революционных взрывов, а умело используемыми буржуазией отдушниками для контрреволюционной стабилизации государственно-монополистического общества. Вывод сводится к той про-

стой истине, которая остается критерием марксистской практики, а именно: тот, кто говорит «революция», прежде всего говорит «пролетариат». Любая попытка «реконструкции», какой бы интересной выдумкой она ни характеризовалась, ведет только назад, к той опасной границе, когда личность «свободного марксиста» и бунтаря подвергается печальному социальному психофренетическому преобразению — даже искренний в своем антибуржуазном пафосе человек на деле оказывается звеном контрреволюционной диверсии.

6. Левачество в упадке

Последние годы были периодом выяснения классовых горизонтов, очерчивания двух фронтов: капитал — труд. Политическая практика очищается от множества паразитарных левацких движений с их шумом и трескотней. Давайте сделаем краткий ретроспективный анализ этого обесценения троцкизма, анархизма и псевдореволюционных доктрин.

Уже майские события во Франции 1968 г. — поражение масс — «выявили» действительную роль левацкой стихии. Каким модным было в то время слово революция! Как был удивлен весь мир, когда вся «тяжелая артиллерия» буржуазной прессы — такие издания, как американские «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» и «Тайм», западногерманская «Ди вельт», итальянская «Эпока» и французская «Пари-матч», — начала учить непокорную молодежь тому, как делать «современную революцию»...

Естественно, создатели и пропагандисты «нового» движения не старались обременять сознание молодежи никаким научным обоснованием. Они относились с «безразличием к идеологии, экономике и традиционным политическим формам», старались соблазнить молодежь прежде всего «сексапильностью революции» (выражение журнала «Тайм»). В идеологический котел бросалось все, что могло дать эту «сексапильность»: злоупотребление именем Че Гевары, открытия «марксиста-фрейдиста» Маркузе, анархизм, пацифизм, экзистенциализм, трансцендентализм, богемство, пародничество, мистицизм, черный национализм...

В вызывающих позах, кокетливо меняя цвет своих

волос (во имя конспирации), молодой «бунтарь» Даниэль Кон-Бендит появлялся на страницах самых толстых иллюстрированных изданий и самым неграмотным образом проповедовал «революционную власть фантазии». Он утверждал: «Мы — спонтанное движение», «мы не имеем определенной цели — для нас важнее всего само движение...»

«Традиционные средства протеста» были объявлены «бесполезными», новые «революционные идеологии», непрерывно порождаемые огромной мощью буржуазных средств массовой информации, разжигали у молодежи примитивные страсти бесцельного разрушения и насилия, призывали к «сознательному провоцированию полиции», создавали любые разновидности идеологической моды только для того, чтобы замкнуть сознание молодежи в круг психоза преступности, чтобы не позволить ей обратить взгляд на «дисциплину и сковывающую доктрину традиционного коммунизма». В то же время «героические» личности, принадлежащие, например, к банде «катангцев» (которой буржуазная пресса уделяла предпочтительное внимание), всеми силами вызывали конфликты с полицией, которая в свою очередь только того и ожидала, чтобы наброситься на демонстрантов.

Позднее, после крайностей насилия на улицах, репрессий, невинных жертв, баррикад, сожженных автомашин и нарушенного снабжения, буржуазная пресса внушала: это — дело «красных», подумайте о том, что сделают с нами коммунисты, если придут к власти. Мелкая буржуазия дрожала, напуганная крайностями. Крестьяне, которые вначале даже помогали стачечникам, продавая им продукты по пониженной цене, были шокированы, не могли уяснить разницу между политическими хулиганствами леваков и платформой пролетариата. Используя голоса этих неустойчивых прослоек, реакция выиграла необычайное по масштабу и силе классовое сражение.

Однако следующие годы тоже сыграли свою роль. Метрополи начали новое систематическое наступление против масс. «Общий рынок» придавил крестьян. Несмотря на «эпические» студенческие мятежи мая, крупный капитал не скрывал своего намерения перестроить образовательную систему во Франции приме-

нительно к своим потребностям. Факты вынудили и самых неискушенных избирателей осознать, что монополистический капитал укрепил свою распатанную власть именно благодаря левацким провокациям. Более того, чувство вины перед революционным движением начало мучить сознание и многих молодых людей, увлекшихся левацким псевдопафосом просто от нетерпения. За истекшие три-четыре года число анархистствующих студентов значительно уменьшилось — демонстрации «революционного насилия» прекратились. В период отлива могучей силой осталась Французская коммунистическая партия, к которой вернулись десятки тысяч опомнившихся гошистов (от французского слова *gauchiste* — левый), уцелели и очень небольшие организованные гнезда левых, симулирующих политическую жизнь, когда каким-либо манифестом, когда выступлением в печати. Никто из них не хотел принять на себя вину за провал в мае 1968 г. — отдельные левацкие группировки начали нападать друг на друга. «Лига коммунистов» — официальный представитель троцкизма во Франции — в манифесте от 1972 г. обвинила своих бывших союзников — маоистов — в том, что они вели чуждую, конъюнктурную игру¹. Во Франции левацкое движение скомпрометировало себя в обществе в качестве марионеточной колонны реакции.

Левый экстремизм переживает упадок и в мировом масштабе. В Мексике отвратительная роль Кампоса Земуса, правительственного агента-provokatora, который после кровавой расправы на площади Тлалтелколко непрерывно занимался разоблачением «подрывного студенческого движения», заставила многих наивных людей прозреть. Заглохли действия «Тупамаросов» — совсем иные силы ведут антимонополистическую борьбу в Уругвае. Антигуманные выступления японской маоистской организации «Ренго секигун», члены которой, уйдя в подполье и укрывшись в одной пещере под руководством психически больного Хироко Нагата,

¹ Маоизм был вынужден дать ответ на эти и подобные обвинения и вообще сообразоваться с политической девальвацией левого экстремизма. В своем номере от 14. X. 1972 г. «Женьминь жибао» жестоко нападает на анархизм как на «реакционное учение лжемарксистских мошенников», ругает его «класиков» — Прудона, Бакунина и Кропоткина.

начали истреблять друг друга в ходе каннибальской «культурной революции», и тот факт, что подобные террористы пошли на прямое истребление невинных людей на тель-авивском аэродроме, охладили зарубежных поклонников «красного солнца» — Мао.

В ФРГ в 1972 г. претерпела не только организационный, но и полный моральный разгром левацкая террористическая организация «РАФ». Члены этой организации, осознав, что они сами не могут репрессировать западногерманский капитализм, признали свое трагическое бессилие¹. В Италии, университеты которой изобилуют левацкими фракциями, несколько случаев с очевидностью показали (и это признала сама неофашистская пресса), что левый терроризм является «отличным алиби», воротами, предлогом для фашистских провокаций². В Соединенных Штатах Америки в 1970 г. печать обнародовала скандальную историю штатного полицейского provokatora Томми-путешественника, который прибыл в колледж Хобарт в качестве революционера, представителя организации «Студенты за демократическое общество», обучил двух первокурсников стрелять из карабина «М-1» и изготовлять самодельные зажигательные бомбы, а на следующий день после их неудачной попытки покушения появился во главе полицейского отряда.

Идейный и моральный закат левацкого движения в мировом масштабе привел к тому, что многие молодые люди, искренно ищущие средства борьбы с круп-

¹ После ареста Ульрики Майнхоф — одной из руководящих фигур в «РАФе» — западногерманский журнал «Пардоп» поместил удачный злостный фотомонтаж — Майнхоф в объятиях Штрауса. Текст этого фотомонтажа гласил: «За дальнейшее плодотворное сотрудничество». И действительно, консервативная коалиция ХДС/ХСС использовала в качестве важного предвыборного козыря против левых демократических сил в ФРГ спекуляции вокруг деятельности «городских партизан» из «РАФа».

² Вспомните острую иронию эпизода из итальянского фильма «Дело гражданина вне всяких подозрений», где два десятка «левых», попавших в тюремную камеру, создали четыре враждующих между собой группировки. «Хорошо, что они разъединены», — со вздохом облегчения говорит один из полицейских.

ным капиталом, обратили свои взоры к коммунистическим партиям, к пролетарским отрядам: в Западной Германии выработались организационные формы борьбы молодежи против преступлений монополий перед обществом и природой. 23 марта 1973 г. агентство Рейтер распространило сообщение, что тридцать членов «крайне левого крыла социал-демократической партии Вилли Брандга» вышли из ее рядов, а двадцать из них подали заявления о приеме в Германскую коммунистическую партию. Во Франции на заводах группы молодежи ищут контакта с рабочим классом, хотят учиться у него опыту и вместе с тем стремятся стать агитационными звеньями рабочего класса. В США студенческие группы также проникают на заводы.

И наконец, в нашей памяти все еще свежи драматические часы, когда весной и осенью 1972 г. вся Болгария, затаив дух, следила за событиями, связанными с захваченными турецкими самолетами. Было что-то исключительно трагическое и патетическое в том способе, каким раньше, да и позднее, «Турецкая народно-освободительная армия» пыталась дать сражение военно-политической машине в Турции. Однако, с другой стороны, нам была чужда и непонятна попытка насилия над жизнью совершенно невинных и случайных людей. Странно и невероятно прозвучали в наших ушах заявления четырех авторов этой авантюры, что они являются «марксистами-ленинцами».

Чтобы вкратце обобщить эти сложные процессы и изменения в политическом мышлении левонастроенной молодежи, можно сказать, что почти повсюду — в Западной Европе, в США, в Латинской Америке, в Японии — молодежь все больше начинает понимать, кому в сложной политической борьбе приносит выгоду левацкое движение. Да и диаметрально противоположные действия Мао Цзэ-дуна, который, укрепив свою власть с помощью «ультрареволюционной» «культурной революции», отправил своих хунвэйбинов трудиться на село и учиться у масс, а сам встал на путь деловых политических контактов с американским империализмом, ужаснули ищущих сверхреволюционной романтики, резко уменьшили шансы фанатиков и провокаторов.

7. Теоретики вносят коррективы

В той изменчивой обстановке, в которой очень отчетливо вырисовались границы фронта между пролетариатом и крупным капиталом, первую попытку новой идейной спекуляции предпринял уже известный нам Герберт Маркузе.

Основной задачей его последней книги «Контрреволюция и бунт»¹ было определение как «идиотских» всех левацких акций беспрограммного насилия. Это «небольшое» непостоянство, проявившееся после преисполненных исключительным воодушевлением гимнов, которые в его предыдущем труде «Эссе об освобождении» слагались именно во славу уличных боев и баррикад, «воображения», преподносится автором в качестве «необходимой коррекции» в его собственное творчество. На первый взгляд эта позиция представляется подлинным идейным переломом. Автор признает, что не голое воображение, а рациональность, разум необходимы революции, чтобы победить гигантскую машину капитала. Разум (то есть научная теория) не является реакционным, реакционны и контрреволюционны все попытки принизить значение разума в борьбе. Наконец, Маркузе жертвует своим особым предпочтением люмпен-пролетариата как гегемона революции и весьма неохотно соглашается, что структура капиталистического социального процесса может быть разрушена «только теми, кто будет поддерживать установленный трудовой процесс, кто воспроизводит его прибыли и власть».

Странное впечатление производит известная печленораздельность этой формулировки. Однако философ обходит четкий классический термин «рабочий класс» не из-за стилистического недоразумения, а потому что в используемой им беллетристической терминологии заложено начало очередного извращения². По срав-

¹ H. Marcuse. Counterrevolution and revolt. Boston, 1972.

² Маркузе несколько раз уточняет свое отношение к рабочему классу. «В принципе» он признает, что рабочий класс призван быть основной движущей силой революционного преобразования, но затем в своих различных произведениях «доказывает», что рабочий класс якобы погряз в своем «одномерном» мещанском сне («Одномерный человек») или что только наиболее деклассированные слои рабочего класса — люмпен-

непью с «Эссе об освобождении» «Контрреволюция и бунт» является значительно более неуклюжим, неорганизованным и очевидным идейным обманом. Поэтому, не пускаясь в детальный анализ, остановимся только на новых моментах маркузеанского реквизита. Здесь содержится косвенное признание создания широкого антимонаполистического фронта в США.

Маркузе предлагает «новой левой» не организовываться по подобию западноевропейских коммунистических партий, которые будто бы не только бюрократизировались, но и работали на буржуазные правительства. Оставаясь оппозицией только в парламенте, то есть локально, коммунистические партии будто бы, в сущности, косвенно поддерживали деятельность господствующей буржуазии. Автор укладывает действительность на прокрустово ложе своей концепции, чтобы убедить нас в том, что именно такова нынешняя картина мира, так же как буржуазия вообще пытается убедить всеми возможными средствами бунтовщиков и «неразумных», что именно она «самым разумным образом представляет и их интересы».

Свое предложение «американской левой» и впредь оставаться разрозненными группами и звеньями, не объединяться в «старомодные партии» Маркузе обосновывает исключительным стратегическим соображением, что, мол, так она будет более гибкой, уберезит себя от репрессий — ее акции окажутся более неожиданными для могучей полицейской машины американского империализма. Разве не ясно, что нет ничего более легкого для американской полиции, чем разгромить разделенную, несвязанную единством, некоординированную внепарламентскую оппозицию и затем представить свои репрессии как законную и «разумную» меру в отношении шайки бандитов и безрассуд-

пролетариат — могут действительно революционизироваться («Эссе об освобождении»). Даже ныне, когда становится очевидным политическое оживление американского пролетариата, «Контрреволюция и бунт» все еще делает большой упор на том факте, что американские рабочие поддерживают «установленный трудовой процесс». Это значит, что под любым предлогом Маркузе стремится снять со сцены актуального исторического момента пролетариат, ограничить его революционную мощь, приурочить ее к какому-то будущему, которого невозможно дожидаться.

ных людей. Однако одно дело — здравая логика и примеры из истории, а другое — аргументы Маркузе. Его следующий ход выходит за рамки всякой логики, даже маркузеанской. Философ бьет на чувства: будет, мол, осквернена память жертв «новой левой», если студентов охватит комплекс неполноценности и они будут искать союзников среди «тех» людей, которые связаны с трудовым процессом. Эта фраза — откровенное издевательство над пролившими свою кровь студентами Кента и искренностью их антиимпериалистического пафоса — уже окончательно примиряет «коррекцию» философа с его традиционной теоретической неприязнью к пролетариату.

Дело в том, что в «успокоении» американского студенчества чувствуется не только мелкобуржуазное умиротворение. Для многих это переход от фазы эмоциональных реакций к политическому созреванию, они уже ощущают потребность в классовой опоре пролетариата. Смущенный политическими и антимилитаристскими лозунгами, появившимися в некоторых американских профсоюзах, симптоматическим ростом предвыборной деятельности и влияния компартии, исключительно острыми реакциями против войны во Вьетнаме у широких кругов интеллигенции и либеральной буржуазии, Маркузе сознательно ищет новый арсенал обманов и спекуляций, чтобы не позволить этому огромному потенциалу сгруппироваться, осознать свои силу и интересы, создать единый фронт против крупного капитала.

Верхом маркузеанской антипролетарской и антикоммунистической тенденциозности является постоянный, переходящий от мольбы к угрозе и наоборот рефрен: будущая революция ни в коем случае не должна повторять своих предшественниц, особенно советский опыт! Однако именно нынешняя американская действительность подсказывает революционные решения, которые весьма сходны с русским Октябрем. Как в России накануне войны большевики были маленьким отрядом, а массы, за исключением не особенно развитого пролетариата, погрязли в невежестве, так и ныне члены американской компартии, американского комсомола, американская либеральная интеллигенция, студенчество являются организующим меньшинством по

отношению ко все еще мелкобуржуазно настроенному американскому пролетариату. И наконец, подобно тому как первая мировая война привела в движение самые глухие провинции России и политизировала массы, так и теперь вьетнамская война сотрясла мещанские американские города¹.

Впрочем, рассматривая антисоветскую настойчивость Маркузе, мы снова приходим к той истине, что антисоветизм — пробный камень для распознавания как скрытой, так и воинствующей буржуазной идеологии.

8. Место студентов

Из прошлой и настоящей политической практики мы видим, что место студентов в революции — это быть союзником пролетариата. И чтобы не создалось впечатления, что мы имеем дело с заученной, готовой формулой, попробуем найти корни ее сущности в социальных пластах и отношениях современного капиталистического процесса. Кто такой студент? Это еще не пролетарий и не буржуа, поскольку он не вовлечен непосредственно в производство и выражает свое отношение к производственному процессу косвенно, через социально-классовые позиции своих родителей. Однако его личное социальное определение уже нача-

¹ Существенная аналогия между царской Россией и США в отношении распределения сил революции и контрреволюции начинает признаваться и буржуазной печатью. Более того, спекуляции переходят в новый этап. Ныне не отрицается сходство между двумя историческими ситуациями, а применяются «толкования», тонким образом препятствующие опасному заключению, что «новые левые» могут и должны следовать опыту большевиков. Гаррисон Солсберри, например, готов принять такое сравнение, но при условии, что современная Америка будет сравниваться не с Россией 1917 г., а с Россией, например, 1870 г., когда индивидуальные акты народников оставались совершенно безразличными массам. «Уточнение» Солсберри имеет своей целью доказать, что американские радикалы, как и народники, обречены на историческую неудачу, что они не доросли до революции, что революция невозможна. Однако эта игра с датами не учитывает того факта, что в США уже давно существуют «большевики» и что их теория и практика становятся притягательными для все большего числа «радикалов-народников».

лось. Через перспективу его будущей работы в его сознании уже возникает достаточно реальное представление о том, что будет через пять лет, через два года или через год, когда ему придется сменить студенческую аудиторию на свое место в производстве или в чиновническом аппарате. Студент, так сказать, ассоциирует себя со своей будущей классовой прослойкой по предчувствию. Эта все же довольно осязаемая близость заставляет его с волнением переживать ее проблемы, чувствовать себя ее заочным членом. При этом имеется и нечто другое: вступая в жизнь, выпускники высших учебных заведений вынуждены сталкиваться с ее наиболее острыми проблемами — безработицей, отсутствием работы по призванию и по профессиональной подготовке, это значит, что только что созданные кадры оказываются «промышленным перенаселением», занятыми рабочими руками.

Один из авторов, посвятивших свои книги майским событиям во Франции в 1968 г., Альбер Сигюсс, восклицает: «Франция ненавидит свою молодежь!»¹. Его возмущение неточно адресовано. Не Франция, а французский капитал ненавидит молодежь. Он, как и вообще крупный капитал во всем мире — американский, западногерманский, итальянский, английский, — проявляет особый вид «расизма» по отношению к молодежи. Один из манифестов протеста «Везерменов» (на сей раз совершенно основательно и без преувеличений) следующим образом характеризует конфликт. Загнивающий империализм наносит особо жестокие удары по молодежи в следующих направлениях:

1. В «школах-тюрьмах» молодежь душат антикоммунистической, расистской, шовинистической и антирабочей ложью. Процесс образования оказывается приспособленным к потребностям монополистического капитала.

2. Безработица среди молодежи вдвое больше, чем общенациональная безработица (данные по США). Когда в некоторых отраслях промышленности возрастает угроза безработицы в связи с конъюнктурными колебаниями, профсоюзы борются за то, чтобы обеспечить работой тех, кто имеет за своей спиной более

¹ Albert Sigusse. *Salauds de jeunes*. Paris, 1970, p. 7.

долгий профессиональный и профсоюзный стаж. Вышедшие из высших учебных заведений молодые люди оказываются один на один перед лицом наступления монополистического капитала, они становятся его первой жертвой. (Действительно, в основе студенческих волнений во Франции было решение управляющего класса переустроить систему образования так, чтобы гуманитарные науки, столь традиционные для французской культуры и столь бесполезные, излишние для капиталистического производства, были резко ограничены, образование было «американизировано», было непосредственно подчинено интересам империалистических объединений.)

3. Ныне только в США имеется свыше полутора миллионов молодых людей в военной униформе, которые вынуждены в своей роли полицейских убивать или подвергаться риску быть убитыми, защищая интересы империалистического господства.

4. Все это создает специфические проблемы молодежи, поэтому полицейская машина усиливает свои репрессии против молодежи, расширяет свой надзор за нею, подавляет малейшую инициативу, все более грубо расправляется с недовольными¹.

В своих перспективах студенческая молодежь соприкасается весьма близко с проблемами и страданиями пролетариата в развитых капиталистических странах. Ее профессиональное будущее начинается с самых острых классовых проблем, в определенном смысле она является как бы «предпролетариатом». Именно эта предпролетарская ситуация оказывается весьма критической. Когда молодые люди это осознают и сознательно связывают свою судьбу с классовыми требованиями пролетариата, то они развиваются как сознательные борцы, как прочный союзник рабочего класса. Но когда у них побеждает мелкобуржуазное самочувствие, когда они отвечают только на репрессии полицейской машины капитала, направленные непосредственно против них, они остаются в стихии эмоциональных реакций, оказываются легкой добычей капиталистической системы, ставят под сомнение своими неорганизованными и политически необдуманно-

¹ M. Lancelot. Campus. Paris, 1971.

действиями возможность единства антиимпериалистического фронта.

Впрочем, империалистические правительства знают уязвимые места молодых радикалов. Не случайно президент Никсон принял в июле 1973 г. решение перейти на систему добровольного набора в армию. Он сумел этим ходом — продолжением политики вьетнамизации войны — еще до конца войны ответить на прямые протесты студентов против мобилизации их в армию, на их антимилитаристические настроения, на их нежелание погибать за чужие интересы в чужой стране. К сожалению, в этот момент проявилась классовая непоследовательность американской студенческой молодежи: успокоенная мыслью, что она не будет отправлена во Вьетнам, большая часть бывших яростных радикалов «мудро» вернулась в свою мелкобуржуазную повседневность, не создавала особых неприятностей Никсону в период ноябрьских выборов 1972 г., не подозревая, что завтра ее ожидает другая война — постоянные классовые сражения за работу, за заработную плату, за социальное обеспечение, а затем — какой-нибудь новый Вьетнам. В этой сложной обстановке рождаются и закаляются истинные бойцы антиимпериалистической борьбы. В этой борьбе пролетариат и его союзники вырастают до осознающей себя силы. В свое время Ленин писал: «Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто наполовину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.; если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. п.»¹.

Эта истина относится теперь к сложной в своих внутренних пластах стратификации американского пролетариата, близких к нему прослоек, в экономическом и политическом отношении ограниченной монопо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 58.

лиями либеральной буржуазии. При этом американский рабочий класс лишь начинает пробуждаться от мелкобуржуазных иллюзий классового сотрудничества, осознавать, что этими иллюзиями он поддерживал убийственную для угнетенных американским империализмом колониальных и полуколониальных народов политику грабежа, насилия и бесчестия. Американским коммунистам и комсомольцам предстоит огромная работа по политическому воспитанию пролетариата. Нужно развить огромную деятельность, чтобы из встревоженных, стихийно реагирующих на наступление монополистического капитала некапиталистических прослоек создать третью, анtimoнополистическую партию¹, способную противостоять коррумпированной двухпартийной системе в США. В Западной Европе могучие организованные пролетарские отряды со своими программами передовой демократии весьма существенно ограничили размеры левацкой стихии и сумели выработать у других некапиталистических прослоек стремление к приближению полупролетариев к бескомпромиссной позиции пролетариев.

ПРОДАННЫЙ КАРНАВАЛ

1. Хиппи — первое пятно на американском образе жизни

Возрастание «новой левой» в США во второй половине шестидесятых годов отразилось и на ее составе. В сферу действия протестов молодежи попали и хиппи — молодые люди, недовольные «прелестями» потребительского общества. Этот любопытный продукт скрещивания двух направлений был назван западной печатью словом «йипи». Автор единственного «Учебника совершенного йипи» Джерри Рубин расшифровывает первые три буквы термина как сокращение¹.

Каково было действительное место йипи в молодежных волнениях? К левым их приближал шумно декларированный антибуржуазный пафос: они высказывали яростные угрозы по адресу американского общества «самодовольных свиней», злоупотребляли именем Че Гевары, снимались с карабинами и автоматами, которые так и не были пущены в ход. Самые революционные акции йипи сводились к мочеиспусканию на улицах, слабости к пестрой одежде, к пышной растительности в верхней части тела и к прочим колоритным жестам. Например, сам Рубин, когда он однажды переходил американско-канадскую границу, после словесной дуэли с различными вопросниками захотел раздеться догола, ибо «наши тела являются наши-

¹ См. Программу американской Компартии, опубликованную в журнале «США», № 11—12, 1970 и № 1—2, 1971.

¹ От начальных букв Yipie — Youth International Party — молодежная международная партия.

ми паспортами», а под конец посоветовал и таможеннику сбросить свою одежду — выйти таким образом из состояния отчуждения, чтобы они оба стали равными друг другу, как первые люди на земле¹.

Эти «адамитские» идеи, призывы к всесторонней и наркотической свободе, лозунг «Левые требуют занятости всех рабочих рук, мы желаем всеобщей безработицы»², полное трудовое и политическое безделье практически относят йипи к традициям хиппи, к пассивному течению «детей-цветов». Поэтому вместо того, чтобы заниматься граничным явлением йипи, возникшим от механического соприкосновения «новой левой» с хиппи, лучше вернуться к самим хиппи, тем более, что они исторически предшествуют и «новым левым», и шумному Джерри Рубину. Когда мы говорим «исторически предшествуют», мы имеем в виду, что течение хиппи было первой сравнительно массовой эмоциональной антибуржуазной реакцией американской молодежи. До хиппи были битники. Еще тогда Райт Миллз, считавшийся одним из теоретических источников американской «повой левой», написал свои основные критические произведения. И все же именно течение хиппи было первым потоком, который отклонился от «американского образа жизни». Оно оказалось первой трещиной в созданном пропагандой образе, представляющем Америку как земной рай, как образец демократии.

С помощью каких средств развивался этот конфликт и к каким он привел последствиям? Выводы говорят о том, что в конечном счете хиппи оказались кроткими и близорукими беглецами. Американская социальная машина очень быстро их настигла и снова интегрировала их в себя. Более того, из их мнимо бунтарских реакций были разработаны различные идеологические вакцины. Они предназначались для того, чтобы задержать дальнейший процесс политического прозревания молодежи в развитых капиталистических странах, привить потребительские настроения и склонность к «сладкой жизни» молодому поколению в социалистических странах. При этих противоречиях оценка хиппи должна быть дана в историческом плане, как

¹ Jerry Rubin. Do it (Scénarios de la révolution). Paris, 1974, p. 102.

² Там же, с. 85.

бы ни был короток исторический срок в одно десятилетие — период зарождения, созревания и упадка этого массового брожения среди молодежи многих стран.

Движение хиппи выявило духовные опустошения, которые государственно-монополистический капитализм приносит индивиду. Он определяет ему судьбу механизма или части механизма, обреченного всю жизнь повторять уже полностью лишённые своего смысла действия: работа на предприятии или в учреждении, истощительное, раздуваемое рекламой стремление к накоплению все новых и новых благ и отсутствие какой бы то ни было действительно эмоциональной жизни, возможности для человеческого и творческого проявления. Огромный и сложный механизм подобного разностороннего отчуждения человека достиг своей вершины в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов в США. Излом человека и его духовного мира не проходит безболезненно и легко. Американская интеллигенция давно критиковала стихию потребительства, нечеловеческий характер капиталистического труда (ставшего нечеловеческим именно потому, что превращает человека в интеллектуальный придаток машины). Однако традиция маккартизма, разращение профсоюзной верхушки монополистическим капиталом, стяжательские настроения и стремление к личному преуспеянию любой ценой являлись очень большой силой. Поэтому подобная критика оказывалась гласом вопиющего в пустыне.

Кризис из-за духовного самопринижения возникал не столько для свыкшихся с этим образом жизни, сколько для вступающих в нее — для самых молодых. Тепличная среда детства, привилегированный климат юношества, столь недавно поощряемое воображение ребенка, стимулирование юноши к творческой деятельности, благоприятная эмоциональная атмосфера в семье — все это отходит на второй план при вступлении молодого человека в общественную жизнь, когда он сталкивается с дегуманизирующими нормами корпоративных трудовых условий. От рабочего, от служащего требуется выполнение монотонных задач. Воображение здесь является излишним или используется при решении крайне ограниченных проблем, индивидуальность нивелируется в связи с узкими требованиями цеховой

психологии. Словом, из-за возникающих у молодого человека пролетарских забот, он неизбежно переживает кризис мелкобуржуазного индивидуализма — он является не суверенным индивидом, а функцией, средством¹. Не случайно одна из песен Боба Диллона называется «Маленькие коробочки» и ожесточенно бичует тупую повседневность чиновника, рабочего-мещанина, посвятивших всю свою жизнь цели купить домик, совершенно подобный другим, соседним домикам.

Хиппи попытались сойти с проторенных путей своего общества, доказать, что счастье человека заключается не в добытых вещах, а в духовных ценностях, разделенных между людьми. Как бы они ни были усилены капиталистической пропагандой, значительные пласты послушных «средних американцев» начали понимать одну страшную истину. Корейская война и начало войны во Вьетнаме ярко выявили ту истину, что счастье американского обывателя покоится на трупах убитых и умерших от голода в колониальных странах. В то время как исключительно острая книга Фреда Кука «Воюющее государство»² приобрела популярность в узких кругах интеллектуального мира, в массах зарождались первые признаки беспокойства, что что-то не в порядке, выявились первые угрызения совести, нашедшие выражение в лозунге хиппи «Занимайся любовью, а не войной» («Make love not war»).

Так со своим нежеланием наживаться, «как все честные американцы», и воевать, как все «хорошие патриоты», хиппи сразу вступили в напряженный идейный конфликт с идеологией стяжательства, господствующей в стране. Мир с напряжением и интересом следил за этими антиамериканскими публичными выступлениями «детей-цветов». Американские обыватели со страхом смотрели на то, как «молодые вшивые негодяи» приводили в ужас выходящих из церкви после воскресной службы верующих своими гитарами, объятиями, наготой, наркотиками и, самое главное,

своим полным презрением к пеканопизированной, повсеместной святыне Соединенных Штатов — доллару.

Кинофильм «Вольный ездок» (Хоупера) и «Забриски поинт» (Антониони) показывают эту дикую, ничем не обузданную ненависть «добрых американцев». Они испытывали к хиппи, отвергавшим воззрение, что мир — это доллароцентрическая система, почти такую же ненависть, с какой во времена клерикалов-геоцентристов сжигали на кострах астрономов-еретиков. Реакция была болезненной и ее выражение особенно жестоким, так как на этот раз угроза исходила не от проклятых коммунистов, находящихся за тысячи километров от Америки. Она зарождалась тут, на «счастливом» континенте, и вскрывала все его несчастное лицемерие неудовлетворенного и поработленного своими собственными комплексами и страхами грабителя. Страшный эпизод из кинофильма «Вольный ездок», в котором один американский фермер расстреливает из своей машины двух хиппи, объезжавших на своем мотоцикле Соединенные Штаты, символичен.

Часть молодых людей проявила ярко радикальные настроения. Они не только брели на гитарах, не только развлекались «простыми природными радостями», но участвовали и в антивоенных демонстрациях. Тема протестов против войны во Вьетнаме не только раздавалась со струн гитар, но была и лозунгом шестивей протеста перед Белым домом, участники которых протягивали цветы национальным гвардейцам, направившим на них штыки. Американская полиция объявила открытую войну именно этой тенденции в культуре хиппи. Те же грубые средства, какими полиция подавляла бунт «черных пантер» и облаивала кровью демонстрации демократической студенческой молодежи, она пустила в ход и против радикальных хиппи. «Забриски поинт» Антониони американская печать осыпала ругательствами за то, что он показывал эту печальную жестокость американской полицейщины.

Местные власти и мелкие хиппники (американский средний и мелкий собственник обычно является яростным защитником капитализма, так как он считает себя потенциальным Рокфеллером) яростно искали повода подавить насилием и ликвидировать протесты «плохих американцев», объявляя их то «агентами Вьет-

¹ См. статью М. Новинской «Студенческая революция в США и кризис буржуазных ценностей» («Вопросы философии», 12/1972 г.). О конфликте буржуазного индивидуализма с корпоративной моралью уже в историческом плане см. книгу Ю. Замошкина «Кризис буржуазного индивидуализма и личность».

² F. C o o k. The Warfare State. N. Y., 1962.

конга», то «вшивыми гомосексуалистами». А крупные боссы американской социальной политики пришли к идее спекуляций в мировом масштабе, направленной против спонтанного подъема молодежного движения протеста. Рецепт был известен — разрушить общественную ценность спонтанного антибуржуазного бунта путем преувеличения некоторых из его второстепенных элементов.

Весь этот утопический взрыв отказа от потребительского рая среднего буржуа — философия, стремящаяся восстановить простоту в отношениях между людьми и природой, между самими людьми, освобождение полового влечения от буржуазных предрассудков — оказался попыткой формирования особого «потустороннего мира». Однако, как бы новая духовная общность ни противопоставляла себя идейно и эмоционально американской действительности, в конечном счете она объективно опиралась на нее, порождалась ею, не создавала сама никакой своей материальной основы. Один пример: хиппи отрицали мир товаров, но оказались крупнейшим потребителем специально созданного для них «хиппи-конфекциона». Прибыли от «золотых пластинок» и хорошо оплачиваемые гастролеры вернули многим певцам протеста вкус к доллару, обезличили их жесты протеста, оставив только звуки мелодии. Через несколько лет после того, как он достиг вершины своей славы и накопил внушительное личное состояние, Боб Диллон пренебрежительно заявил, что уже не будет петь ни о какой политике.

Новый образ жизни, новая психология могут существовать только тогда, когда они создаются самой действительностью, когда изменится способ включения людей в производство. После скачка в «стратосферу эмоций» хиппи вынуждены были снова опереться на столь отвергаемую ими продажную и антигуманную действительность. Хотя они роптали против материального потребления, сами они погрязли в духовной лени, предалась «утонченному» удовлетворению инстинктивных потребностей. Хотя они объявили себя свободными от власти вещей, они были частыми посетителями магазинов буржуазного общества.

Что же осталось от честного и искреннего педовольства молодых беглецов от американского образа

жизни? Только обостренный аппетит к удовольствиям, детская слепота по отношению к «грязной политике», апатичное равнодушие к общественной жизни. Последние три-четыре года массового существования хиппи — конец шестидесятых и начало семидесятых годов — оказались годами бесцельного скитания туда-сюда, погружения в самоизоляции духовной резервации. Вовлекая их в болото опошленных и коммерциализированных «хиппи-удовольствий», буржуазная пропагандистская машина не давала им возможности действительных общественных проявлений, оставляла в их распоряжении лишь пастбище безобидного пацифизма и вегетарианского гуманизма, подправленного дзэн-буддизмом и раджа-йогой.

Мы не занимаемся поверхностным отрицанием особой популярности, которой пользуются среди западной молодежи азиатские нравственно-религиозные доктрины. Нет сомнения, что жажда этой молодежи и ее тоска по теплоте миру человеческих моральных устоев связаны с полной девальвацией основных систем ценностей в капиталистическом обществе — христианской и буржуазно-гуманистической. Однако какими бы более демократичными по сравнению с христианским мистицизмом и фанатизмом ни казались азиатские пантеистические религиозные доктрины, какими бы эмоционально более привлекательными они ни являлись в сравнении с сухим, всегда сильно интеллектуализированным, спекулятивным стилем современной буржуазной философии, они ни в коем случае не могут служить источником передовых, руководящих идей в антиимпериалистической борьбе. В истории нельзя найти ни одного примера прогресса, опирающегося на «ископаемую» веру или мировоззрение. При этом буржуазной пропаганде удалось совершенно обесценить их платонично-критический элемент. Она примитивизировала их и превратила в экзотические увлечения, на которых можно сделать хороший бизнес¹. Вез-

¹ Та же участь не миновала и «сверхреволюционный» маоизм. Розак рассказывает, что в Лондоне в некоторых особенно модных магазинах продаются «китайские» куртки, которые реклама представляет как одежду для прогулок типа «Мысли Мао». Они комбинируются с «революционной» фланелью цвета морской волны и высоким воротником типа «Мао» (T. P o s z a c. Vers une contre-culture. Paris, 1970, p. 55).

Десущая реклама сумела так обработать обманывающих себя беглецов от капиталистического общества, что для многих из «вновь посвященных» сближение с загадочной Индией начинается прежде всего с покупки оригинальных индийских рубашек или же пластинок с записью индийских мелодий, а затем наступает очередь различных популярных брошюрных суррогатов. Одним из успешных ударов буржуазной пропаганды, связанным с использованием индийских мотивов, несомненно, остается «покупка» известного индийского учителя «битлсов», который уже несколько лет патетически размахивает своими белыми рукавами и трясет своей патриархальной бородой со страниц западных журналов и в кадрах кинофильма «Вудсток», призывая народы и молодых хиппи «оказать дружескую духовную помощь Америке, которая так много помогает им материально...»

Так процесс коммерциализации хиппи, идейной и торговой их эксплуатации прогрессировал с каждым годом. Специально созданные для хиппи магазины в Милане, Париже, Мюнхене — вообще во всех европейских городах — выбрасывали на свои прилавки все больше и больше «хиппи-товаров». Бог коммерции Гермес сделал то, чего не могли сделать репрессии. Непокорные были им достигнуты. Они как добросовестные потребители отдавали последние свои деньги, чтобы купить консервы, пиво, пластинки, пестрые спортивные куртки¹.

Последние «принципиальные» хиппи, разгневанные распродажей их идеалов, поехали в Индию, Непал — по их представлениям, страны увлекательных религий и непосредственных отношений между людьми. Но тут их ожидала встреча с нищетой, с повседневной трагедией голода. Может быть, лучше всего выражают эту драму слова Джейн Фонды о ее путешествии на Восток в 1969 году: «Я бежала, чтобы изолировать себя в абсолютно чуждой массе. Но, в сущности, это путешествие пробудило у меня интерес к политике...

¹ И действительно, как это произошло в Сан-Франциско, хиппи стимулировали развитие сферы обслуживания (ресторанов, почты) («Encounter», March, 1973, p. 6).

Я была крайне поражена, когда увидела, как тысячи американских хиппи живут в невероятной нищете в Непале, Дели и Катманду рядом с местными жителями, которые умирают от голода и падают гостей всякого рода болезнями. Бегство хиппи от проблем вызвало у меня отвращение. И тогда я сказала себе: „Я хочу что-то сделать — это надо сделать в Америке“. Знаменательное обобщение! Оно выражает крах иллюзий хиппи и вместе с тем показывает, что антипотребительская и вообще антикапиталистическая культура может быть создана только тогда, когда будет отвоевана территория у буржуазного общества.

Такова схема идейных превращений или, точнее, идейного разделения и заката движения хиппи. В ней сокращен путь, ведущий к выводам, принесен в жертву анализ деталей и отдельных этапов. Но это вовсе не изменяет той истины, что хиппи перестали быть заслуживающим внимания общественным феноменом.

2. Скачок в стратосферу

Еще в первых более или менее завершенных произведениях хиппи-культуры находит свое выражение сложная борьба между спонтанными демократическими тенденциями и пропагандируемым буржуазной прессой удовлетворением инстинктивных потребностей. Естественно, прежде всего мы остановимся на наиболее шумевшем примере — музыкальной комедии «Волосы» Джерома Рани и Джеймса Рейдоу. В США «Волосы» рекламировались чуть ли не как «голый» спектакль. Буржуазная печать способствовала успеху пьесы, и она была поставлена в ряде театров, занимающихся единственно сексуальной революцией. Летом 1970 г. я имел возможность увидеть эту музыкальную комедию на сцене театра «Порт Сен-Мартен» в Париже. Она имела совершенно другую интерпретацию. У меня создалось впечатление, что реакционная критика и реклама умолчали в своих писаниях о таком «мелком» факте, что сюжет «Волос» — открыто антиимпериалистический. Один молодой американец получил призывную повестку, когда США вели войну во

Вьетнаме. Все его друзья — шумная и жизнерадостная компания — вместе с молодой женой уговаривают его сжечь проклятую бумажку. Клод (главный герой) боится, он раздвоен. С одной стороны, он разделял настроения своих друзей, с другой — боялся репрессий официальной власти. Все действия спектакля сводятся к борьбе за «перевоспитание» Клода. Этот спор прерывается музыкальными интермедиями и скетчевыми импровизациями, беспощадно высмеивающими все ценности и традиции буржуазного мира. Действительно, атака начинается с демонстрации распущенности, с тезиса о «сексуальной эмансипации». Однако все это только для того, чтобы высмеять псевдопуританизм буржуазной морали — пагота символизирует полное отрицание норм этой морали. Далее следует великолепная пародия на американскую историю. Короткие сценки представляют развитие Соединенных Штатов как ряд насилий и грабежей. Уничтожающее определение войны во Вьетнаме дано одним негром — героем пьесы: «Белый, который отнял землю у краснокожих, предоставляет черному свободу истреблять себя в борьбе с желтыми».

С юношеской непосредственностью осмеяны в пьесе буржуазные культы американского общества, традиции его внешней и внутренней политики. И над всем этим — мотив протеста против вьетнамской войны. В определенном отношении мюзикл стремился пробудить чувство протеста у зрителей таким же образом, каким актеры пытались убедить Клода отказаться от участия в войне. Увы, интеллигентный, обаятельный, остроумный Клод уступает своему страху перед американским правительством, уезжает во Вьетнам и там его убивают. Но для своих друзей он мертв уже в тот момент, когда он надел военную униформу.

Представляет интерес режиссура постановки: режиссер стремился к достижению полного контакта с публикой и, действительно, сумел вовлечь ее не только в развитие спектакля, но и в его концепции — концепции радикальной молодежи, выступившей против социальных и политических зол капиталистического общества. Артисты разрушали условности сцены, переносили действие за ее пределы, непрерывно обращались к публике, приобщали ее к своим действиям.

Тут, очевидно, стремились достичь эффекта хэппинга*, однако режиссер, Бернар Каstellли, нашел чувство меры, позволившее ему ассимилировать лишь творческое зерно модной крайности. Такое же чувство проявлено им и в употреблении самых современных технических средств для звуковых и световых эффектов — были моменты, когда свет стробоскопических ламп и вой сирен с ужасающей силой отображали власть полицейского насилия в США, а на заднем плане трещала и разрушалась сама по себе в бешеной игре световых подобиий реклам какая-то странная машина. Все это представляло собой поистине сильную картину, способную отобразить резко, показать зрителю непосредственно угнетающую атмосферу загнывающего, вступившего на путь непреодолимой конфликтности американского общества.

Музыка «Волос» (автор Колт Мак-Дермот) уже известна молодежи всего мира — ее вступительный этюд «Аквариус» завоевал огромную популярность; музыкальные мотивы спектакля основаны на англосаксонском фольклоре, а их интерпретация выдержана в стиле другой традиции, ставшей почти народной для населения США, традиции афро-кубинских ритмов.

Подобным художественным и даже значительно более сильным техническим реквизитом располагает американский фильм «Вудсток». Года два тому назад этот фильм собирал молодых людей в крупнейших кинотеатрах европейских столиц. Длющийся почти четыре часа, снятый девятнадцатью операторами во главе с двадцатисемилетним режиссером Майклом Уодли, этот репортаж об одном из крупнейших хиппифестивалей поп-музыки представляет собой несомненное профессиональное достижение. Молодой зритель, выходящий из кинозала, долго не может забыть поэтический танец одной хиппи-матери и ее мальчугана в предвечернем сумраке Вудстока. В его сознании непрерывно всплывает ошеломляющий эксперимент с разрывом экрана на три крупных плана (Уодли сумел достичь во время исполнения группы «Ху'з» такого

* хэппинг (от англ. happening — случай, событие) — авангардистское направление в буржуазном искусстве, которое считает, что каждый факт повседневной жизни достоин быть предметом искусства. — Прим. автора.

единства между образом и ритмом, какое, как нам представляется, не ощущали и сами участники фестиваля).

Надо сразу же сказать, что эти прелести «Вудстока» маскируют весьма коварную тенденцию. В них заложена широкая по масштабу и весьма глубокая по замыслу диверсия. Молодежи преподносят техническое чудо записи Джимми Хендрикса, прекрасный лирический голос Джоан Байз, песни «Тен Иерз Афтер», Сантаны, Арло Гитри и Ричи Хевенса. Но вместе с тем молодежи настойчиво вдалбливается в голову мысль — американские парни и девушки собрались в Вудсток для того, чтобы попеть, позаниматься любовью, принять немного наркотика. Они разойдутся мирно и тихо, и ничто не изменится. В конце фильма один полицейский восклицает умиленно: «Господи! Да ведь эти молодые люди совершенно спокойны и никому не делают зла, слушая свою любимую музыку» — и великодушно призывает добрую Америку обнять своих блудных сынов.

Возмущенный пропагандистско-реакционным подтекстом «Вудстока», французский критик Анри Шапьер определяет его как «поверхностный спектакль синема-верите»¹ и подчеркивает, что если даже «не на три, а на четырнадцать экранов разорвать образ Ричи Хевенса, то от этого никто не ощутит ни малейшего прогресса», если речь идет об идейной стороне фильма.

Так, «Вудсток», точнее, интерпретация Уодли стала для западной пропаганды и коммерческой машины примером того, как из «митинга протеста против войны во Вьетнаме, против расистских законов, против власти вещей и капитала» фестиваль поп-музыки может превратиться в популяризацию непретенциозного гедонизма. Недовольство молодежи превращается, пишет «Пари-матч», в «новое искусство жить, в новое толкование социального поведения» — «поп-способ жизни — это новая мораль без обязанностей, без санкций — словом, кодекс абсолютной свободы». «Есть клиентура!» — многозначительно заключает все та же «Пари-матч». Когда человек к тому же видит фотографию некой новой американской труппы «МС-5», он понимает, что, сколько бы ее участники «ни возмущались расизмом, Никсоном, подавлением меньшинства и загрязнением

¹ «Pariscope», 413/1970.

атмосферы», в скольких бы «крайне левых организациях» ни состоял их лидер, революционный порыв этих парней абсолютно обесценен, стал предметом развлечений того класса, который они отрицают. Впрочем, к этому заключению пришел и Теодор Розак — один из самых восторженных трубадуров контркультуры. С горечью он заявляет: «Мы уже имеем модных художников, парикмахеров, издателей журналов и целую армию поп-певцов, которые без всякого личного понимания истолковывают философию современной взбунтовавшейся молодежи на страницах еженедельных журналов вперемежку с цветной рекламой роскошного белья и цветными репортажами о новом модном пляже. Поэтому сама контркультура начинает походить на светское рекламное мероприятие.

С беспокойством мы спрашиваем себя, сумеет ли она преодолеть эту двойную опасность: с одной стороны, неустойчивость культурных связей с обездоленными, а с другой — ее эксплуатирование в качестве странного спектакля, интересующего мир модников»¹.

Достигнутая «сработанность» движения хиппи с буржуазным обществом лучше всего становится видной, когда анализ производится на политико-экономической основе. Под колоритом, под неукладывающимся на первый взгляд в рамки категорического социального обобщения беспорядком (как нас уверяет Розак) вырисовывается классическая ситуация, систематически служившая капиталу в качестве инструмента давления на пролетариат. Хиппи — это просто нынешняя форма постоянного промышленного перенаселения.

В буржуазном обществе, независимо от возрастания общественного богатства, часть пролетариата обречена на тяжелый труд, а другая — на вынужденную безработицу. Резервная армия, как подчеркивает Маркс, оказывает давление на активную рабочую армию, а в период перепроизводства и лихорадочной деятельности обуздывает ее претензии. Это правило прослеживается в конъюнктурном движении американской экономики. Ее кризисное состояние, порожденное главным образом войной во Вьетнаме, отозвалось социальным эхом на увеличенном промышленном перенаселении.

¹ T. Roszak. Vers une contre-culture, p. 92.

Буквальное применение марковского текста к действительности шестидесятых и семидесятых годов нашего века, разумеется, является неправильным подходом; как занятые на производстве лица имеют теперь нормированный рабочий день, а грубая физическая сверхэксплуатация индивида уступила место более цивилизованному и более разностороннему ограблению его труда, так и хиппи не являются классическими пауперами¹.

Нынешний пауперизм в развитых капиталистических странах выражается, кроме известных его примет — расовых гетто, гетто бедности и «бидонвиллей» иностранных рабочих, — и в выбрасывании индивида из общественной жизни, в так называемом «социальном исключении». Это тяжелая деградация личности (хотя она и не умирает от голода в буквальном смысле слова), потому что она лишена возможности для проявления и действительного развития своих качеств. Перед нею воздвигнут барьер социально-экономических и социально-психологических факторов, которые не позволяют ей сделать никакого общественно значимого шага. Участие в производстве действительно является вхождением в систему прямой капиталистической эксплуатации, но и возможностью для стачек, для организованной борьбы. А злоупотребление инстинктами у хиппи — это летаргия, мертвый сон. Именно тут становится очевидным, что ни лозунги хиппи, ни левацкие доктрины не могут руководить борьбой пролетариата. Это настроения, исходящие от массовых, но непосредственных и непредставительных из-за своей бездеятельности общественных слоев, находящихся в неустановленном состоянии по отношению к средствам производства.

¹ Все же предшественниками движения хиппи можно считать gangsystem (систему артелей) в Англии (популярных ровно 100 лет назад), которым уделил внимание и Маркс. Эта разновидность пауперизма имеет много черт, сходных с привычными для хиппи настроениями. Занимаясь многими видами легких сельскохозяйственных работ, эти артели скитались из одного села в другое... «Грубая принужденность, веселая распущенность и самое наглое бесстыдство царят в артели... Нередко тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки становятся беременными от своих сверстников... их дети, если только опиум не доконает их, являются прирожденными рекрутами артели» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., том 23, с. 707—708).

Механизм нынешнего «обуздания» активной рабочей армии может быть прослежен совершенно непосредственно. Молодежь, которая отказывается принимать условия хуже всего вознаграждаемой в материальном и моральном отношении работы, — это те «подонки» и «отъявленные негодяи», на фоне которых занятый рабочий видит себя преуспевающим буржуа, готовым на вольчье конкурентство (находящую «корпоративное» выражение в политике реакционных тред-юнионов), чтобы защищать свое «процветание».

Монополистическое государство не стремится ликвидировать хиппи административным путем. Оно дает им возможность тешиться буржуазной демократией. Ведь ее «свободы» предоставляют трудящимся людям право ненавидеть друг друга регламентированно — занятых работой ненавидеть незанятых, конкурировать друг с другом и таким образом укреплять господствующую систему. Это очередное буржуазное разделение труда дает одним возможность деятельности, но в рабочей форме эксплуатируемого труда, а другим — наслаждение, но в разрушительной и бессмысленной форме. Хиппи насмеяются над «работягами», но не понимают, что они неполноценны по сравнению с производственной мощью «работяг». А «работяги» не догадываются, что под их презрением к «детям-цветам» кроется и зависть к тому огромному количеству эмоций, посредством которых хиппи себя наркотизируют. И наконец, обе отрицающие друг друга стороны не понимают, что они отрицают друг друга как полноценных человеческих индивидов, потому что они со своим смешным соперничеством позволяют антигуманной власти капитала воспроизводить себя, вместо того чтобы заключить союз против этой власти. Не случайно американский автор Энтони Хартли отмечает, что хиппи и «organisation Man» (то есть интегрированный в капиталистическую производственную машину индивид) — это два различных облика одного и того же отчуждения, в принципе одно и то же примирение с действительностью государственно-монополистического общества¹.

¹ См.: A. Hartley, Neither Bureaucrat nor Hippie. — «Encounter», March, 1973, p. 6.

3. Эмоции и революция

Мы не случайно называем движение хиппи порабощенным карнавалом. Советский исследователь Михаил Бахтин видит в массовых формах народного юмора средневековья (наиболее типичное проявление которого представляет собой карнавал) выражение особой критической силы народных масс — их духовное освобождение от грубой феодальной иерархии, проявление огромного творческого напряжения, которое как подлинная идеология красоты и свободы противостоит догмам феодального общества¹. Именно этот идеологический смысл, эта непрестанная тоска по миру справедливости и красоты превращают средневековый карнавал во временную, несколькодневную победу над нетерпимой религиозной тиранией, в стихийное наслаждение масс своей огромной силой. Однако «культура смеха» может способствовать практическому отрицанию феодальной действительности лишь тогда, когда она становится частью идейных побуждений Возрождения. «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле опирается в своей антифеодальной и антиклерикальной направленности именно на народное творчество. Юмор Рабле и карнавальный фольклор имели огромную действительную силу в свою эпоху: они не только содержали в утопической форме критику феодального рабства, по выдвигали ее именно в тот момент, когда начиналось разрушение феодальных институтов, когда народные массы поддерживали буржуазию в ее исторической борьбе против аристократии. В творчестве Рабле карнавальная стихия являлась и критикой и действием, она принимала участие в исторических преобразованиях исключительно крупного масштаба, носила в себе и устанавливала элементы новой этики. С хиппи дело обстоит совершенно наоборот: они часто берут из общественного и исторического развития эпизоды с большим колоритом и преобразовывают их в свободный, ничем не нормированный спектакль, переделывают социальные роли в театральные, эстетизируют их применительно к своим собственным представлениям, исполь-

¹ См.: М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле. М., 1965.

зуют их в качестве повода для того, чтобы улизнуть от натиска и проблем современности в романтику свободно реконструируемой истории¹. На заре Возрождения народные массы отрицали в своих представлениях один мир, участвуя в создании нового. Хиппи же остались только на первом этапе. Они создали сравнительно богатое музыкальное течение, повернулись спиной к буржуазным ценностям, отрицали и пародировали государственно-монополистический способ общения, по ... только в своем сознании.

Хиппи-культура не была связана с практическим действием, направленным против мира капитала, она не создавала свое действительно общественное бытие и в конечном счете была разорвана и подхвачена регламентированным бытом капиталистических традиций, его коммерческими структурами. Она оказалась интеллектуальной позой, неосуществленным воображением. Разумеется, этому очень сильно «помогла» и буржуазная пропаганда. Она со всей своей мощью боролась с любой мыслью и попыткой действия, направленными против капиталистического общества. Буржуазная пресса обычно «упускала» из виду прогрессивные требования наиболее радикальных хиппи, обезличивала их протестующие голоса, призывающие к борьбе за мир, но зато разжигала любопытство широкой публики в связи с сексуальной свободой и наркоманией хиппи, популяризировала «революционеров» типа участников труппы «МС—5» и Джерри Рубина, умалчивая о том факте, что все же многие молодые люди из течения хиппи перешли к различным стихийным или целенаправленным формам антимонополистических действий. В результате этой «разъяснительной работы» буржуазной прессы был создан навязчивый «отрицательный стереотип студентского активиста, имеющего вид немывтого психопата с растрепанными волосами, неспо-

¹ Джон Олдридж отмечает и проницательно анализирует большую склонность хиппи таскаться облаченными в одежды времен короля Эдуарда, в индийские и ковбойские костюмы, в восточные одеяния именно как маскарад, как «акт отрицания, отказа от современной эпохи и вместе с тем — как декларацию предпочтения драмы, индивидуальности и романтики» (J. A. O'dridge. In the Country of the Young. London, 1970, p. 84).

собного нормально трудиться и учиться, сексуально распущенного, одержимого параноидальными идеями»¹.

Обобщим сказанное. Проведенный анализ объективно поднимает вопрос о том, как вырвать пораженных молодых людей из их духовных резерваций, как привлечь их к антикапиталистической борьбе. Не только глубокий теоретик, но и блестящий практик революционного движения Георгий Димитров в тридцатые годы основательно раскритиковал некоторые западные коммунистические партии за их неумение работать с молодым поколением, за проявленную ими нетактичность, «неконтактность», которая позволила фашистской пропаганде оказать столь значительное влияние на немецкую и итальянскую молодежь.

Какими являются пути установления контактов? Нет надобности в алхимических формулах, в особых усилиях глубинной психологии, чтобы раскрыть магию общения. Хиппи-культура, несмотря на свою гедонистическую самоцельность, поражает своей эмоциональной интенсивностью. А анализы Бахтина свидетельствуют о том, что игра чувств сопутствует и наиболее философским моментам в творчестве Рабле. Идеи проникают особенно глубоко в массы тогда, когда они привнесены и в эмоции, когда интеллектуальная схема будет воспринята и очеловечена переживанием.

Дееспособное население, вступая в исключительно массовое производство, стремится выявить свою творческую мощь, наслаждаться ею, видеть себя субъектом огромного процесса преобразований. Государственно-монополистические отношения чрезвычайно грубо препятствуют именно этому побуждению. Они отводят личности роль инструмента, возлагают на нее обидно ограниченные для горизонта ее образования задачи. Подобным же образом эмоции, которые порождает у человека открытие его колоссальной деятельной мощи, усваиваются не как богатство общественного сознания, а как средство частного интереса. Они впрягаются в буржуазную массовую культуру, чтобы стать достоянием широкой рекламы, посредством которой

¹ И. С. К о н. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений». — «США — экономика, политика, идеология», 1971, № 3, с. 36.

торговля открывает путь капиталистическому потреблению, монополистическому обороту капитала. В этом отношении левачьи настроения могут рассматриваться и как стихийное стремление избавиться от убийственного однообразия и жесткости государственно-монополистического регламента, навязанного личности, как слепой порыв к неизвращенному условиям эксплуатации развертыванию творческого потенциала индивида. (И тем легче молодые люди поддаются анархистским доктринам, обещающим путем однонедельной борьбы на баррикадах свергнуть капитализм или по меньшей мере превратить революцию в волнующую, забавную игру.) Поэтому хиппи пытаются усваивать распирающие их чувства в иллюзорных пространствах наркотика и таким образом «спасти» их от всепоглощающей коммерции (и, естественно, становятся добычей самого вульгарного, циничного бизнеса). Но из всего этого не следует, что невозможно создать организованное молодежное движение, потому что будто бы строгая дисциплина и «инструментализм» исчезли, растворились под экспрессивной силой молодежной субкультуры¹. Вывод совершенно иной: необходима принципиальная политизация молодежного движения, подчинение его пролетарской партийности. Возникает задача все более широкого усвоения интеллектуального и эмоционального роста масс, претворения антимонополистических критики и действий в антимонополистическую культуру, переход к пониманию искусства не только как внутреннего размышления, но и как активной эмоциональной идеологии, вовлечения в это всего человеческого существа. Исключительная потребность в подобной инициативе видна и из развернутых буржуазной пропагандой спекуляций вокруг этой проблемы. Насаждаются антисоветские настроения среди «крайней левой», «марксистский вариант» социалистической революции (будто бы существует другой вариант!) изображают как «явление, резко контрастирующее с праздником «освобождения», как «мрачно-аскетическое», узко «организованное», «бюрократическое мероприятие»².

¹ См.: E. Erikson. Youth change and Challenge. N. Y., 1963.

² См.: Э. Баталов. Воображение и реальность. «Вопросы философии». № 1, 1972, с. 76.

1. Кто молится принцу Гаутаме

При этом речь идет не о строительстве на голой земле. Доказательства действенной силы антикапиталистического культурного фронта находятся у нас перед глазами: «Мать» Горького и стихи Демьяна Бедного, поэзия Маяковского, плакаты РОСТА, гимны революции (от «Варшавянки» до «Интернационала»), театр Брехта, нашедшая весьма широкий отклик критическая киноволна («Дело гражданина вне всяких подозрений», «Рабочий класс идет в рай» и др.), медведкинские рабочие киногруппы во Франции, продолжающие эпос песен протеста. Но как сама песня протеста является не только текстом, не только мелодией, но и ритмом и танцем, так и любой жанр антимонополистического искусства должен в определенной степени спуститься со своей академической высоты до непосредственного эстетического переживания масс.

И наконец, особенно убедительные примеры дает и болгарская литература. В ней в течение долгих лет перед революцией создавалась весьма сильная и влиятельная пролетарская «контркультура», явившаяся наследником самого прекрасного в национальной прозе и поэзии. Достаточно упомянуть имя Христо Смирненского, чтобы ярко представить себе огромный диапазон социальных и остро политических проблем, ставших объектом его виртуозного пера. Гимны революции, ее смирненский праздник, величие и красота ее сражений — вот что должно наличествовать в работе западных компартий с молодежью. *Чувства молодых бунтовщиков должны быть усвоены революционной практикой, чтобы эта практика была усвоена этими бунтовщиками.* Это реальный ответ на провокационные маркузеанские превозношения произвола воображения. Когда пролетарская, антикапиталистическая культура сделает очевидным тот факт, что революция является освобождением всего человека, его чувств, тогда индивид отнесется с еще большим доверием к обязанностям, налагаемым революцией. Это аргумент *ad hominem* (непосредственно относящийся к самому человеку), значение которого Маркс подчеркивал еще в своей работе «К критике гегелевской философии права».

В течение нескольких лет, как только солнце начинает греть, как только зазеленеет трава, по древним путям с Запада на Восток, подобно перелетным птицам, устремляются в буквальном смысле слова немые, пестро одетые или оборванные молодые люди. Движимые традицией хиппи-паломников, они стоически глотают пыль и дым мчащихся автомашин, устремив взгляды за горизонт, к своей новой духовной родине — азиатским религиозным доктринам. Когда за два месяца, когда за год многим удастся добраться — кому на разболтанной бричке или на собственных ногах, кому благодаря милосердию попутных водителей автомашин — до заветной Индии, до таинственного Непала.

Человек может легко проследить пути миграции хиппи в Европе. Но то, что начинается для них на Востоке, совершенно отлично от их европейских путей, связано с тяжелыми, если не трагическими, переживаниями. Впрочем, тут мы можем верить французскому писателю Жерару Бору, который сам дважды прошел по азиатской части пути хиппи-паломников. Бор описывает судьбу своих соотечественников, которые, как

свидетельствует журнал «Реалите»¹, составляют значительную часть десятков тысяч направляющихся каждое лето в Индию и Непал. Их участь оказывается незавидной. Еще в Стамбуле, в грязных дешевых гостиницах у хиппи происходят роковые встречи с наркотиками, с гашишем. Часть хиппи, поддавшихся призрачным радостям, даруемым наркотиками, остаются в старой турецкой столице, попрошайничают, занимаются проституцией, продают свою кровь, чтобы получить пропитание.

Более упорные продолжают медленно двигаться к Индии. Их путь отмечен пьянствами, наркотиками, кражами, насилиями и даже убийствами. Когда они в конце концов пересекают границы Турции и Афганистана, наступает время «непоправимого шока» — мечта раскалывается на тысячи кусочков. Обетованная земля оказывается невообразимо бедной. Даже грязные полуголодные хиппи с их жалкими несколькими долларами в пестрых сумках выглядят богатыми белыми туристами на фоне погрязшего в крайней бедности местного населения. «Идеалисты», сильно поредевшие, пытаются найти спасение в Бенаресе, городе буддистских откровений, — в их представлении, городе любви, музыки и духовного возвышения. После очередного разочарования горстка оставшихся энтузиастов, решивших, что в Индии «все потеряно», направляется в Непал. При своем сравнительном благополучии (это единственная азиатская страна, экспортирующая продовольствие) Непал встречает с полным равнодушием жаждущих духовного перерождения беглецов из западного мира. Более того, консульства, представляющие эту страну, еще в Париже или во Франкфурте стараются отказать в визе туристам «типа хиппи».

Уцелевших после большого похода оказывается только около четырехсот человек летом и около сотни человек зимой, а ведь в путь отправляются десятки тысяч.

См.: Gerard Borg. «Realité», 1971, № 2. Розак указывает, что европейские эмиграционные власти в период с 1966 по 1970 г. ежегодно регистрировали передвижение около 10 000 американских, английских, немецких, французских и скандинавских хиппи. (T. Roszac. Vers une contreculture, p. 50).

В Катманду хиппи не работают, живут бедно, знакомят непальцев со своими сексуальными «свободами» и вдыхают истощенной грудью «спиритуальную атмосферу» непальской столицы. Буддизм, индуизм и тантризм забыты по той простой причине, что европейские пришельцы не знают языка населения, не имеют с ним контактов. Только единицы преодолевают этот языковой барьер, и тогда они с отчаянием начинают понимать, «что монахи и духовные обители не принимают новых пополнений». Непонятые и отвергнутые перерожденные души делают последнюю попытку объединиться, самим основать свой монастырь или обитель. Летом 1970 г. один молодой американец по фамилии Ли «реквизировал» на короткое время часть территории Непала, основав у подножия Гималаев свою республику. Печатью «Хиппи-ланд — братство вечной любви» Ли скреплял паспорта иностранных туристов, пока однажды не пришло подразделение непальской армии и не предложило этому «божьему человеку» в качестве временной резиденции камеру в одной непальской казарме.

«Начинают отовсюду их изгонять, — пишет Бор, — ни в Цейлоне, ни на теплых пляжах Гоа, ни в Таиланде пришельцев не встречают с раскрытыми объятиями». И их агония, растянувшаяся на тысячи километров в Азии, не находит места для своего конца. Безродные, отвергнутые, чуждые своему миру, чужие в далеких странах, эти молодые люди продолжают мучительное существование, ищут ответ на небе, а погибают в грязи.

Возможно, буддизм является религией, наиболее богатой сектами. Между этими сектами имеются глубокие различия, но, когда речь идет о дате зарождения буддизма, все они проявляют единодушие, указывая, что он зародился более чем 2500 лет назад. Приверженцы этого религиозного учения вполне серьезно предвидят и изучают возможность его превращения в мировую религию, дают конкретные прогнозы. Известный знаток буддизма и дзэн-буддизма в Америке и Европе Аллен Уотс считает, что к двухтысячному году «Штаты будут под смутным буддистским влиянием»,

а в своем очерке «Будда и будущее буддизма» В. К. Амбедкар — бывший министр юстиции Индии — даже намечает меры всемирного наступления объединенной буддистской церкви, которая будет иметь свою библию, свои миссии и т. п. В США значительную популярность среди ученых приобретает попытка Р. Сю привести в гармонию научное познание с интуицией Дао¹. Особенно настойчиво отстаивает идею об органической встрече западных наук и восточных ценностей американский философ-органицист Арчи Бам². В октябре 1974 г. в Западном Берлине на заседании так называемого Римского клуба (представляющего ориентирующиеся на более трезвую внешнюю политику деловые круги) Шинко Саеки рекомендовал включить буддизм в моральные резервы клуба³. Становится ясно, что буржуазная идеология весьма систематически включает в свой арсенал восточные религии, в частности буддизм.

Нет надобности спрашивать, действительно ли буддизм обладает какой-либо исторической конструктивной силой. Вековая история, которой так сильно гордятся приверженцы буддизма, свидетельствует, что он не сумел «освободить» бедствующих на его родине, что в течение этих двадцати пяти веков буддизм только объяснял мрущим как мухи азиатским крестьянам, что

¹ См.: Э. Янг. Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1974, с. 62, 398.

² См.: A. Bahm. Organicism: the Philosophy of Interdependence — «International Philosophical Quarterly», 1967, № 2.

Католическая церковь тоже смотрит конструктивно на проблему сотрудничества между дзэн-буддизмом и христианской религией. По сведениям «Пари-матч», в октябре 1972 г. монахи-бенедиктинцы аббатства Пиер-ки-вир (около Морвана) и приверженцы дзэн пришли к общему убеждению, что методы созерцания дзэн близки к «монастырским традициям христианских церквей». А в аббатстве Л'Арбрель — крупном центре монахов-доминиканцев — отец Бон (изучавший дзэн в японских монастырях) организовал симпозиум по этой азиатской религии, в котором участвовало 300 человек. В своей статье «Христианин перед дзэн» теолог Томас Мертон тоже выражает мнение, что христиане могут практиковать дзэн вместе с буддистами, но при условии, что эта доктрина сохранит свой метафизический и духовный характер. «CH'AN», Hermès, Recueils de recherches sur l'expérience spirituelle. 1970, p. 264.

ощущение голода является грехом. Мировая буддистская церковь, о которой мечтает Амбедкар, не может преодолеть мировую несправедливость.

Впрочем, обратимся к откровениям принца Гаутама — мирское имя Будды, — чтобы проследить сами мифы и механизмы заблуждения, продолжающегося столько веков и охватившего столько стран мира. Следует отметить, что письменных памятников, связанных с корнями буддизма, имеется очень мало. Исследователи ссылаются на так называемые палийские рукописи, известные под названием «Типитака» (три корзины). На пятом общепаллийском соборе в 487 г. в Мандале (Бирма) эти рукописи были заново отредактированы, а их текст вырезан на 729 мраморных плитах. Идейной основой религиозного учения являются постигнутые самим Буддой четыре благородные истины о мире¹.

Первая — вся человеческая жизнь есть страдание и боль. «Рождение — страдание; расстройство здоровья — страдание; болезнь — страдание; смерть — страдание. Присутствие того, кого мы ненавидим, — страдание; отделение от того, кого мы любим, — страдание. Короче, пятичленная привязанность к существованию — страдание».

Вторая благородная истина ищет причину страдания и обнаруживает ее в «человеческом существовании, ведущем от перерождения к перерождению, вечно сопричастному желаниям и стремлениям, находящим тут или там свое удовлетворение, а это удовлетворение порождает удовольствие, после которого приходит ненасытная жажда удовольствия». Таким образом, вторая истина объявляет человеческую жажду удовлетворения всех жизненных потребностей (авидия) корнем человеческого несчастья.

Гаутама намечает возможность спасения в третьей истине. Пока любое существо движется в цикле перерождений своего явного бытия (сансара), оно будет страдать. Человек должен усовершенствовать свой дух, оторвать его от земных забот и грехов, чтобы он

¹ «Presence du bouddhisme», «France — Asie» (153—157), Saïgon, 1959. См. также: «La doctrine. Les quatre nobles vérités. Le bouddhisme d'après les textes pâlis», p. 595.

мог в конце концов погрузиться в нирвану (неявное бытие или, грубо говоря, нечто вроде спокойствия «окончательной» смерти)¹. Иначе говоря, поняв бесполезность своих усилий, сознание должно отказаться от них и вернуться к состоянию естественной прозрачности и чистоты.

Своей четвертой благородной истиной Будда указывает конкретно «восьмеричный путь» достижения состояния Будды. Этот путь состоит из «праведного воззрения, праведного стремления, праведной речи, праведного действия, праведной жизни, праведного усилия, праведного созерцания, праведного размышления.

Философская сущность буддизма сводится к тому, что индивид замыкается в себе и ограничивается лишь потреблением своих собственных субъективных переживаний, их обожествлением. Гарантией этого самозамуровывания в фикции является категорическое требование Будды порвать всякую связь с внешним миром. Лишенное «порочной» информации органов чувств, сознание погружается в «чистую» идею. Трудно определить, действительно ли подобное состояние приносит счастье тому, кто в нем находится. Однако совершенно очевидно, что оно представляет собой блестящую модель того, как управляющие классы пытаются превратить миллионы эксплуатируемых индивидов в послушных и невероятно дешевых роботов.

В памятниках, запечатлевших «истинные слова Будды», почти не встречается термин «карма» — представление, что действительная судьба отдельного человека является только звеном в его перерождениях и определена суммой всех его добродетелей и грехов в течение прошлых его жизней. Это свидетельствует о том, что, тогда как учитель развивал свое учение прежде всего как форму этического аскетизма и, следовательно, «нет основания считать, что Гаутама намере-

¹ На палийском языке «ниббана» означает угасание, затухание. Американский исследователь буддизма Алан Уотс предлагает несколько более широкие толкования, из которых мы приведем здесь как наиболее приемлемое следующее: нирвана принимается за прекращение циклических процессов (которое является целью учения Йогасутры), чтобы погасить мысли, попытки духа объять мир и самого себя. (Alan Watts. *The Way of Zen*. Ed. Panthéon, 1957, p. 65).

вался основать религию)¹, значительная часть его исторических наследников начинают институционализировать его учение как официальную религию, отводят исключительное место учению о карме, ища возможность овладения сознанием масс и контроля над ним. Известный русский китаевед В. Васильев рассматривает противоречия между двумя основными буддистскими направлениями Хинаяна (малое колесо) и Махаяна (большое колесо) как идеологические извращения, навязанные институционализацией буддизма.

Хинаяна ничего не добавляет к четырем благородным истинам Будды; они толкуются именно как предписание, как этическая модель поведения, причем акцент делается на достижение нирваны — освобождение от всего земного. При Махаяне появляются монастыри, появляется связанный с ними монастырский кодекс «виная», теория значительно усложняется, создается иерархия в преподавании, простые четыре истины остаются только для «самых тупых»², делается решающий упор на учение о карме. А связь с кармой, подчинение стремлениям выработать лучшую карму ставят верующего вне возможности сознательной социальной ориентации. Вместо того, чтобы стремиться к социальной справедливости тут, на земле, верующий обращает свой взгляд к прошлому, принимает на себя априорную тяжесть и ответственность за грехи, которые он никогда не совершал³.

Усложненные ступени спасения, предлагаемые Махаяной, в сущности, оказываются догмами, унаследо-

¹ T. W. Rhys Davids. *Buddhism: Being a sketch of the life and the teachings of Gautama the Buddha*. London, 1882, p. 151. (Русский перев.: В. Рис-Дэвидс. Буддизм. Очерки жизни и учения Гаутамы — Будды. Спб., 1906).

² См.: В. Васильев. Буддизм. Его догматы, история и литература, Спб., 1857. Этот автор указывает и на ряд социально-бытовых перемен, противопоставляющих два направления. Последователем Хинаяны является «Билшу» (нищий), тогда как монахи при Махаяне живут в богато убранных и обширных комнатах, пьют водку «под видом лекарства», участвуют не только в торговле, но и в правлении. Появляются иерархии, которые доходят до далай-ламы (см. с 86—87).

³ Известный исследователь буддизма Т. В. Рис-Дэвидс тоже недвусмысленно определяет карму как «наиболее ошибочную из четырех доктрин буддизма» (T. W. Rhys Davids. *Op. cit.*, p. 401).

ванными от брахманизма¹, и в свою очередь свидетельствуют об институциональной взаимосвязи двух религий. Верующий занят подсчетом своих грехов и добродетелей, взбиранием по бесконечной лестнице совершенствования, его целью становится отречение от «мира сего», полное пренебрежение к земным мукам и страданиям. Так устанавливается перемирие между управляющим классом и угнетенными, в силу которого господствующие получают «развращающие» земные блага, тогда как ограбленные честно зарабатывают себе более хорошую карму. Классический для всех религий, сыгравших роль социально-угнетательского института, механизм. «Если веришь в перерождение душ, — пишет Морис Магр в своей брошюре «Почему я буддист», — то уже нет справедливости, ни божьей, ни человеческой»². Это заветная мечта и цель эксплуататора — заставить эксплуатируемого отказаться от своего законного порыва к человеческой и «земной справедливости».

Выявляя идеологические деформации Махаяны, мы не намерены «амнистировать» буддизм первоисточников как применимую, ныне социально осмыслимую этику. Самая справедливая оценка его нравственных предписаний может быть дана тогда, когда мы поставим вопрос, возможно ли при нравственной позиции принца Гаутамы выработать какую-либо действительную добродетель, которая найдет реализацию в общественных отношениях классового общества. «Просветленный» (так переводится само имя Будды) не только категорически выдвигает в качестве своей цели «уничтожение существования» (собственно, подтекст: обесмысливает любое намерение сообщения добродетели, ее социального воспроизведения), но и называет дьявольской мысль осуществления такой власти над миром, при которой не будут убивать, не будет рабства

¹ Так, например, ступень «Кама-дхата» («ступень имеющих желания») включает большинство людей, животных, обитателей ада, голодных демонов, разных духов и божества брахманского пантеона (см.: А. Н. Кочетов. Буддизм. М., 1965, с. 66).

² M. Magre. Pourquoi je suis bouddhiste, Ed. de France, 1928. Между прочим, этот «убежденный» буддист в свое время был автором бульварных романов. Поучительное сочетание великих идей и дешевого бизнеса!

и страдания¹. А отрицая всякую возможность социальной справедливости, оспаривая ее право на существование даже в качестве утопии, Будда, в сущности, обрекает свои человеколюбивые заповеди на то, чтобы они оставались навечно замкнутыми в отдельном сознании, чтобы они были практически незначительными, подобно тому как отдельный филантропический акт в бесчеловечной социальной системе имеет значение утопического жеста. Даже принцип ахимзы (ненасилия) трудно воспринимать как безусловно нравственное достоинство, ибо буддист практически понимает его не как общественное дело, а эгоцентрично, усматривает в нем возможность скопить побольше «добродетелей» в актив собственной кармы. Когда оскорбляют буддиста, рекомендует канон, он должен думать о своих обидчиках: «Они добры и кротки, потому что не поднимают на меня рук и не бросают в меня камнями». А если все же это произойдет, буддист должен думать: «Они кротки и добры, потому что не трогают меня ни железом, ни мечом». И наконец, если «добряки» начнут действительно рубить буддиста, он должен думать об убийцах: «Они добры и кротки, освобождая меня от этого тела, полного нечистот». Такую проповедь, способствующую не преодолению насилия, а, скорее, удовлетворению буддиста, в принципе трудно отличить от известной схемы извращенного взаимодействия садизма и мазохизма.

Объявляя себя единственной нравственной личностью в мире и поворачиваясь к нему спиной, буддист по законам социальной механики оказывается законченным эгоистом, которого капиталистическое общество использует в качестве «строительного» материала для своей морали. Причину этого парадокса опять-таки следует искать в субъективно-идеалистическом построении сознания буддиста — он замыкается в самозерцании, и если случится, что он посмотрит на весь прочий мир, то только для того, чтобы взглядеться в него и восхититься своим собственным совершенством.

Впрочем, тут мы снова подходим к современной роли буддизма в отношении западной молодежи. Соблаз-

¹ «Gotama le Bouddha. Sa vie d'après les écritures pâliées, choisies par E. H. Brewster». Paris, 1929, p. 149.

ненный идеей морального совершенства, молодой человек начинает сосредоточиваться на субъективно-идеалистическом переживании, прельщенный суетной мыслью увидеть себя чуть ли не святым, освободившимся с помощью рецептов буддизма от всякого недостойного увлечения. Заключен весьма выгодный для управляющего класса социальный договор. Молодой человек может достичь вершины фикции, удовлетворить все свое любопытство и честолюбие, если только он откажется от общественных проблем.

2. Да станешь ты богоравным

Популярность буддистских настроений среди некоторых кругов западной молодежи не может быть исчерпана однозначным ответом — стандартный индивидуализм. Почему молодые люди, роясь в богатом арсенале буржуазных заблуждений, выбирают только одно заблуждение, не являющееся непосредственным продуктом капиталистического развития Европы и его атмосферы? Почему они не становятся протестантами или экзистенциалистами, а ориентируются на буддизм? Именно тут надо отметить притягательную силу азиатских пантеистических религий.

И христианство и буддизм обладают эмоциональной образностью, впечатляющим ритуалом, но иудейско-христианская традиция придавливает человеческую мысль к беспощадным догмам. Эта традиция проявляет стремление распорядиться всеми фибрами человеческого существа, представляет собою монументальный кодекс для каждого шага человека, создает огромную дистанцию между личностью верующего и божеством, подавляя с этой высоты индивида, вечно внушая ему чувство вины, чувство его ничтожества. Буддистская же религия отвергла деспотизм. Она не только обещает верующему прямую возможность стать богоравным путем его усвершенствования, но и предоставляет ему богатый выбор сект, каждая из которых предлагает ему все более легкий и все более приятный путь спасения. Замечательная религиозная терпимость придает силу внушению и заблуждению. Даже для более критических умов, отвергающих, как устарелый рекви-

зит, религиозные конструкции, находится нечто более тонченное, более разработанное и более привлекательное — им предлагается буддистский «атеизм», или дзэн-буддизм, развитый не как религиозная, а как философско-этическая система, как «путь от рабства к свободе»¹. Более того, интеллигент избавлен от усилия истолковывать абсурдное понятие «атеистическая религия» — перед ним «естественная», непринужденная система, необыкновенно доступная, подкупающая, непосредственная. Она со своими категориями бесконечно легка и в отличие от досадных, сухих, многоэтажных рациональных построений западных философов выражена в поэтических афоризмах, чья лаконическая образная сила иногда поистине поразительна. Унаследовав от Махаяны и даосизма принцип «кто говорит, не знает, а кто знает, не говорит», дзэн-буддизм оставил скудную философскую литературу. Только традиция устного эпоса, как и большое влияние дзэн на китайскую и японскую литературу и искусство, обеспечила преемственность доктрины, связанную с различными поколениями. В отличие от западной мировоззренческой системы, требующей значительной подготовительной работы для введения в сущность ее концепций, дзэн через традиции Коана (диалога между учителем и учеником) стремится выразить свою суть только в одной реплике². Согласно поэту Гошику — это «шум воды», согласно Банкею — «перождение», согласно Текуану — «беспристрастное понимание», а экстравагантный Матцу на вопрос, что же представляет собой, в конце концов, дзэн, часто отвечал ударом по лицу. Но даже при таких «радикальных» введениях возможность моментального проникновения в дзэн — это совершеннейший миф. На практике понимание тайны дзэн отнимало долгие годы и требовало огромных усилий не только у начинающих, но и у самих патриархов — создателей и распространителей школы в Китае и Японии.

¹ D. T. Suzuki. Essais sur le bouddhisme Zen. Paris, 1940—1943, t. 1, p. 13.

² Коаны, поэзия и графика являются большими эстетическими достижениями, его вкладом в мировую культуру. См., например, поэзию Башо (Басё). — «Лирика», М., 1964.

Очень трудно подвергнуть анализу интуитивное постижение, называемое «сатори» (просветление), тем более что критерий его ценности не имеет никакого объективного основания, а покоится только на субъективной оценке учителя и на субъективном решении ученика, что он достиг откровения. Традиция субъективно-идеалистического герметизма приводит в конце концов к ритуальным и концептивным деформациям в самой школе. Укажем на самый простой пример, сразу же бросающийся в глаза. Создателем дзэн называют индийского монаха Бодхидхарму, который в конце пятого века нашей эры поселился в Китае. Он применял лишенное зримых образов сосредоточение, достигаемое при неподвижном ритуальном сидении. Эта поза, называемая по-японски дзэн (по-санскритски — дхяна, по китайски — чан), дала и имя самой школе. Два века позднее Хуай-ян уже развенчал классику следующим чисто дзэн-буддистским диалогом. Один из его учеников спросил его, в чем заключается цель позы дзэн. Хуай-ян взял черепицу и начал ее гладить. «Что Вы делаете, учитель?» — воскликнул новопосвященный. «Я хочу сделать зеркало из черепицы», — был ответ. «Как же может черепица стать зеркалом?» — «А как поза дзэн может позволить тебе стать Буддой?» — возразил преподобный. Не считая, что Хуай-ян сделал какие-то критические намеки по поводу интеллектуальных возможностей своего ученика (потому что это был темпераментный Матцу, сам воспитавший целые поколения дзэн-буддистов), легко понять, что нарушена приемственность по отношению к ритуалу.

Общепризнанный ныне авторитет в области дзэн-буддизма в Японии доктор Судзуки рекомендует: «Не доверяй другим, не доверяй чтению сутр и шастр [классические буддистские книги. — Г. В.]. Будь себе сам светильником». Единственной общей нитью, которую можно обнаружить в потоке противоречивых концепций, является выраженная позиция субъективно-идеалистического отношения к миру. Таким образом, можно поставить рядом слова Бодхидхармы: «Передача мыслей непосредственно от ума к уму, созерцание собственной изначальной природы и есть реализация состояния Будды» — и совет Судзуки быть самому себе светильником. Если обобщить философские тезисы в

дзэн-буддизме, мы увидим, что они основаны на ассимилировании внешнего, объективного мира в субъективно-идеалистическом переживании индивида.

Вместе с тем, независимо от своего принципиально декларированного идеалистического начала (особенно в классических текстах), при любом внесении какого-либо житейского момента — бытового или бытового-профессионального — через более мирские виды деятельности и толкования некоторых учителей дзэн порождает колебательные движения в сторону эмпирической формы стоицизма, восхваляющего в качестве высших добродетелей спонтанность и непосредственность человеческой природы. Естественно, подобная позиция представляет собой значительный прогресс по сравнению с человеческим мышлением в период средневековья. В подтексте феодальных отношений дзэн приобретает значение «более прогрессивной доктрины», поскольку в завуалированной религиозной форме дискутирует с их императивом и поскольку он позволяет временное замещение религиозных предрассудков материалистическими догадками отдельного сознания.

Однако, с другой стороны, эта автономия индивида была допущена господствовавшими «исключительно дисциплинированными и авторитарными»¹ средневековыми японской и китайской культурами, потому что она оставалась измерением «внутренней свободы», воображения, потому что вводила независимость и непринужденность только в детали личного быта, в психологическую технику профессиональных умений. Не обладая общественным пространством, дзэн ограничивается чисто интеллектуальным усилием, попыткой заменить мрачные горизонты феодальной иерархии, бесперспективность ее повседневности раздутой до размеров искусственной Вселенной простой житейской радостью.

Учитывая, что учение было распространено в сравнительно узких кругах (практически локализовано в монастырях), можно понять, что оно было теоретической конструкцией средневековой интеллигенции. Она была сравнительно обеспечена материально, но ее возможности действия были всецело парали-

¹ «CH'AN», p. 265.

пованы феодальным чипопочитанием. Восточное средневековое общество отводило мудрецу (интеллекту) ничтожную общественную роль во внушительном здании монархической власти. Дзэн компенсировал крайние ограничения, позволяя каждому чувствовать себя деятелем, равным божеству. Но «новоиспеченному божеству» дзэн предоставлял очень скромное поле для действия. Вместо стремления к вмешательству во все-ленские судьбы, «просвещенный» открывал свое «божественное» призвание в ничтожной задаче по переустройству своего быта: повышал свое профессиональное мастерство, находил новые удовольствия в пище, в ношении своей одежды — вообще переживал по — новому, «во всей их полноте» все бытовые детали. Поэтому и порожденный спонтанный материализм, выступающий против наиболее обскурантистских сторон учения, проявлялся на узких территориальных полосах этой специализированной человеческой практики: в профессиональной психологической подготовке в области военных искусств — бушидо, в умении составлять букеты цветов — икебана, в пейзажах тушью.

Учение принца Гаутамы было религиозной философией массы париев, не имевших ничего, умиравших от голода, — и поэтому оно утешало их тотальным отказом от всех отсутствующих вещей, полным возвращением в «дух». Дзэн был связан с прослойкой, получившей от феодала насущный кусок хлеба, и соответственно уже признавал, помимо чистого бытия несоблазненного духа, и наличие предоставленных скромных благ, сосредоточивал все мышление на утонченном использовании этих благ. В этом кроется источник концептуальных расхождений между классическим буддизмом и дзэн.

Как известно, в азиатских религиозных учениях пантеистический мотив является основным. Распространяя «материалистическое» толкование на весь буддизм, некоторые европейские приверженцы учения (особенно теософы в начале и в течение двадцатых годов нашего века) утверждали, что со своей своеобразной диалектикой оно вообще будто бы сошло на землю, что оно представляло человека как один из бесчисленных феноменов Вселенной, который познает ее законы и жи-

вет в гармонии с ними. Правда, еще ранний буддизм развил формы стихийной диалектики, определил движение как вечный закон и выработал понятие для непрерывного характера движения.

При этом уроки диалектики, которые, согласно древним рукописям, один монах давал некоему царю, выступают в диалогической афористической форме, насыщенной образами, что связано с интересной традицией сочетания эмоциональных переживаний человека с познавательным усилием: движение похоже на пламя, которое то затухает, то разгорается, но создает представление о постоянстве. Единство рационального и эмоционального, этического и эстетического, идея единого восприятия мира обладают большой притягательной силой для адепта, поскольку обещают ему органическое отношение к миру. И все же азиатский пантеизм со своим «переживаемым познанием» является религией, а не наукой, прежде всего из-за того факта, что для упомянутых его теоретических защитников «диалектика» перерождения тоже является «материалистическим» мотивом. В своем самом земном толковании эта доктрина остается не больше чем тоской по истинному познанию. А интерес части западной молодой интеллигенции к азиатскому пантеизму показывает, насколько велико ее стремление к гармоничному развитию человеческой сущности. Разумеется, это развитие возможно не как нисхождение, возврат к примитивному синкретическому мышлению, а как преодоление классового разделения труда, как движение к коммунизму, который научно и практически рассматривает индивида как всесторонний, не разорванный на отдельные виды деятельности субъект общественного процесса.

С этой точки зрения выражением реакционного антиисторического романтизма является сентиментальное возвышение буддизма — идеологии общества с крайне низким уровнем развития производительных сил — над разъединением искусства и науки в западноевропейском мышлении, ставшим как бы интеллектуальным отголоском классового разделения труда. Капиталистическое общество порождает состояние крайнего отчуждения человека от человека, человека от природы. Пессимизм — характерная черта его философских течений, открыто признающих, что инди-

вид — жертва стихийной жизнедеятельности, что узкая специализация его рабочего места лишает его возможности полноценного контакта с другими человеческими сущностными силами, вовлеченными в свою очередь раздельно, где-то в другом месте, в производство. Однако вопреки всему, по сравнению с древними обществами, государственно-монополистическая система с огромным развитием материального богатства, со своей мощной индустриальной и социальной технологией намного ближе к разностороннему развитию человеческих способностей. Эта система развернула эти способности и овецевала их в своей промышленности. На повестку дня ставится вопрос не о производстве этих способностей, а об их сознательном общественном использовании посредством социалистической революции. Дзэн — это мечта о целостной личности. Развитый капитализм есть полное практическое расщепление личности, но в то же время — именно вследствие практического характера этого разрыва и расщепления — он является объективной возможностью интегрирования личности при изменении условий, при революционной реорганизации общественной жизнедеятельности.

Теперь встают исключительно актуальные, жизненно важные вопросы достижения равновесия между промышленным потенциалом и природой, но рецепты буддистского синкретизма означают неравный союз для человека: люди должны терпеть все природные стихии, должны платить им голодом, смертью и нести урон от эпидемий, встречать это бремя только со стоицизмом или с религиозным примирением, отражающим их пассивное участие в кругообороте природы. Таков азиатский феноменальный дуализм, предлагающий свое деление на вечную божественную сущность и переходное явление, стремящееся возвыситься через свою эволюцию до сущности. Отсюда и дзэн-буддистское осмеивание позитивного усилия — для него ученый не больше чем наблюдающее само за собой насекомое¹.

Однако истинный путь для человека, позволяющий проявить себя, завоевать свою собственную личность, —

¹ См.: E. Steinilber-Oberlin, Les sectes bouddhiques japonaises. Paris, 1930, p. 186.

это овладение природными силами¹, и это доказано общим направлением всего исторического развития. Ныне проблема заключается в том, что только социализированное человечество сумеет преодолеть и буржуазное отношение к природе (гипертрофированное активное начало к представлению, что природа — неисчерпаемый источник ресурсов и объект любых видов воздействия), сможет, воспроизведя самого себя, воспроизводить и всю биосферу. Об исторической отсталости буддистского синкретизма свидетельствует и развитие его категориального аппарата. Буддизм не содержит основного гносеологического вопроса (в конечном счете выясняющего место человеческой деятельности в мире). Дзэн, даже если оставить в стороне религиозный миф, не пытается выявить реальное соотношение между человеком и природой, а стремится без излишних объяснений вместить всю божественную или небожественную Вселенную в отдельное сознание. «Душа моя бесконечна, я поглотил Вселенную»².

В догмах подобного единства (а в своей теории, в отличие от своей практики, дзэн не исходит из них) реакция против религиозного мышления вместо материализма оказывается солипсизмом или же идеализмом, только на этот раз в своей самой крайней форме. Воспользуемся одним примером из классики. Знаменитая «Книга поучений» («Люцзу таньцзин») рассказывает, что, когда пятый патриарх Хун-жэнь призвал всех и повелел всем написать стихи, выражающие просветленность духа каждого, и сказал, что тому, кто достиг истинного просветления, он передаст свой сан и учение, монах Шэнь-сю написал стихотворение:

Тело и есть древо просветления,
Дух же подобен подставке светлого зеркала.
Все время мы стараемся очищать его,
Не позволяя собираться пыли.

Хун-жэнь, очевидно недовольный материалистической догадкой о познании как процессе отражения и о чувственном опыте как источнике познания, предпочел более последовательное стихотворение Хуй-эна:

¹ А. Грамши. Избр. произв., т. 3. М., 1957, с. 54.

² E. Steinilber-Oberlin. Op. cit., p. 178.

Просветленность изначально лишена древа,
Как светлое зеркало не имеет опоры.
Природа Будды всегда светла и чиста,
Где же в ней место для пыли [мирской]?

Это открытый идеалистический нигилизм. С упорной традицией этого крайнего идеалистического момента связаны и все отрицательные стороны дзэн-буддизма. Его «чистые» последователи отрицают материалистические тенденции, развитые спонтанно в практике учения, прерывают его эволюцию к своеобразному стоицизму и возвращают его к механизму солипсической ассимиляции мира.

Подобная поза, естественно, представляет собой самоуничтожение всех добродетелей, развитых стремящимися к совершенству и просветлению. Дело в том, что для указанных «нравственных» личностей общество не существует. Мир — это они сами, их тихая повседневность, и ничего более. В подтексте общественных отношений капиталистического строя позиция морали дзэн оказывается средством полного изолирования сознания от социальных конфликтов. Е. Завадская с полным основанием указывает на превратность подобной личной нравственности, на ее общественную «неадаптированность» и недейственность, на ее практическое примирение с капиталистической безнравственностью: дзэн «действует лишь в ограниченной сфере культуры и не решает основных задач переустройства общества. Дзэн — только утешение, но никак не спасение человека от бедствий в буржуазном обществе»¹.

3. Бесконечное примирение

Буржуазия предлагает «утешенным» бесконечные, но иллюзорные пространства их собственных идеалистических переживаний, однако деловито сохраняет для себя презренный материальный мир общественного производства и его ценности. У молодых поклонников дзэн-буддизма развивается настоящая социальная шизофрения. Спасенные от «гнета» европейских отчуждающих философских схем, они действительно приобре-

¹ Е. Завадская. Восток на Западе. М., 1970, с. 8.

тают возможность полного и освежающего контакта с природой, располагают непринужденно своей собственной повседневностью, но вместе с тем абстрагируются от мира общественных отношений. Для них этот мир представляется совершенно прозрачным, любой чужой интерес или чужая боль им непонятны. Практическая антиобщественная направленность дзэн усиливается и отказом буддиста мыслить категориями времени. Его сознание живет исключительно в настоящем времени — в простой радости вкушать случайные и непосредственные переживания мига.

Утонченная простота этой школы особенно соблазняет интеллектуальную элиту западной молодежи. Каждый из этих молодых творцов в своем отращивании к пошлости и бесчеловечности капиталистического общества пытается создать какую-либо действительную ценность. Но, ослепленный мыслью, что он постиг желанную красоту, он не обращает внимания на тот факт, что буржуазная идеология извращает это восхищение, превращая его в философское самолюбование, бесшумно «обезвреживает» его творческое усилие.

Мы пришли к категоричному выяснению действительного социального эффекта учения дзэн. Слияние субъекта и объекта в единый феномен, неделимый акт переживаемого познания, чувство органической связи со Вселенной являются, может быть, двумя наиболее существенными моментами учения дзэн. Однако это учение не совпадает полностью с тем дзэн, который практикуется ныне на Западе. Первый мотив превращается в теоретическую рамку для экзистенциальных переживаний всякого характера (например, нынешние последователи учения не являются аскетами), второй — трансформируется в аргумент для защиты природной среды. Современные американские, французские или западногерманские дзэн-буддисты старательно зубрят тайну созерцания, тогда как классика отрицает именно такой педантичный подход, анализируют наиболее непосредственные человеческие жесты и, таким образом, утрачивают их непреднамеренность. Неуловимое, неподатливое словесным определениям, согласно старым учителям, переживание мира дробится на отдель-

ные атомы и претенциозно точные формулировки в учебниках, в популярной литературе¹.

Однако указанные первичные атомы повседневности, которые вплетаются в духовные рецепты, являются отдельными повседневными событиями мира государственно-монополистического общества. Оказывается, что экзистенциальные переживания являются не открытием новой Вселенной, а наложением эмоций на банальные колеи этого общества, на известные силовые линии массового буржуазного сознания. Над спонтанностью, над интуицией здесь утверждаются разъясняющие схемы, доктрина логируется, грамматизируется. Указанное искусственное структурирование дзэн извращает многие первоначальные значения старой доктрины, эклектически ее связывает (посредством логирующей новой редакции) с позитивизмом, последний побег которого — структурализм — мы исследуем далее.

Утверждение доктора Судзуки, что «дзэн не является врагом никого и ничего», что доктрина только предоставляет отдельному человеку возможность вступить в «чистый опыт» своего существования, в сущности, является коммерческой заявкой. Оно стремится завоевать покупателя уникальным качеством товара: его полной совместимостью с нормальным функционированием капиталистических производственных отношений. Господствующий класс поддерживает интерес интеллигенции к буддизму именно из-за этого сосредоточения ее мышления на ничтожных проблемах быта, из-за этой безбрежной безвраждебности.

Впрочем, вследствие своей практической социальной беспринципности и бездейности буддизм всегда был реакционным идеологическим резервом господствующего класса. Об этом свидетельствует и его контакт с европейской философией, установленный более ста лет назад. Шопенгауэр, например (в первом издании своей книги «Мир как воля и представление»), заимствует из этой религии мотив, что страдание — неизбежная

¹ В 1974 г. один японский учитель дзэн со страниц «Пари-матч» принизил до такой вульгарной рекламы учение: с его помощью коммерсант сможет легче решать свои деловые проблемы, а молодая девушка может справиться со своими половыми комплексами и т. д.

участь человечества и что спокойствие смерти (нирвана) — истинная цель жизни. Последователь Шопенгауэра и предшественник современных иррационалистов и волюнтаристов в западной философии Эдуард Гартман в свою очередь заявляет, что по мере общественного прогресса возрастают страдания человечества, что «вообще существо тем счастливее, чем тупее его нервная система, ибо тем менее излишек страдания над наслаждением и тем больше ослепление иллюзией»¹.

К линии Шопенгауэр—Гартман примыкает, естественно, и Ницше, но если мы прибавим к ней и интуитивизм Бергсона, то вырисовывается один из основных источников европейского экзистенциализма. Интересно отметить, что аналогия между мистическим «сатори» (просветлением) и интуицией Бергсона проведена японским дзэн-буддистом Масуми Шибата. Шибата цитирует следующую мысль Бергсона: «...Нет уже дистанции между мыслью и объектом мысли... Нет уже разделения между тем, кто любит, и тем, что любимо. Бог присутствует, и радость не имеет границ» («Два источника морали и религии»). Шибата торжественно заключает, что, хотя дзэн-буддизм является древней школой, он превосходит «европейский теизм и мистицизм» своими уже «атеистическими» формами мышления и осмысления мира². Разумеется, тут Шибата увлекается, потому что то, чем он хочет лечить фидеизм и интуитивизм Бергсона, является, по существу, крайней формой субъективного идеализма — солипсизмом. Однако показательно, что именно японский автор роднит дзэн-буддизм с самыми иррациональными течениями западно-европейской философии.

Хотя и косвенно, генетическое родство европейского экзистенциализма с буддизмом и особенно с дзэн-буддизмом доказывается ярко выраженными связями. Прежде всего как для учения Гаутамы, так и для всех экзистенциалистских направлений характерно, что онтологические проблемы сведены к переживанию одного-единственного сознания. Интуитивное «постижение» мира, столь типичное для дзэн, присуще многим экзистенциалистским авторам. У Хейдеггера оно называется

¹ А. Кочетов. Буддизм. М., 1965, с. 72.

² M. Shibata. Présence du bouddhisme, p. 638.

«пониманием», у Ясперса — «озарением», у Марселя — «опытом». И у буддистов, и у экзистенциалистов проблемы морали имеют весьма релятивистские решения, и, наконец, не лишено значения то, что сложные формулы немецкого или сартровского экзистенциализма иногда поразительно схожи в своем построении с терминологией буддизма. (Сравните, например, буддистское «Будда в себе самом» и экзистенциалистское «бытие в себе самом».) Совпадения приводят к обнаружению «общих» частных случаев — сам Судзуки проявляет особую слабость к философии французского экзистенциалиста Камю. Очевидно, таким же образом, как атеист Камю со своим волюнтаристическим стоицизмом отклоняется от известной схемы экзистенциализма, так и дзэн, очищая буддизм в значительной степени от божественного реквизита, доходит во многих своих проявлениях до солипсического стоицизма.

Почему все же, хотя экзистенциализм и буддизм предлагают сходную позицию применительно к обществу, весьма близкие нравственные оправдания безнравственности аполитизма, хиппи не носят в своих сумках книг Сартра и Хейдеггера, а путешествуют на родину принца Гаутамы? Объяснение состоит в различной степени логизирования этих порывов духа. Зародившийся в начале XX века в качестве реакции на высокоразвитую, но бездушную организацию государственно-монополистического общества, на бесчеловечную логику его войн, экзистенциализм при всем своем крайнем психологизме заимствует теоретические инерции у позитивизма, создает отталкивающе сложные конструкции и аргументацию, накапливает вызывающую досаду многотомную литературу. И буддизм завоевывает людей гораздо более лаконичными и образными формулировками, не изгнанной из теории лирикой. Как бы ни систематизировал «по-европейски» дзэн Ален Уотс, его брошюра все же по меньшей мере в пять раз тоньше недоступного тысячестраничного по своему объему трактата Сартра «Бытие и ничто». Учение принца Гаутамы было более соблазнительным и своей слепой религиозной беспроблемностью. В концепциях экзистенциалистов субъект кричит от ужаса в бессилии оказать какое-либо значимое действие на свой объект — этот мир, рассматривает его как устрашающую, уни-

чтожающую стихию. Судзуки недоумевает, почему надо издавать трагический крик, что мир превратился в бездну, — пусть субъект не отделяет себя ничем от объекта, сойдем спокойно в пропасть и увидим, что она не столько уж страшна.

Какая трогательная готовность к бескорыстному раболепию перед капиталистической действительностью! Ясно, что эмоциональная насыщенность различных буддийских направлений, предложенные ими эстетические переживания не могут ни в коем случае уравновесить и искупить вредную политическую роль буддийской рабской аполитичности. Наоборот, они становятся социально более опасными, ибо преподносят заблуждение более увлекательно, проникают более глубоко, их яд оказывает более длительное воздействие.

Недооценка их вреда является ошибочным шагом — история революционного движения уже сталкивалась с их реальной опасностью. Определяя толстовскую мораль непротивления злу насилем (в основе которой лежит элемент ахимзы), Ленин указывал, что это есть «культивирование самой утопченной и потому особенно омерзительной поповщины», считая, что ее влияние было «серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании»¹.

Монополистическая буржуазия всегда стремилась развернуть в возможно наибольшем общественном пространстве свои теоретические спекуляции, перевоплощая их в свою массовую культуру. Открытая жажда наживы, на которой основывается все буржуазное общество, в последнее время теряет уважение. Христианская религия, которая ее благословляет и сама сливается с коммерцией в постановках типа «Иисус Христос — суперзвезда», все меньше удовлетворяет обеспокоенных верующих. И наконец, сам буддизм, и особенно дзэн, требует определенного образовательного уровня для его восприятия, то есть остается увлечением преимущественно кругов студенческой молодежи и интеллигенции. Когда-то буддизм располагал очень талантливым популяризатором в лице Льва Толстого². Ныне американец Ричард Бах, компенсируя свои более ограниченные возможности годами приложе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210, 213.

² См., например, его брошюру «Будда, его жизнь и учение».

ного труда, сумел изготовить общедоступную смесь из перечисленных компонентов и выпустил ее двухмиллионным тиражом под заглавием «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»¹.

В этой повой и вполне демократической редакции святых учений, точнее, в этом новом коктейле из мистики и сентиментализма наиболее важным результатом является — воспользуемся язвительной репликой журнала «Экспресс» — «первооружение традиционно-предприимчивого духа американиста».

4. Проблемы, таящиеся за религией

Наша задача не исчерпывается только критикой все более конкретных буржуазно-партийных «ангажементов», наслаивающихся на древние мифы буддизма и его сект. За критикой не должно оставаться пустое пространство — под разоблаченным обманом вырисуются те нравственные искания, которые молодые интеллектуалы стремились удовлетворить религиозно-философской доктриной. Научно-технический прогресс систематически наносит тяжелые удары по религии (даже когда она имеет вид «атеистической» веры типа «дзэн»). Он буквально разрушает ее устаревшие мифы, а в политической борьбе становится все более очевидным, чьи интересы защищают различные божественные откровения. Но псевдоценности и псевдоистины религии образуют сложный нравственный кодекс, способный дать человеческое объяснение всех малых или больших проблем повседневности. Этот эмоциональный климат, великолепное знание человеческой психологии, умение выявить и понять самое интимное переживание с помощью тактичной формулы какой-либо притчи, полное превращение идеологии в настроение и повседневность — вот в чем заключается привлекательная сила религии, вот чего в определенной степени не хватает пропаганде революционного движения.

Снова выступает на передний план исключительно важный вопрос о развитии и распространении антинополистической культуры уже в ее аспекте *конкретизированной новой морали*, новых межчеловеческих отношений. Кроме своего эстетическо-идейного изме-

¹ R. Bach. Jonatan Livingstone le Goéland. Paris, 1973 (см.: «Иностранная литература», 1974, № 12, с. 176—198).

рения, ее самая широкая форма — реальное воплощение участия масс в социальном процессе. Революция должна проникнуть во всякую сторону человеческой сущности и установить с ней контакт, должна воспринять очертания нового быта индивида, чтобы полностью им овладеть. В этом заключается исключительная идеологическая сила любой классовой культуры — она превращает свои идеи в переживание, находит их бытовой образ, конкретизирует их в повседневности. Непосредственным участием в культуре являются просмотр телепередач, чтение книг и газет, публичные зрелища (кино, театр и т. д.), любительские занятия, учение и самообразование. Кроме этих эстетических и образовательных функций, культурные занятия имеют и значительно более широкое значение общения между людьми — они содержат определенные нормативные элементы, как будто незаметно выражают определенные позиции, способные даже передать сложную общественную дифференциацию. Известный советский социолог И. С. Кон пишет по поводу этой проблемы так: «Как показывают многочисленные исследования в США и в других странах, самое большое расхождение между родителями и детьми наблюдается по сравнительно поверхностным вопросам — вкусам, способу проведения свободного времени и т. д. Различия между поколениями тут проявляются наиболее ярко, а влияние родителей минимально. Именно на этих данных основаны теории о существующей самостоятельной „юношеской культуре“»¹.

Это опредмечивание различных настроений вообще характерно для современных общественных отношений, которые можно проследить овеществленными в деталях, в пространстве и в обычаях повседневности. Тут становится особенно очевидным, что теоретики контркультуры, выдвигая в качестве ее знамени пестрое равное одеяние хиппи, фактически приписывают основные нормы буржуазного общества. В век научно-технической революции в человеческий быт все более проникают предметы, связанные с духовными потребностями индивида: радио, телевизор, книги и т. д. Таким образом, опредмеченная человеческая культура стано-

¹ И. С. Кон. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений». — «США», 1971, № 3, с. 31.

вится вполне доступной и для торговых отношений, становится бизнесом. Определяя законы потребления, нынешнее государственно-монополистическое общество отображает свою идеологию через эти вещи и диктует ее индивиду.

Приковывая внимание части молодежи к пестрым цветам лотков с предметами хищии и юношеской контркультуры, господствующий класс не дает этой молодежи возможности понять, что изменение в выборе предложенных товаров означает только продвижение в замкнутом пространстве. Господствующий класс ставит противника в сизифовскую ситуацию войны в воображении. Это не новость, это довольно известный из истории случай. Турецкий средневековый путешественник Эвлия Челеби предлагает нам столь же колоритный, сколь содержательный пример этого: «...Султан Мехмед привлек в Царьград цыган также и из Гюмюрджина, но азиатские и румелийские цыгане не могли хорошо ладить между собой. Румелийские цыгане праздновали вместе с неверными злосчастный праздник красных яиц (пасху.— Г. В.), вместе с мусульманами — праздник жертвоприношений, а вместе с евреями — праздник тростника, не принимая ни одно вероисповедание. Поэтому при их погребении наши имамы не читают молитвы, а для погребения цыган отведено особое место у Кривого порта. После того как цыган отвергли таким образом, был издан фирман, который наложил на них дань»¹. Разумеется, цыгане примыкали к различным религиям не из-за склонности к идейным дискуссиям (более того, в конечном счете существующие религии каждая по-своему благословляли тогдашние общественные отношения), а только старались найти законный предлог для использования большего количества свободного времени. Поэтому последовала и санкция — она предотвращала распространение подобных увлечений и среди неверных, и среди правоверных. Положение выясняется до конца тогда, когда несколькими строками ниже Челеби дополняет идеологические проклятия по адресу «отступников» возмущением их *мошенничествами*. Оказывается, что румелийские цыгане совершенно пренеб-

¹ Э. Челеби. Книга путешествий. М., 1961.

ревали правилами феодального трудового общежития, его классовыми привилегиями и ограничениями — вместо того чтобы следовать классовому разделению труда, научились легкой жизни, получали прибыль от нечестной торговли, изготавливали фальшивые деньги... Таким образом, наказанные за свои проделки цыгане оказались еще одним пугалом для народа в деле соблюдения феодального трудового кодекса.

Аналогичным образом ныне контркультура «экспроприрует» продукты буржуазного общества, за которые она впоследствии сама ему платит. Подобным же образом ее «революционные» лозунги являются эмоционально наиболее насыщенными вариантами господствующей идеологии. Они встречают чисто платоническое возмущение регулярно эксплуатируемой трудовой армии, члены которой исповедуют «правверные варианты» менцанской бережливости и технократического псевдорационализма.

Следовательно, когда мы говорим об антимонополистической культуре, речь идет о чем-то большем, чем ударная критическая волна, подвергающая безжалостному разоблачению преступления монополистического капитала против человека. Необходимо наличие литературы и искусства, которые преподносят революцию не только как теоретическое отрицание, даже не только как простое политическое действие, но и как целостную альтернативу завтрашнего дня, как стратегию, как будущее. В этом смысле антикапиталистическая культура неминуемо обращается к культурному опыту социалистических стран, к нравственности, созданной победившей революцией. И хотя этот культурный опыт насчитывает немногим более полувека, были созданы произведения, которые вышли победителями в соперничестве с христианским эпосом, изыскивавшим в течение тысячелетий наиболее проникновенные формы общения с психикой индивида.

Помимо своей призывной революционной силы, «Мать» Горького является и первым нравственным кодексом революции, и именно его исключительную многозначительность Ленин встретил восторженными словами. Это произведение противопоставляет революционную мораль религиозной. В нем нашлось место для страданий, любви, ошибок и мечтаний не только первого

революционного авангарда, но и людей, разбуженных и приведенных в движение непосредственно этим авангардом. До какой глубины дошло сражение, данное «Матерью» идеологической опоре царизма — православной церкви, ясно и из того факта, что основным героем романа является Мать, а не Павел. Миф о голгофе Христа низведен до земной голгофы одной смертной женщины. Божий сын проиграл свое сражение за справедливость. Он может лишь обещать счастье на том свете. Мать своим примером эмансипирует и русскую женщину, и массы, убеждая их, что справедливость — это общественное дело, которое строится тут, на земле.

Исключительная идеологическая содержательность непосредственного человеческого общения требует систематических усилий со стороны революционного авангарда для возможной наиболее полной конкретизации руководящей идеи в самой повседневности. В этом очерке и в очерке о хиппи мы остановились на двух измерениях, в которых должна найти свое выражение революционная мысль, — в эстетическом и нравственном, то есть наиболее абстрактном свободном движении сознания и самой конкретной норме индивидуального бытия. Но между этими двумя полюсами имеется беспредельная гамма человеческих отношений (то есть конкретный перевод общественных отношений). В годы наиболее критического революционного напряжения несравненный теоретик и практик Ленин с особой настойчивостью подчеркивал, что революционный класс «должен уметь овладеть *всеми*, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания)...., что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою»¹.

А это необходимо, потому что «революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»². И этот огромный взрыв че-

ловеческих сущностных сил должен быть встречен равноценными, полноценными формами организации и деятельности, причем любого рода неумение и неуклюжесть, проявленные при усвоении этого взрыва, означают не только растрату драгоценного творческого напряжения, готовности масс, но и серьезное затруднение в установлении контакта с ними, опасное ослабление этого напряжения. Невероятно обогащенное научно-технической революцией человеческое существование становится несовместимым с условиями капиталистической жизнедеятельности. И одной из самых убедительных сторон социалистической альтернативы является именно то, что ее общественные структуры обуславливают многосторонний расцвет того духовного богатства личности, которое государственно-монополистические отношения извращают, уничтожают, калечат. А чтобы доказать это, необходимо, чтобы революционеры «втирались в самые простонародные союзы, общества, случайные собрания, говорили с народом не по-ученому (и не очень по-парламентски), не гонялись ни капельки за «местечком» в парламенте, а везде будили мысль, втягивали массу, ловили буржуазию на слове, использовали ею созданный аппарат, ею назначенные выборы, ею сделанные призывы ко всему народу, знакомили народ с большевизмом так, как никогда не удавалось знакомить (при господстве буржуазии) вне обстановки выборов (не считая, конечно, момента больших стачек, когда *такой же* аппарат всенародной агитации работал у нас еще интенсивнее). Сделать это в Западной Европе и Америке очень трудно, очень и очень трудно, но это сделать можно и должно, ибо без труда задачи коммунизма вообще решить нельзя, а трудиться надо над решением *практических* задач, все более разнообразных, все более связанных со всеми отраслями общественной жизни, все более отвоевывающих одну отрасль, одну область за другой у буржуазии»¹. Если указанные ленинские рекомендации актуализировать применительно к современным условиям государственно-монополистических институтов и отношений, то мы получим, возможно, самую богатую программу работы среди масс.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 81.

² Там же.

¹ Там же, с. 84.

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА, КОНТРАКУЛЬТУРА, АНТИМОНОПОЛИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Господствующий класс стремится к превращению долгосрочных программ мобилизации различных течений буржуазной культуры (вместе с присущими им капризами и крайностями) в единую систему массовой культуры, которой можно манипулировать по своему усмотрению. Но вместе с тем буржуазная массовая культура дискредитирует себя в качестве промышленного процесса, который превращает свободное время в капитал (патефонные пластинки, кино, телевизионные программы). Теоретики намекают, что необходима инициатива для освежения этой системы, которая эксплуатирует и формирует человека в часы, отведенные для отдыха.

В поисках новых резервов для разукрашивания буржуазной массовой культуры, для замены наиболее антигуманных и вульгарных элементов в этой культуре идейные конструкторы капиталистического будущего — футурологи (последнее поколение технократов), которые откровенно обслуживают государственно-монополистические отношения, обращают свой взгляд на контркультуру. Ее певцы и знаменитости, которые ныне воображают, что сумели выйти за пределы ком-

мерции массовой культуры, оказываются запланированными в ее завтрашних вариантах. Механизм этого включения и усвоения покоится на все том же функциональном для капиталистических отношений мелкобуржуазном протесте. Он является выражением несовместимости обогащенной научно-технической революцией человеческой психики с монотонными, ограничивающими и обесцвечивающими капиталистическими условиями деятельности. Капиталистические отношения все еще существуют потому, что могут сообразоваться в значительной мере со стихийными декларациями протеста. Отнюдь не бескорыстно предоставляя пространство для расцвета новых качеств, они позволяют найти более гибкие формы, в которые они втискивают освобожденное богатство, капитализируют его. Традиционной почвой этого «новаторства» остается господство буржуазной массовой культуры в свободное время.

Руководящий американский футуролог Герман Кан из Гудзоновского института, изучая будущие тенденции развития капиталистического мира в период между 1975 и 1985 гг., констатирует «утрату традиционных рычагов — религии, экономического и военного нажима... определенную реакцию против ценностей потребительского общества»¹. Как видим, тут система ценностей (идейное ядро культуры) откровенно включается в число рычагов для непосредственного подчинения индивида капиталистическим отношениям. Это было официальным признанием господствующим классом факта поражения апологетических платформ (классовое партнерство, народный капитализм, общество благоденствия).

Другой футуролог — француз Лео Мулен — по-своему выявляет, как антимонополистические настроения проникают в сознание миллионов людей в форме мысли о противоречии «между ритмом технического прогресса (понимай, формами сверхэксплуатации. — Г. В.) и биологическими ритмами человека... между ростом человека и измерениями социальных институтов (носимай, политическое угнетение индивида государственно-монополистической системой. — Г. В.)» между

---

¹ «Figaro littéraire», 1969—1970, p. 12—13.

ритмом научного прогресса и социальными ритмами коллективности»¹ (понимай, противоречие между чрезвычайно высокой степенью обобществления производства и ограничивающими частными структурами. — Г. В.).

Соблазны капитала, лозунги потребительского общества утратили большую часть своей притягательной силы. Произошла девальвация капитала как цели (параллельно с девальвацией западных валют). Среди интеллигенции, среди мелкой буржуазии и среди молодежи развился процесс радикализации, стало популярным презрение к буржуазным ценностям. В итальянском фильме «Теорема» показан капиталист, который с отвращением отказывается от собственности и оставляет все, даже раздевается на одной железнодорожной станции, чтобы отбросить от себя последние вещи, которые связывают его с капиталистическим обществом и его нормами.

В отличие от героя фильма Пазолини монополистическая буржуазия и ее теоретики не отказываются от власти и своих привилегий, не раздают свои богатства, а заботятся о том, чтобы изыскать новый идейный режиссер, с помощью которого можно прикрасить обострившиеся противоречия, создать новые мифы для «перередактирования» массовой культуры, новые соблазнительные иллюзии, основанные главным образом на игре с эмоциями. Параллельно с констатациями об изнашивании традиционных рычагов Герман Кан вместе со своим коллегой Энтони Уинером разработал систему новых рычагов, использующую формы «свободолюбия» и колорит мелкобуржуазного протеста. В своем пропагандистском бестселлере «Двухтысячный год» эти авторы уделили особое внимание исследованию процесса культуры. Сравнивая различные тенденции в этом процессе, они возвестили, что верх возьмет «неосензитивное» начало. Его характеристика практически совпала с интеллектуальными и эмоциональными координатами контркультуры: «адское, протестующее, бунтарское, загнившее, крайнее, ищущее сенсаций, возбуждающее, извращенное, манерное, провоцирующее, испорченное,

вульгарное, отталкивающее, нигилистическое, порнографическое, саркастическое, садистское»¹.

Тут она не является стихийным фейерверком, а включена в крупномасштабную и амбициозную программу со следующими двумя основными задачами. Во-первых, неосензитивная культура «переживает» и «преодолевает» социалистический реализм, поскольку последний якобы относится к «интегрированному» искусству, безвозвратно погрязшему в прошлом (Кан и Уинер используют терминологию американского социолога П. Сорокина). Во-вторых, неосензитивная культура распространит в мире новую — четвертую — фазу капитализма, «которую можно было бы назвать современной технической планификацией продукции».

Однако, обновляясь через контркультуру и приобретая характер завершенной манипуляционной системы, массовая культура деятельности государственно-монополистического общества вступает в противоречие с требованиями научно-технической революции. Кан и Уинер готовятся к комплексному планированию и разумному руководству промышленностью, которое требует подготовки миллионов высокообразованных и инициативных деятелей. А по крайней мере двенадцать из перечисленных выше семнадцати определений неосензитивного искусства являются в некоторой степени синонимами понятия иррационального, предусматривают вовлечение масс в волну инстинктов, импульсов, приращение в них сознательного элемента, доведение их до умственного уровня люмпен-пролетариата.

Достойным пера фельетониста образом авторы «Двухтысячного года» слоняются по всей истории, чтобы найти аналогии, «подкрепляющие» предусмотренную ими экспансию американского империализма, чтобы порадоваться «известному сходству между римской эпохой и нашей». И они совсем забывают, что подобная предусмотренная в их проектах люмпенизация масс обычно была симптомом исторической и идеологической несостоятельности господствующего класса. Великая Римская империя пала очень скоро после

¹ Léo Moulin. La société de demain dans l'Europe d'aujourd'hui. Paris—Milano, 1966, p. 115.

¹ H. Kahn, A. Wiener. The year 2000. N. Y., 1967, p. 41.

того, как римские толпы начали кричать: «Хлеба и зрелищ!»

Апологетическая направленность «Двухтысячного года» ограничила горизонт Кана и Уинера. Они доверились авторам, от которых футурология может получить какой-либо комплимент государственно-монополистическому обществу. В противном случае эти футурологи оценили бы по достоинству предупреждение одного более дальновидного и более критического исследователя процессов культуры — Т. Элиота. Этот убежденный, но трезвый монархист по поводу начавшегося во время второй мировой войны краха третьего рейха и его массовой культуры напомнил «более высокому классу», что «жизнеспособность культуры, в которой этот класс заинтересован, зависит от здоровья общенародной культуры». Заимствуя «творческие» замыслы контркультуры, авторы «Двухтысячного года» разделяются с ее монополистическими проявлениями: они, оказываясь, были продуктом «непредставительного и ограниченного экстремизма, чье значение преувеличено печатью».

Как, однако, произведенный манипуляционный проект встречается с практикой? Это факт, что массовая культура усваивает контркультуру без особых усилий, но что касается анtimoнополистической — дело обстоит другим образом. Именно следующая книга Германа Кана (написана совместно с Б. Брюс-Бригзом), «То, что произойдет», несмотря на то что во введении восхваляют прогнозы, высказанные в «Двухтысячном годе», в следующих главах признает трудности, встреченные империалистическими амбициями американского монополистического капитала.

Дело заключается в том, что в своем втором произведении Кан и его соавтор пытаются конкретно заняться конструированием социальных институтов США. Исследуя реальные проблемы, эти апологеты капитала вынуждены все же смотреть действительности в лицо. Несмотря на их усилия скрыть от читателей многие факты и противоречия общественно-политической жизни США, они были вынуждены высказать горькую истину о могучих конфликтах, которые не исчезают под потоками пропаганды, не подчиняются полицейскому насилию.

С подлинным страхом Кан и Брюс-Бригз ожидают «возрождения некоторых крайне антигосударственных идеалов или групповой идеологии революционных социалистов»¹, тревожно ищут средства устранения «антисоциальных» реакций молодежи, средства против нарастающего протеста угнетенных цветных американских граждан. В книге «То, что произойдет» проскальзывают настроения, противоречащие столь ожидаемому в «Двухтысячном годе» торжеству неосензитивной культуры — во вражде и конфликте с нею будет развиваться культура «антисоциальных групп», анtimoнополистических настроений, которая еще в начале семидесятых годов была представлена такими проявлениями, как антивоенные спектакли труппы Джейн Фонды вблизи американских баз, как неиссякающий поток песен протеста, как фильмы вроде «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?».

Герман Кан определяет первую свою книгу как стратегию, а вторую — как тактику. Однако первые тактические ходы оказываются предчувствием боев, которые ведут к отступлению, описанием напряжения и тревог, овладевающих монополистической буржуазией. Кан и его соавтор занимаются подсчетом огромных сил сопротивления, которые выступают против экономической, социальной и культурной политики этой буржуазии. Какой бы амбициозной ни была стратегия, она становится беспредметной и не может рассчитывать на успех, когда ее теоретики с глубоким беспокойством, с чувством обреченности приступают к проблемам практики, когда они обнаруживают в них враждебный ответ действительности.

¹ H. Kahn, B. Bruce-Briggs. Thing To Come. Thinking about 70's and 80's, N. Y., 1972, p. 70—71.

ПОХОД ЗА НАЕМНИКАМИ

«Буржуазия лишила священного ореола все виды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»

Манифест Коммунистической партии¹

1. Конфликт поколений или конфликт классов

Одна из любимых фраз Джерри Рубина, о котором уже говорилось, и вообще один из основных лозунгов контркультуры гласит: «Не верь никому, кто старше тридцати лет!» Оставим в стороне тот факт, что сам Джерри давно уже переступил эту возрастную границу (следовательно, утратил моральное право советовать молодежи). Создается впечатление, что буржуазное общественное мнение особенно не шокирует категоричная непримиримость его лозунга. Напротив, призывы подобного рода комментируются на страницах западной печати с видимой терпимостью, потому что они являются поводом, возможностью изобразить молодежный бунт как чисто возрастное явление, как юношеское буйство, которое рано или поздно естественным путем подчинится мещанской силе буржуазной философии здравого разума. Этот лозунг оказывается порождением буржуазной философии здравого смысла, перед мещанской силой которой должны утихомириться и наиболее буйные студенческие головы. Более мягкие ее разновидности восхваляли прелести потребительского общества, чтобы интегрировать в него отступников. Более резкие намекали, что терпение утомленных распушенностью

и озорством молодежи почтенных бюргеров имеет свои границы. После этого произойдет взрыв «справедливого возмущения», названного фашизмом. Покушение на Руди Дучке и сотни писем, авторы которых в 1967 г. рекомендовали западноберлинскому сенату использовать пулеметы против выражающих недовольство студентов¹, иступление фашистской банды, которая в начале мая 1973 года тяжело ранила семь студентов в Реджо-ди-Калабрия, говорят о реальном намерении «крайней правой» выступить в роли спасителя демократии и охранителя спокойствия при кризисном состоянии.

Однако, как показывает пример мая 1968 г. во Франции, при открытом столкновении сил весь буржуазный надстроечный аппарат угрожающе зашатался. Поэтому господствующие монополистические круги стремятся к поддержанию представительных институтов буржуазной демократии. В большинстве своих последних теорий апологеты капитала, пропагандируя мысль о предстоящем помудрении юношей, пытаются вывести конфликт из сферы неприятной политической реальности и с помощью развернутой аргументации локализовать его областью семейных отношений. Особенно характерен этот подход для США, где из-за огромных внутренних противоречий, вскрытых войной во Вьетнаме, апологеты капитала готовы пожертвовать многим, чтобы вернуть нарастающие политические столкновения в колею «семейной» договоренности между классами-«партнерами».

Даже самый общий обзор воззрений на конфликт между родителями и детьми выявляет обилие теорий, нередко доходящих до взаимоотрицания (то есть до подчеркнутой беспринципности при защите общего тезиса). Начнем снизу вверх — от инстинктов к голове. С помощью социологических исследований, содержащих деликатные намеки, оживляется известный Фрейдистский тезис о неминуемом половом соперничестве между «сыновьями» и «отцами» в племенном обществе. Однако это столкновение ни в коем случае не является фатальным, поскольку дело не дойдет до пожирания «старых» «молодыми», а только осуществится ритуаль-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 4, с. 427.

¹ См. Jean Chagnon. Treize questions pour L'homme moderne. Paris, 1972, p. 198.

ный переход молодых людей в мир взрослых (Роже Кайуа). Над примитивной сферой первичного поднимается американский этнолог Маргарет Мид, которая считает, что дело сводится только к некоторым тонкостям воспроизводящего механизма культуры. Теперь этот механизм якобы действует префигуративно — то есть дети знают больше, чем их родители¹. Один из духовных отцов «новой американской левой» Ч. Райт Миллз указывает, что тут имеется и классовая основа: идеология господствующего общества разделяется отцами или, точнее, «преждевременно вступившими в средний возраст, занятыми настоящим, сосредоточенными в богатых странах»² индивидами. Но Миллз добавляет, что нет силы, способной разбудить этих отцов-мещан. И в заключение появляется контркультура. Тем фактом, что она берет от всего понемногу, она показывает крайнюю эклектику своих теоретических попыток, но вместе с тем наличие такого оснащенного арсенала свидетельствует о широте конфликтов, которые она пытается подвести под знаменатель просто семейной ссоры. А ее функциональная роль, определяемая государственно-монополистическими отношениями, раскрывает, на какой основе совмещаются различные, казалось бы, несовместимые друг с другом доктрины — они конвергируют в своих практических усилиях по защите господствующего строя. Розак, например, дает нам понять, что молодежные волнения — это безвредная шумиха, так как прослойка, в которую должны влиться студенты, то есть интеллигенция, является по презумпции бездушной, как сфинкс, технократией. Или раз все попавшие в этот бюрократический пласт становятся технократичными «великими инквизиторами»³ (Розак намекает, что он читал Достоевского), — юношеские капризы не помешают очередному поколению студентов последовать их созидательному примеру.

Трудности для буржуазной идеологии начинаются тогда, когда читатель ищет аргументы не в предложенном теоретическом построении, а в своей повседневной

¹ См. M. Mead. Culture and commitment. A study of the generation gap. N. Y., 1971.

² C. Wright Mills. Letter to the New Left, in: «The End of Ideology Debate». N. Y., 1969, p. 137.

³ T. Roszak. Vers une contre-culture, p. 27.

сти. Тезис о сексуальном поединке между отцами и детьми отпадает — в анналах студенческих волнений невозможно отыскать такой конкретный случай. Поэтому современные фрейдисты всегда возвращаются за доказательственным материалом к «Царю Эдипу»¹. Наиболее яростный левацкий лозунг на стенах Сорбонны обещал наступление свободы тогда, «когда последний бюрократ будет удушен кишкой последнего капиталиста», но этот мясницкий пафос не может толковаться как призыв к кастрации. Исчерпывают себя и остальные теории, которые прямо или косвенно утверждают, что американское общество в общем продвигается вперед очень хорошо. Оказывается, что именно ассимилирующих возможностей этого общества — буржуазного уюта и классовых привилегий — хватает для все меньшей части блудных сынов. Остальные должны будут пойти на производство, а там конфликты вовсе не имеют характера домашних недоразумений. Француз Жан Шарон, сам приверженец идеи, что все это можно исправить сравнительно легко, если институты отцов откажутся от некоторых феодальных провокаций по отношению к сыновьям, указывает, что в 1966 г. 43% американской молодежи в возрасте от 20 до 24 лет были студентами университетов. За этим у Шарона следует спонтанное восклицание: «...Всегда были необходимы работники для функционирования национальной экономики, а это означает, что завтрашний рабочий класс будет университетским классом»². Эта формулировка является очередной попыткой спекуляции. Она пытается утешить пролетариат предстоящими университетскими перспективами, чтобы были забыты нынешние пролетарские проблемы поступающих на производство выпускников высших учебных заведений. Однако в конце концов, хотя и косвенно, признается та

¹ «Царь Эдип» вовсе не является конфликтом пола, как его толкует фрейдистский анализ. Помимо других общественных и философских проблем, затронутых в этой древней пьесе, она повествует о драме индивида, для которого общность труда в половом акте, характерная для племенного общества, становится анахроничной (и поэтому аморальной) при разделении труда в рабовладельческом обществе.

² Jean Charon. Treize questions... p. 171.

истина, что основой студенческих волнений является тенденция к пролетаризации молодой интеллигенции.

Американский социолог Фрэнк Армбрустер удостоверяет, что действительно существует бездна (gap) между настроениями молодежи и их родителей. Его обстоятельное исследование дает данные о весьма различном отношении к ценностям нынешнего американского общества. Вот некоторые показательные вопросы и ответы в процентном отношении (по Янкеловичу). Объектом анкетирования были только молодые люди, они высказывали мнения о себе и о своих родителях.

Из всего исследования возьмем данные о трех характерных группах: семьях с детьми, которые не учатся; семьях с детьми, учащимися в колледжах с практическим курсом; семьях с детьми, учащими в колледжах с теоретическим курсом.

Согласны на компромисс с вещами, которые им не нравятся:

Соответственно:

Первая группа — 44% родителей и 20% детей
Вторая группа — 45% родителей и 20% детей
Третья группа — 56% родителей и 20% детей

Верят в демократический процесс в США:

Первая группа — 31% родителей и 11% детей
Вторая группа — 30% родителей и 18% детей
Третья группа — 50% родителей и 13% детей

Проявляют терпимость к мнению других:

Первая группа — 31% родителей и 43% детей
Вторая группа — 20% родителей и 57% детей
Третья группа — 15% родителей и 60% детей

Заинтересованы делами общества и мира:

Первая группа — 16% родителей и 55% детей
Вторая группа — 8% родителей и 54% детей
Третья группа — 7% родителей и 68% детей

Имеют отношение к чувству красоты:

Первая группа — 15% родителей и 40% детей
Вторая группа — 9% родителей и 40% детей
Третья группа — 9% родителей и 43% детей¹

С явно выраженным своим антиконформизмом, со своей непримиримостью к политической коррупции, с

¹ Frank E. Armbruster (With contribution by Doris Yokelson) «The Forgotten Americans». N. Y., p. 306—307.

демократической терпимостью к политическим настроениям окружающих их людей, с активным отношением к миру и со своим пониманием эстетического как необходимого измерения жизни эти молодые люди имеют воззрения, весьма отличные от пассивного и функционального отношения своих родителей. Однако Армбрустер, в отличие от большинства своих коллег, не удовлетворяется констатацией. Он делает попытку выявить причины этого противопоставления. Оказывается, что противопоставление идей объясняется противопоставлением на производстве, в общественной жизни. В то время как в учебных заведениях молодых людей убаюкивают обещаниями исключительного, руководящего места в развитии страны (журнал «Шпигель» даже подчеркивает — «во время обучения им вдалбливают в голову, что они автоматически вольются в ряды руководящего слоя нации»), то после раздачи дипломов наступает очередь неприятной неожиданности — оказывается, что например, для 14 тысяч выпускников работы нет¹. А попавшие на завод в свою очередь обнаруживают, что там нет никакого простора для личного вклада, что производственные задачи являются обидно однообразными, что иногда молодые люди не имеют и необходимой квалификации. Они должны примириться с мыслью, что день протекает в покорном исполнении воли «босса» и его контролеров и в выслушивании их упреков. В результате быстро появляются непроезжительная трата времени и саботаж².

Представленный в качестве семейного противоречия конфликт покоится на классовой основе. Общественный способ производства требует кадры с солидной профессиональной подготовкой, способные принимать решения, проявлять оперативность, энергию и изобретательность. Однако эти качества разностороннего развития, выработка которых является задачей всей системы образования, даже в самом высшем заведении сталкиваются с ограниченностью частного интереса, с настоятельными требованиями монополий обучать молодежь *по строго специализированным* программам. Уже первая встреча выпускника с рабочим местом оказывается

¹ См.: «Spiegel», 36/1974.

² См.: Frank E. Armbruster. The Forgotten Americans, p. 335.

мучительным процессом приспособления к требованиям слепого и механического подчинения, объяснимым только эгоизмом собственнического интереса.

Тот факт, что это столкновение доходит до первой, хотя и совершенно стихийной формы классового конфликта — саботажа, кладет конец различным мифам о нетерпимости между поколениями. На передний план выступает глубоко классовая природа массовых инцидентов. Она предвещает, что стихийные реакции студентов перерастут в систематическое сопротивление молодых рабочих. Рабочий становится действующей силой — и не в борьбе против старого поколения, а в борьбе против устаревших производственных отношений, воплощенных в угнетающем и унижающем присутствии надзирающего персонала. Не семейный конфликт переносится в общество, а социально-классовый конфликт драматически вторгается в семью. Его исключительная острота сочетается — точнее, проистекает — из его исключительной широты. И при нынешних усилиях по стабилизации экономики наиболее высоким является процент безработицы опять же среди молодежи. Реакционные профсоюзы встречают молодое поколение как соперника. Члены этих профсоюзов обычно сравнительно хорошо трудоустроены. Будучи рабочей силой, ассимилированной, охваченной существующими производственными отношениями, они не видят необходимости изменять их в основе, стремятся уладить свои счета путем договоренности. Однако отсюда вовсе не следует, что рабочие из тред-юнионов будут исключены из борьбы или (как это случалось, когда члены профсоюза строительных рабочих избивали демонстрировавших против войны молодых радикалов) встанут на другую сторону баррикады. Рабочий класс остается и будет впредь деятелем будущего социального переворота. Однако революционизирование пластов рабочего класса совершается с различной быстротой, соответствующей конъюнктурной локализации классовых противоречий.

Многие американские рабочие восприняли абсолютное повышение своих доходов во время расцвета американского империализма после второй мировой войны и до начала шестидесятых годов как продвижение «наверх» — к господствующему классу. Они не сознавали,

что рост национального продукта облагодетельствовал больше всего верхи, что относительное расстояние между пролетариатом и монополистической буржуазией не уменьшается, а, наоборот, растет астрономически. Эта иллюзия, поддержанная традиционной тред-юнионистской политикой профсоюзов, обусловила консерватизм американских рабочих. Однако стихийные антимонополистические реакции вспыхнули среди мелкобуржуазных и средних слоев, которых корпорации толкали «вниз». Конъюнктурное сосредоточение политического конфликта в пограничном между пролетариатом и крупной буржуазией слое — поглощаемых производством студентах — связывается с тем фактом, что именно в этот момент «академические избранники» совершенно осязательно чувствуют, как «социальный лифт» спускает их вниз, на производство, далеко от распределения прибавочной стоимости. Они волей-неволей постигают, что законом общества, в котором они живут, является их пролетаризация, а не их обуржуазивание.

Впрочем, тут можно обобщить, что система образования в наиболее индустриализованных капиталистических странах является основным каналом для салиризации (установление заработной платы, определенной крупной собственностью, принятие условий наемного труда) мелкой и либеральной буржуазии. Например, отец был мелким собственником или частнопрактикующим врачом, но сын не может взять отцовскую мастерскую, открыть свою, не может содержать себя частной врачебной практикой — он поступает на производство или становится служащим в бюрократической структуре. Поэтому на Западе начинает трещать образовательное звено. Оно является лестницей, ведущей наверх, только для незначительного числа студентов из бедных семейств, для которых любая предоставленная служба является чем-то лучшим, чем работа в забое или чем батрачество на ферме. Для основной части студентов, поставляемой все еще в массовом порядке либеральной интеллигенцией¹, это провал вниз.

¹ Для Франции, согласно «Les étudiants et la politique» (Documents réunis et présentés par J-P et Cl. Bachy, Paris, 1972), этот процент составляет 60,4. Эта же книга предельно отчетливо представляет новое лицо университета — монополи-

Эту конфликтность можно еще лучше раскрыть психологически, если мы используем в качестве показателя свободное время. Маркс подчеркивает, что «постоянная тенденция капитала заключается, с одной стороны, в создании свободного времени, а с другой стороны — в превращении этого свободного времени в прибавочный труд»¹. Для поколения, которое уже работает, кража свободного времени — этого самого чистого прибавочного продукта — происходит постоянно в повседневной жизни. Кроме обычного рабочего времени, эта кража совершается и в тысячах невинных форм во время, номинально предоставленное для отдыха. Например, навязываются товары, которые устаревают, товары, ненужные индивиду, — их потребление отнимает его свободное время и приносит прибыль монополиям. Однако подобный образ существования принимается потребительской массой, потому что стал чем-то естественным, традицией. Отсутствие резких перемен сказывается на человеческой психике, возникает представление, что это естественный, неизменный закон жизни.

У молодого поколения происходит резкое изменение классового статуса, опускание вниз к наемному труду, встреча с противоречиями капиталистического общества в их наиболее обнаженной форме. Молодые люди получают огромную долю свободного общественного времени. Они далеки от несвобод производственных иерархий — в семье или в учебных заведениях они радуются большей свободе поступков (как рекомендует популярная в США педагогика Дьюи). Для них промышленный процесс существует преимущественно как

стическое давление на среднюю буржуазию. «Двадцать лет назад аудитории принадлежали средней буржуазии. Многие дети, принадлежавшие к кругу средней буржуазии, шли сюда просто развлекаться» (с. 27). «Теперь дети из средних слоев придут сюда, чтобы потом работать за зарплату, будут испытывать злоключения безработицы» (с. 28). Р. Флак отмечает, что в США критический момент наступил при введении для студентов обязательной военной службы, потому что это оказалось не только угрозой для их жизни, но и облегчило контроль за карьерой молодых людей, «канализировало» их на государственную службу, где нет привилегий, где они столкнутся с эксплуатацией, с «самыми плохими чертами более широкого общества — деспотизмом, конкуренцией, индивидуализмом и де-гуманизацией». (The New American Revolution, p. 247).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 46, ч. II, с. 247.

стройная логика, как чистые интеллектуальные схемы отдельных изучаемых дисциплин, как творческая игра воображения, как смелое моделирование абстракций, как абсолютные цифры валового национального продукта. И внезапно наступает момент, когда это свободное время — пространство для пробуждения и целенаправленного развития творческих сил человека, их накопленное богатство — должно вступить в производство, быть вложенным в него в виде инвестиций, капитализироваться. Тогда молодые люди видят, как отдельный индивид попадает в замкнутый цикл неумолимого механизма производственных отношений, они осознают, что практическое бытие достижений человеческого разума — это неразумные, стихийные, иррациональные условия капиталистической жизнедеятельности. Умственный труд входит в физический, но не осмысливает его. Обещания свободного труда, раздаваемые в колледжах и университетах, на производстве встречаются «железную пяту» монополистической эксплуатации.

2. Место интеллигенции в государственно-монополистическом обществе

Пролетаризация преобладающей части молодой интеллигенции оказывается лишь наиболее ярким проявлением тенденций к пролетаризации интеллектуального труда в государственно-монополистическом обществе. Интеллигенция из сферы производства, обслуживания, а также все больше и художественная интеллигенция (куда попадает основной контингент студентов) уже не являются прослойкой, безусловно верной монополистической политике. Вследствие глобального вхождения интеллигенции в производственные условия наемного труда ее распирают противоречия, суммирование и осознание которых ведет ее к приближению к коренным интересам пролетариата.

Огромные производительные силы, развернутые научно-техническим прогрессом, существенно сократили сферу сельскохозяйственного труда и относительный объем добывающей промышленности. Расширились

сферы перерабатывающей промышленности и услуг. Они привлекали большую часть самодеятельного населения. Последовал численный рост технической, организаторской и управленческой интеллигенции. В наиболее развитых капиталистических странах служащие составляют от одной пятой до трети всех лиц наемного труда. Буржуазная массовая культура — печать, телевидение, кино, — индустрия развлечений в свою очередь вызвали численный рост художественной интеллигенции, которая была поставлена в жесткие условия наемного труда. Консервативный английский автор Т. Файвел откровенно признает: «Теперь 90% писателей, по существу, являются литературными техниками, производящими точно определенный продукт для рекламы — для журналов, для кино или телевизионных фильмов. По характеру своего труда и статусу они являются определенным техническим персоналом»¹.

В государственно-монополистическом обществе происходит социальная перегруппировка. Крестьянство теряет свой демографический и социальный вес, интеллигенция растет количественно как участник производственного процесса, активно ищет свое место в общественной жизни².

Однако эти дислокации населения не изменили основного противоречия между трудом и капиталом, пролетариатом и буржуазией. Они только поставили на повестку дня уточнение вопроса о союзниках пролетариата в антимонаполистической борьбе. Логично при общих условиях наемного труда вывести непосредственное заключение, что рабочий класс ныне имеет весьма

¹ T. R. Fyvel. Intellectuals today (Problems in a Changing Society). London, 1969, p. 58.

² Согласно К. Келли, в настоящее время три студента приходится на одного фермера, пятьдесят студентов на одного шахтера и девять студентов на одного железнодорожного рабочего. (К. Kelly. Youth, humanism and technology. N. Y., L., 1972, п. 62.) Советский исследователь Н. Н. Иноземцев приводит следующие данные об этих процессах трансформации. В 1940 г. в сельском хозяйстве было занято 30,3% дееспособного населения, в промышленности, транспорте, связи и в строительстве — 38,8; в торговле и сфере услуг — 30,9%. В 1969 г. картина стала такой: в сельском хозяйстве — 12,4%, в промышленности, транспорте, связи и в строительстве — 44, в торговле и сфере услуг (плюс военнослужащие) — 43,6% («Современный капитализм: новые явления и противоречия», М., 1972, с. 40).

важного потенциального союзника в лице интеллигенции. Поэтому перед революционным движением стоит задача связать интересы занятых на производстве интеллигентов с коренными интересами пролетариата.

Но как данная закономерность никогда не развивается в чистом виде (только человеческое воображение способно его создать), как в прошлом потенциальные союзники рабочих — крестьяне, нередко обманутые иллюзиями мелкой собственности, занимали консервативную позицию, так и нынешнее движение интеллигенции к общей платформе с пролетариатом проходит сложный и противоречивый путь. Чтобы избежать опасности механических выводов об общественной судьбе этой прослойки и чтобы не сокращать с теоретической поспешностью времени и пространства переходных ее колебаний, ее встреч с трудными конъюнктурными ситуациями, не следует забывать, что в прошлом и в начале нашего столетия интеллигенция находилась под непосредственным влиянием буржуазии, составляла часть ее. Классическое буржуазное разделение труда определяло интеллектуальный труд как привилегию господствующего класса. Интеллигенция получала такую часть перераспределенной прибавочной стоимости, которая делала ее верным союзником крупной буржуазии. Теперь процент кадров (если воспользоваться французским термином), менеджеров (если воспользоваться английским термином для характеристики занятой в различных структурах воспроизводства интеллигенции, выполняющей контрольно-управленческие функции и получающей сравнительно высокое вознаграждение) в десятки раз меньше процента кадров, которые работают на производстве. Однако он все же существует, искушает в качестве цели многих наивных. Гарольд Джэйнин — директор корпорации «Интернэшнл телефон энд телеграф» (это та корпорация, которая замешана в контрреволюционном перевороте в Чили и во многих контрреволюционных акциях в США) получил за 1971 г. в качестве зарплаты около одного миллиона долларов.

Еще Маркс указал, что в акционерных обществах (модель, сходная с нынешней государственно-монополистической системой) происходит отделение собственности на капитал от функции. Труд совершенно отделит-

ся от собственности на средства производства. Развивается противоречие между капиталистом-собственником и капиталистом-управляющим получающим заработную плату за известного рода квалифицированный труд¹. В «Развитии социализма от утопии к науке» Энгельс тоже определенно указывает, что капиталистический класс впадает в полный паразитизм, так как его руководящие и организаторские функции принимают на себя служащие. Буржуазное разделение труда продолжается по новой схеме: господствующей верхушке остаются преимущественно наслаждения, тогда как руководство *как деятельность* стремится к труду. Однако отсюда не следует автоматически, что все менеджеры и управители вступают в непримиримое противоречие со своими работодателями. Некоторые из них выполняют функции совокупного капиталиста, связаны со введением и применением современных методов эксплуатации рабочих и контроля за ними. Но существенная часть технических интеллигентов работает на производстве, их профессиональные задачи совпадают или вплотную приближаются к задачам совокупного рабочего². Поэтому на этом этапе более уместно искать специфические проявления развивающегося классового антагонизма с капиталом в процессах внутреннего расслоения среди самой технической интеллигенции. Препятствием для решительного шага в сторону дела пролетариата весьма часто являются и бремя унаследованного буржуазно-классового сознания, устаревшие, но все еще не отброшенные представления о превосходстве интеллигентов над рабочими. Такой интеллигент, даже когда он ополчается против крупного капитала, стоит на мелкобуржуазных позициях. Он не хочет коммунизма, социалистического переустройства общества и равенства для всех, а добивается получения большей доли прибыли. Его целью является не бесклассовое общество, а получение большего процента прибавочной стоимости.

В сложном переплетении противоречащих друг другу тенденций общественного бытия определенная со-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, с. 479—480.

² См.: Г. Диллигенский. Научно-техническая революция и социальное развитие рабочего класса. — «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 3, с. 40.

циальная стратификация, конкретные условия труда и потребления, в которые попадает интеллигенция — наемная рабочая сила, являются критерием для ее определения. В конечном итоге неуверенность в завтрашнем дне, рост налогового бремени и инфляция (сводящая на нет известные привилегии), перспектива возможной безработицы и особенно исключительно быстрое профессиональное устаревание и изнашивание — это реальные угрозы, тяготеющие над участвующими в производстве кадрами интеллигенции. Конкретные данные раскрывают нынешнее социальное низвержение кадров, расширяющее свои масштабы¹. А оно является неоспоримым залогом, действительно началом их сознательного определения в качестве союзников пролетариата. Их заработная плата непрерывно приближается к заработной плате квалифицированного рабочего.

При слиянии трех крупных английских фирм: «Бритиш дженерал электрик», «Ассошиэтед электрикал индастриз» и «Инглиш электрик» — потеряли свое место две тысячи научных работников. За период с ноября 1970 г. по апрель 1972 г. в Голландии число безработных специалистов удвоилось. С 1968 г. по настоящее время их число в Англии и во Франции тоже удвоилось. Словом, как выразился Кен Холл — руководитель исследовательской группы по изучению проблем рабочей силы при Эдинбургском университете, «прошло время, когда технические специалисты и менеджеры были хорошо изолированы от колебаний деловой активности в нашей стране. Теперь положение изменилось и «не занимающийся непосредственно» производственным трудом инженер или управленческий работник оказывается на передовой линии, когда начался „расстрел“». В начале мая 1973 г. Болгарское телеграфное агентство передало сообщение, что

¹ Авторитетный американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» посвятил один из последних своих номеров этой теме, поместив в нем доклад под заглавием «Американский средний класс под нажимом». Социальная драма среднего класса (интеллигенция составляет около 58% этого класса) обобщена в констатациях, что за последние семь лет его жизнь подорожала на 52% и что «инфляция съедает их сбережения, саботирует их планы относительно образования детей, угрожает их обеспеченности при достижении пенсионного возраста» (US News and World Report, Oct., 14/1974).

в Швеции более десяти тысяч людей с высшим образованием работают рядовыми рабочими на судовверфях, так как не могут найти должность, соответствующую их образовательному цензу. Безработица угрожает и выпускникам высших учебных заведений.

Весной 1972 г. французский журнал «Экспресс» сообщил, что вступление Англии в Общий рынок связано с увольнением восьми тысяч еврократов. «Расстреливаются» и относительно более близкие к крупному капиталу кадры — еврократами называют менеджеров из организации Общего рынка. Журнал поместил фотографии части этих еврократов, организовавших сидячую забастовку в Брюсселе.

Майкл Роуз в книге «Компьютеры, менеджеры и общество»¹, кроме сугубо профессиональных и организационных вопросов внедрения электронно-вычислительных машин в управленческие процессы, занимается и опасностью безработицы, возникшей перед менеджерами в связи с преимущественно организаторскими задачами при капиталистическом способе использования новой вычислительной техники.

3. Конфликт — в другое измерение

Беспокойство и антимонополистические настроения овладевают сознанием интеллигента не только тогда, когда перед ним возникает угроза быть уволенным, остаться без дела, несмотря на его «исключительные» умения, точно так же как безработный пролетарий остается с не занятыми работой руками. Более низкая степень эксплуатации кадров по сравнению с эксплуатацией рабочего класса не довела их недовольство своим материальным положением до острого и нетерпимого противоречия с капиталом, но отсюда и вовсе не следует, что этот конфликт не существует в других измерениях. В то время как работодатель остается во всех отношениях паразитом и потребителем чужого ограбленного труда, интеллигент ищет творческого проявления в своем труде. И так как этот труд является монопольной собственностью фирмы, обеспечивающей в той или другой степени драгоценный кадр, то он вынужден всецело подчиняться ее распоряжениям.

¹ M. Rose. Computers, managers and society. N. Y., 1970.

Фантастические мощности современной промышленности требуют совершенной организации. Руководство ею мобилизует огромные усилия науки и интеллекта, а в конечном счете оказывается, что составленные с помощью сложных расчетов схемы воспроизводства, циркуляции и реализации подчинены одному принципу — увеличению прибыли монополий. Огромный производственный аппарат со сложной рационализированной конструкцией, руководство которым само по себе является торжеством научной мысли и творческого напряжения, втянут не в рациональную задачу служить обществу. Он подчинен частному интересу монополистического объединения, его эгоистическим расчетам. Достаточно рассмотреть любое практическое приложение науки, человеческого разума в капиталистическом производстве, чтобы увидеть, что оно в какой-то степени обращено против самого человека.

И это извращение порождает в сознании кадров глубокий моральный кризис.

Классовая связь менеджеров с волей и интересами монополистической буржуазии все более определенно означает их человеческое обезличение, их подчинение античеловеческим задачам капиталистического производства. Это ведет к превращению их в наемников, сержантов, пешек, контролирующих работу других пешек. Ибо даже тогда, когда буржуазная система удовлетворяет большую часть материальных потребностей наемных работников, она не стирает противоречия между работодателем и человеком наемного труда. Это противоречие порождает извращение психики и личности эксплуатируемых, духовное обнищание.

Роман Жоржа Перека «Вещи»¹ представляет собой сильную критику, направленную против духовного порабощения интеллигенции, против золотых, а точнее, позолоченных цепей, которыми буржуазное общество опутывает интеллигенцию. Французский писатель развеял мелкобуржуазную иллюзию своих героев с помощью великодушного образного выражения: «они по шею увязли в торте, от которого надеялись получить только крохи». Разоблачена коварная идеологическая игра

¹ Ж. Перек. Вещи. Народна култура. София, 1967.

крупного капитала. Он стремится навязать психологии интеллигенции тоску по роскоши и таким образом держать ее в классовом плену. Интеллигенты, ослепленные золотым блеском роскоши, остаются безвольными рабами капитала, хотя его антигуманная сущность подавляет все их бытие. «Они, наверное, желали бы, как и все люди, посвятить себя чему-то, ощутить в себе какую-то властную потребность, которую мы назвали бы призванием, какое-то стремление, которое их вышало бы, какую-то страсть, которая их удовлетворяла бы, но они признавали только одну — жить лучше, и она их истощала».

Алену Турену принадлежит одно из беспощадных признаний полного общественного и личного отчуждения «кадров», занятых защитой буржуазных интересов. Взяв на себя роль реформистского пропагандиста капиталистических производственных отношений, он сам выносит себе приговор, заявляя: «Их идеология — служба государству, власти, властвующей партии, экономике, их этика — безличность, их деятельность больше сводится к манипуляциям, чем к командованию»¹. При формулировании производственных целей технократ следует не науке, не закону разумного управления, заповедям частного интереса. Огромное количество электронных машин, которыми располагают США, позволило американским ученым моделировать функционирование не только отдельных фирм и отраслей промышленности, но в определенной степени и всей национальной экономики. Они создают аналитические схемы отношений между нациями, демографического развития, средств связи, избирательной борьбы. Именно анализ фундаментальных процессов государственно-монополистического общества вскрывает их иррациональные тенденции. Их «проявление» посредством науки заставляет многих буржуазных исследователей осознать, что не голос разума руководит новым поколением социально-политических механизмов. К этим довольно мягким формулировкам можно добавить резкие, но зато и более точные слова Гарольда Виленского: «Когда читаешь историю неудач современного разума, тебя охватывает мучительное чувство, что люди

¹ A. Touraine. La société post-industrielle, p. 74.

наверху находятся вне нашей сферы действия, что разуму трудно проникнуть туда, что важные решения — вещь деликатная (а эти люди не считают необходимым предварительно их обсуждать), что сдержанная и хорошая оценка является чем-то редким»¹.

Добавим, что это сетование взято из документов симпозиума, на котором высказали свое мнение лучшие американские техники и методологи социального управления, и по меньшей мере половина из них разделяет безрадостные заключения Виленского.

В среде кадров интеллигенции весьма часто слышны жалобы на то, что государственно-монополистический капитализм неразумно расхищает общественный продукт, что он отдает львиную долю компаниям, вместо того, чтобы удовлетворять нужды членов общества. Тревога за положение наемных рабочих рук и возмущение принижением интеллекта, антигуманным его использованием — недовольство технической интеллигенции крупным капиталом — выражаются все более комплексно, их острота усиливается.

Особенно сильные антимонополистические реакции проявили во многих случаях интеллектуалы, связанные со средствами массовой информации. Находясь в гуще политической жизни, представляя ее образ под диктовку господствующей крупной буржуазии, эти интеллектуалы неоднократно в кризисных ситуациях обращали критическую силу своего оружия — печать, радио, телевидение — против крайностей господствующей реакции. На практике это сражение заканчивалось или выбрасыванием на улицу части непокорных, или (чаще) каким-либо компромиссом — правительство предпочитает удовлетворить ограниченные групповые требования, чтобы оторвать бунтующих от других антимонополистических сил. Антимилитаристские передачи американского телевидения (особенно в начале семиде-

¹ Information technology in a democracy. Massachusetts, 1971, p. 183. Р. Флакс даже суммирует эти настроения в виде весьма радикальной оппозиции: «Крушение так называемого «либерального истеблишмента» характеризует новую ступень в сознании американской интеллигенции — кроме культурного противопоставления, кроме стремления к социальным реформам, кроме протеста, она уже начинает думать об активном сопротивлении и революции» (R. Flaks. The New American Revolution, p. 237).

сятых годов), антиголлистские реакции французского телевидения в 1968 г., острая критическая линия буржуазно-либерального журнала «Шпигель», выступление Ральфа Нейдера и его сподвижников против подброкачественных продуктов крупнейших американских компаний свидетельствуют о том, какую критическую мощь могут предоставить развитию антимонополистического фронта профессиональные круги, группирующиеся вокруг средств массовой информации. Важное участие в этом процессе принимает и художественная интеллигенция. Моральным проблемам «интеллектуального пролетариата» посвятил уже несколько пьес Фридрих Дюрренматт. Последняя из них, под выразительным названием «Соучастник» (преьера этой пьесы в 1973 г. в Цюрихе вызвала крупные споры), безжалостно вскрывает деградацию тех буржуазных интеллигентов, которые во имя прибыли занимаются организацией выполнения наиболее бесчеловечных, наиболее скотских задач крупного бизнеса.

4. Когда создаются менеджерские доктрины

Господствующий класс тоже уделяет все больше внимания интеллигенции. Это делается и по чисто деловым соображениям. В момент, когда в передовых промышленных странах проявляются исключительные заботы о превращении науки в производительную силу, для буржуазных экономистов является азбучной истиной то, что самыми доходными являются «капиталовложения» в человека — создание кадров, обладающих высочайшей профессиональной подготовкой. «Техническая квалификация, — разъясняет Дэниел Белл, — это то, что экономисты называют „человеческим капиталом“». Белл цитирует экономиста Гарри Бейкера, согласно которому вложенные в четырехгодичный курс обучения в колледже средства дадут производству ежегодный доход, превышающий на 13% доход от «средней трудовой жизни»¹. Впрочем, подобного взгляда придерживался еще Торстен Веблен.

¹ Daniell Bell. On meritocracy and equality. — In: «The public interest», 1972, № 29, p. 34.

В аморфном потоке многочисленных технократических теорий все же можно различить исторически и концептуально два периода. Первый связан с государственно-монополистическим преобразованием буржуазного общества, с проведением государственно-монополистической реформы в наиболее индустриализованных капиталистических странах после первой мировой войны. В ходе этих акций было проведено и первое наступление крупного капитала против либеральной буржуазии; она в значительной степени потеряла свою самостоятельность, очень большая часть ее была «саларизована», то есть переведена на зарплату, хотя размер зарплаты, ряд культурных привилегий все еще обеспечивали ей завидное по сравнению с рабочим классом положение. Именно поэтому многие доктрины монополистической пропаганды столь щедро в той или иной форме доверяли контроль над крупной собственностью и политической властью технической интеллигенции — так окутывался туманом процесс ее первого осязаемого вступления в условия наемного труда, ее практического отдаления от крупного капитала. Впрочем, с этим начинанием был связан и более широкий пропагандистский мотив — надо было заверить общество, что со вступлением интеллектуалов в экономическое и политическое руководство анархия капиталистического хозяйства будет преодолена, что предприняты решительные меры для ограничения «варварского» и стихийного начала в нем.

Всякая технократическая доктрина в конечном счете восхваляет «новое развитие капитализма». Но менеджерские теории первого периода избегали открытой апологии, напротив, носили в себе и декларативно критичные элементы¹. Надо было отвергнуть как устаревшую морально и интеллектуально свободную конкуренцию, чтобы заменить ее «более полезным для общества» государственно-регулятивным механизмом. Еще первый, наиболее популярный технократический манифест Торстена Веблена критиковал бездарность, отсутствие профессионального умения у капиталиста, приводящие к нарушениям в экономике. Опубликовав-

¹ См.: Д. Гвишиани. Социология бизнеса. М., 1962, с. 452. См. также: Н. Юлиана. Буржуазные идеологические течения в США. 1971, с. 33.

ная в 1921 г., накануне общего кризиса капитализма, книга Веблена «Инженеры и система цен»¹ энергично рекомендовала лишить руководящей роли некомпетентных бизнесменов и доверить ее инженерно-технической интеллигенции. В то же время в Европе популяризовал сходную позицию Макс Вебер, который писал о выходе капитала из-под власти отдельных собственников, превращение его в самостоятельную силу, сводящую социальную иерархию просто к обслуживающему чиновничеству². Спекулируя отделением функций от собственности, то есть обобществлением производства, Вебер и Веблен вовсе не вели борьбу против финансовых магнатов типа Рокфеллера (разоривших посредством свободной конкуренции миллионы мелких собственников). Их рекомендации практически подчиняли власти этих магнатов весь общественный продукт. А математическое решение этой задачи возлагалось на «умных» технократов. Эта универсальная система эксплуатации масс ничтожно представлялась как общее благо, как исчезновение частной собственности. Так технократический миф совпадал с идеей о растворяющейся крупной собственности.

С этого момента все менеджерские революции развивались на фоне какого-то «народного» капитализма. Они изобиловали синонимами понятий «общий» и «разум», чтобы замаскировать, как частный интерес монополий неразумно присваивает общественные блага, неминуемо их извращает, иррационально разрушает часть из них. В представлениях А. Берли менеджеры осуществляли «власть без собственности»³. В конструкциях Гэлбрейта элитарная техноструктура управляет обществом, которое представляет собой совокупность групп с неантагонистическими интересами⁴.

Естественно, что, когда технократы стали советниками Рузвельта при проведении государственно-монополистической реформы, связанной с «новым курсом»,

растворение частной собственности в общей приняло совершенно другой образ. Достаточно напомнить некоторые кадры из шедевра Джона Форда «Гроздь гнева» (по Стейнбеку), — кадры, которые показывали, как тракторы корпораций перепахивали владения мелких фермеров, как миллионы сельскохозяйственных рабочих были ограблены, уничтожены, подвергались побоям, как негры в рабовладельческие времена, — чтобы стало ясно, чья именно собственность была поглощена монополиями с их ненасытными аппетитами. Может быть, наиболее лаконичный итог огромного обобществления производства, его глобального подчинения интересам гигантских корпораций содержится в себе хорошо известная формула: «То, что хорошо для «Дженерал моторс», хорошо и для Америки». Поглощенная чудовищным бюрократическим аппаратом интеллигенция болезненно переживала ограничение ее представлений и ценностей — сведение их к чисто функциональным задачам учреждения. Часть этой интеллигенции уже сознавала свое униженное положение, видела, что ее движение к вершине технократии практически исключено. Да и наиболее элитная прослойка вовсе не осуществляет разумно организованное строительство в пользу общества, ее сознание совершенно антинародно и антидемократично. Сам Дьюи — отец философии американского образа жизни — обобщил глубокое разочарование либеральной интеллигенции результатами «нового курса»: «Какое приобретение было сделано для установления условий, которые дают массе рабочих не только так называемую «обеспеченность», но также и творческий интерес к работе, которую они делают? Какое приобретение было сделано, чтобы предоставить индивидам, большой массе индивидов, возможность открыть самих себя, а затем воспитать склонность к труду по призванию, социально полезному и по своему качеству „дающему возможность свободного творческого развития?“»¹.

Для Европы первый этап менеджерских доктрин закончился, когда вспыхнула вторая мировая война. Открытая диктатура крупного капитала в лице фашизма, осуществленный им разгром немецкой (а позд-

¹ T. Veblen. The engineers and the price system, N. Y., 1938.

² M. Weber. Le savant et le politique, Paris, 1959.

³ A. Berle. Power Without Property. A New Development in American Economy. N. Y., 1959.

⁴ J. K. Galbraith. The New Industrial State, N. Y., 1967.

¹ См.: Ch. Reich. The greening of America, p. 52.

нее и европейской) культуры и интеллигенции, сопровождавшийся циничным втягиванием уцелевших в колесницу войны, сделал бессмысленными сказки о просветительской и мессианской роли, предоставленной интеллектуалам государством монополистического капитала. Псевдодемократическая природа и исконная буржуазная ограниченность технократических реформ особенно ярко проявились в предвоенной Франции. Даже когда видные теоретики-технократы попали на ключевые посты в экономике, почти ничего не изменилось. Правительство Леона Блюа начало национализацию промышленности в обстановке исключительного подъема Народного фронта, начало экономическое планирование в национальном масштабе, но остановилось перед построением действительно общественного хозяйства, усматривая в подобном «дирижизме»... тень фашизма. Достаточно человеку прочесть книгу Филиппа Бошара «Технократы и власть» и ознакомиться с различными катастрофически провалившимися «благородными» технократическими начинаниями в Европе, чтобы понять: менеджеры остаются слугами господствующего класса. Европейский историзм, унаследованный от немецкой классической философии, климат откровенной классовой борьбы позволяют французскому автору трезво оценить, что «технократы всегда оказываются жертвой современной политической истории»¹.

Когда разгоралась вторая мировая война, многие немецкие ученые и ученые из других стран Европы эмигрировали в США. Их американские коллеги, отрезвленные пониманием государственно-монополистической реформы как глобальной эксплуатации общества монополистическим капиталом, начали отдавать себе отчет в том, что большие открытия могут быть поставлены на службу антигуманным задачам.

При этом после Мюнхенского соглашения доверие к империалистическим правительствам было значительно поколеблено. Обеспокоенный усилением антимонополистических настроений среди интеллектуалов, Джеймс Бернхем предложил известное исправление доктрин первой фазы — он «благоразумно» отвел руководящие ро-

ли в будущем мировом государстве только «директорам»¹. В отличие от Веблена он не допускал до ответственных должностей задающих «неблагонадежные» вопросы людей науки. Бернхемовская «Революция менеджеров» вышла в 1941 г. И все же менеджерские дозунги первого периода имели на Американском континенте другую участь. США вступили в коалицию с СССР, и, таким образом, американские управляющие круги, хотя и в конъюнктурных целях, поддержали новую историю мира. Соответственно этому их идеология, руководящие принципы и отдельные пропагандистские схемы, особенно технократический миф, отразились в определенной степени в сознании масс в качестве демократической альтернативы варварству фашизма, а также в качестве морального превосходства над «сталинским тоталитаризмом».

Этот факт позволил в начале пятидесятых годов развернуть заново, в соответствующей актуальной редакции, веблен-бернхемовские иллюзии. Милитаризация американской экономики довела государственно-монополистическое обобществление производства до необыкновенно высокой степени, империализм переживал период стабилизации. Следует отметить, что тогда же началась «охота на ведьм», но новое поколение теоретиков технократизма закрывало свои глаза на эти «мелкие увлечения» и утверждало антинародный диктат корпораций, возносило его как дисциплину, как коллективизм нового индустриального общества, как борьбу против ностальгии по либеральному капитализму XIX века. Джон Гэлбрейт даже дошел до того в своем кокетничанье, что объявил принципы корпораций идентичными принципам социализма. Он следовал антиисторической традиции американской социологии, которая наивно выдает всякий конъюнктурный момент за «революционное» улучшение дел государственно-монополистического общества, толкует его как нечто отличное, не видит его подчиненности общей логике капиталистического развития.

Позднее он должен был сам «открыть» в ходе расширявшейся вопреки советам выдающихся специалистов вьетнамской авантюры ту истину, что шансы

¹ Ph. Bauchard, Les technocrates et le Pouvoir, Paris, 1966, p. 307.

¹ См.: J. Burnham, The managerial revolution, N. Y., 1941.

менеджеров на возможность руководить «справедливо», «либерально», «прогрессивно» развитием «неокапитализма» совершенно иллюзорны.

28 и 29 марта 1969 г. на Капитолийском холме в Вашингтоне состоялась Конференция по вопросам военного бюджета и национальных задач. На этой конференции Кеннет Боулдинг, президент американской ассоциации ученых, теоретик так называемого организационного варианта менеджерской революции, Гэлбрейт и многие другие видные американские ученые и политические деятели должны были признать, что они не могут справиться с мощным наступлением государственно-монополистического комплекса, расхищающего национальный продукт, наносящего непоправимый ущерб американскому хозяйству¹. А тот факт, что война продолжалась и после этой конференции — резолюции менеджеров-либералов остались гласом вопиющего в пустыне, — оказался одним из очередных сокрушительных аргументов против несостоявшейся менеджерской революции и ее пропагандистов. Чтобы картина была более полной, можно тут упомянуть не только о несчастном конце джонсоновского «великого общества», принявшего затем черты полицейского государства при Никсоне, но и вступление управленческой науки на поле боя, где действовавшие без либеральных пустых мечтаний коллеги Гэлбрейта и Боулдинга применили свою систему «планирования, программирования, бюджета»², разоблачив себя в качестве рационализаторов смерти.

Когда менеджерам предоставлялось право действовать на практике, они оказывались занятыми деловой конструктивной работой по удовлетворению принимающего все более антигуманный образ монополистического интереса. Когда они позволяли себе какие-то утопии и стремились осуществить их в относительно либеральных начинаниях, военно-промышленный комплекс и близкие к нему монополистические круги без колебаний их сокрушали. Убийство «менеджера»-президента Кеннеди — является наилучшей иллюстрацией действия этого правила.

¹ См.: «Американский милитаризм, 1970», М., 1972.

² Alain Enthoven. PPB and Vietnam. — In: «Information technology in a democracy».

И как поэт Франсуа Вийон в своей «Балладе о дамах прошлых времен» восклицает, что многие земные вещи исчезают как прошлогодний снег, так и Чарлз Райх через три десятилетия после «нового курса» подвел пронический, но верный итог. Оказывается, что почти все прежние принципиальные приверженцы рузвельтовской реформы теперь «поступили на службу, где они работают на ее врагов (не против, а именно в пользу грубой антиобщественной деятельности крупнейших корпораций). Многие из них стали высокооплачиваемыми юристами и используют свои познания для того, чтобы советовать своим клиентам, как уклоняться от государственного планирования... Они стали врагами радикализма». Какой реквием осуществленной до конца интеллектуальной проституции! Какова перспектива для идей мелкобуржуазного радикализма!

5. Вербовка интеллектуальной жандармерии

Объективные измерения десятилетних процессов «саларизации» либеральной интеллигенции обезличили менеджерские мифы первого периода, заставили принять в качестве преобладающего общественного мнения ту истину, что «технократ всегда является чьим-нибудь технократом»¹.

После иссякания временной стабилизации империализма, в начале шестидесятых годов при очередном натиске монополий на немонополистическую буржуазию (выражающемся, например, в уже исследованном здесь в области образования «прессе» монополий), «саларизация» не только развилась в еще более массовом масштабе, но и начала в определенных случаях переходить в пролетаризацию. Классовая разделенность общества осознавалась как азбучная истина, интеллигенция все больше понимала непреодолимость классовых барьеров, понимала, сколь ничтожны ее возможности изменить стихийные, неразумные условия

¹ Ph. Vauchard. Les technocrates et la Pouvoir, p. 305. «Политические партии принимают их к себе на службу (речь идет о кадрах. — P. B.), только если они подчинены им и любезны» (L. Moulin. La société de demain..., p. 95).

капиталистической жизнедеятельности. В Европе менеджерские доктрины второго периода завоевали популярность в послевоенные годы, а в США — довольно поздно, после разгара вьетнамской войны. Новые теоретические установки подчеркнута избегали критики государственно-монополистического общества (даже критике из функциональных соображений отводилось мало места), усиливали ярко апологетический момент в пользу монополистического бизнеса, кадры открыто приглашались записываться в его партийные группировки, разделять с безусловной союзнической верностью его классовую политику по отношению к пролетариату.

Признавая отсутствие «социальной морали» и упадок «созидательных настроений» среди технической интеллигенции, господствующий класс ответил на их возрастающие тяготения откровенной вербовочной кампанией. В этой кампании все еще встречались уверения, что интеллигенты получают в свои руки руководство общественными делами. Но акцент был сделан на контракт о найме: останетесь сержантами монополий в этом обществе двух воюющих классов — и вы получите некоторые выгоды при распределении прибавочной стоимости. «Принцы, которые управляют» (согласно Мулену, их меньше одной тысячи)¹, видели, как силовые линии антимонаполистической борьбы пронизывают прослойку интеллигенции, и поспешили подготовить эшелоны своего фронта. Поэтому последняя европейская новинка в идеологическом нажиме на кадры не удовлетворилась только разработкой очередного пропагандистского сюжета. Это первая организационно-партийная попытка включить эти кадры в свой политический блок. Речь идет о манифесте «Небо и земля»². Необыкновенно деятельный французский политик Жан-Жак Серван-Шрайбер реорганизовал французскую радикальную партию, объявил ее «единственно подходящей» платформой для французских технических интеллигентов и «подкрепил» свое предложение различными материальными стимулами. «Небо и земля»

¹ L. Moulin. La société de demain, p 98.

² J. Servan-Shreiber, M. Albert. Ciel et terre, manifeste radical. Paris, 1970.

щедро обещает участие в распределении акций, скачок в иерархию, даже угрожает, что различные бездарные маменькины сынки не получают, словно с неба, фабрику — просто как наследство от своего отца. Она будет передана в руки талантливого менеджера, который, как верный Пятница, честно заслужил ее своим трудом — именно тут, на земле.

Предельно ясно, что раз монополии ведут яростную классовую борьбу за общественный продукт, они не готовы делить его с другими социальными группами. Обещанные блага могут даваться только избранным единицам. Однако система манифеста стремится внести в сознание кадров элемент постоянного соревнования в классовом угодничестве, создать ревностный партийный легион. Какую участь готовит Шрайбер для нежелающих включиться в конкурс наемников, можно видеть из его решительных рекомендаций перестроить французскую систему образования по американскому типу прямого подчинения монополиям.

Плакатный блеф о передаче предприятия в руки талантливого менеджера оказывается только удобным поводом для предъявления ультиматума, для грубой мобилизации интеллигенции.

(Идея о мобилизации классовых наемников в условиях обостренной классовой поляризации появилась в менеджерской литературе накануне общего кризиса капитализма в двадцатые годы нашего века. Перед лицом только что установленной советской власти в России, перед лицом попыток создания советских республик в Германии и в Венгрии господствующий класс поспешил создать вокруг себя легион классовых наемников. Один из классиков менеджизма, С. Раунтри, в то время предлагал набирать технический руководящий состав через специальные курсы из числа «наиболее добросовестных рабочих», но рекомендовал при проявлении симпатий к ним не впадать в излишнюю сентиментальность¹. Практически это был компромисс: буржуазия предоставляла части рабочих возможность возвыситься до руководства производственными звеньями. Но этот компромисс в целом был направлен против пролетариата, ибо получившие право на развитие

¹ «Management thinkers». N. Y., 1970, p. 216, 220.

принимали на себя и антипролетарские обязательства рабочей аристократии).

В США Дэниел Белл первым отказался от изношенных «неконфликтных» клише (в создании которых он сам принимал участие) о технократах-либералах, ведущих нацию чуть ли не по социалистическому пути. Учитывая достигшую резких форм нынешнюю классовую разделенность Америки, откровенный Белл все же «спасает» перспективы американского общества, объявляя его «открытым». Правда, трансформационные процессы этого общества не привели к равенству, общество только переформировало «свою классовую структуру, создавая новые технические элиты»¹. Однако классовую несправедливость и классовые антагонизмы будто бы можно смягчить, если социальные роли и привилегии будут раздаваться по заслугам. Указанная меритократия (от англ. merit — заслуга) придерживается более современного принципа буржуазной идеологии — она признает трагические напряжения действительности, но толкует их как вечный закон. Она обходит тот факт, что эти напряжения нарастают, не допускает и мысли возможности их будущего разрешения посредством революционного вмешательства масс.

К открыто наемническим доктринам второй фазы технократической идеологии следует отнести и не ставшие популярными и долговечными еврократические лозунги в связи с Общим рынком, которые были пущены в ход в кругах, близких к крупному капиталу, и выдвигали принцип европейского «интернационализма». На деле эти лозунги служили интересам различных международных монополий-гигантов, обеспечивали плацдарм для расширения американской экономической экспансии в Европе. Даже их коллеги — обычные технократы из различных западноевропейских стран — считали своим долгом предупредить свои правительства о вползании через посредство еврократов шупалец международных трестов в национальные администрации. С развитием инфляционных процессов и с обострением экономических столкновений между развитыми капиталистическими странами еврократический энтузиазм угас. Сам Сико Мансхолт, первый технократ Об-

¹ Daniell Bell. On meritocracy..., p. 31.

щего рынка, после отказа Норвегии в 1972 г. вступить в него, признал в своем заявлении для западной прессы, что в этой организации крупный капитал действует против трудящихся.

Постановка открыто партийной задачи перед «радикалами» Шрайбером и меритократами Беллом — защищать устои капиталистического разделения труда, эксплуатации, более того, самим твердо проводить эту эксплуатацию в условиях нарастающей классовой поляризации в семидесятые годы — вот сущность второго большого этапа в эволюции менеджериализма.

Разумеется, наряду со схемами этой периодизации зарождались и существуют и различные смешанные формы. Например, ныне, когда технократические доктрины первого периода морально устарели и опровергнуты, Норман Бирнбаум, американский профессор социологии, поднял выпавшее из рук Гэлбрейта знамя менеджерской революции, чтобы попытаться убедить мир, что крупная частная собственность ликвидируется, попадая под власть новой элиты — «менеджеров в промышленности, менеджеров в государственном секторе и иногда — политиков»¹. Збигнев Бжезинский переносит тот же архаичный мотив в футурологию, обещая, что мобилизация таланта — это надежный путь к власти, которая переходит от городской плутократии в руки знающих и талантливых индивидов².

Способ жонглирования одними и теми же мотивами, независимо от их интеллектуального и копьюнктурного устаревания, может показаться политически просвещенным читателям смешным парадоксом, но было бы заблуждением полагать, что это означает склеротическое заболевание буржуазной пронагандистской машины. Наоборот, она является одним из наиболее модернизованных и поддерживаемых механизмов государственно-монолистического общества. Повторение известных, лишь слегка «подновленных припевов — это сознательный, широко используемый метод. Это система «огня из всех видов оружия», точнее, система полного покрытия идейного пространства в обществе, диф-

¹ N. Birnbaum. The crisis of industrial society. London, 1971, p. 7.

² Z. Brzezinski. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1970, p. 42.

ференцированной идеологической атаки против различных социальных групп, которые живут в одной и той же стране, но в различное историческое время: одни ожидают часа революции, а другие с тоской вздыхают по «честному» капитализму свободной конкуренции. Противопоставляя их друг другу в их представлениях, монополистическая буржуазия стремится воспрепятствовать осознанию мысли, что их интересы объективно сходятся в задачах антимонополистического фронта.

Сравнение различных технократических теорий доказывает, что все они — проявление систематических усилий буржуазной пропаганды. Чем больше изнашиваются и отпадают отдельные концепции, чем больше обесцвечиваются от времени их декорации, тем больше будет бросаться в глаза их практическая, содержательная часть — буржуазная партийность, которая связывает их в единую духовную продукцию. От либеральных утопий «нового курса» дело дошло до бесцеремонной контрреволюционной вербовки интеллигенции, до откровенного рассматривания ее как наемника. Элитарные доктрины вовсе не возвышают социальную роль интеллигенции. Рассмотрение практических схем, в которые менеджерская «революция» втискивает интеллигенцию, показывает все более резкое, разностороннее и беспрекословное подчинение ее творческих возможностей службе частному интересу, все большее ее отдаление от распределения прибавочного продукта.

Технократические и «народно-капиталистические» импровизации стремятся опустить дымовую завесу перед исторически характерной и все более разрастающейся тенденцией к пролетаризации некапиталистических общественных слоев. Буржуазная пропаганда наиболее продуктивна там, где буржуазное общество находится в особо кризисном состоянии. Оглушительно повторяемые декларации об открытии пути интеллигенции к крупной собственности только скрывают тот факт, что она практически приближается к положению лишенного собственности пролетариата, к свободе его рук. Энергия и изобретательность и сотни серван-прайберов не могут уничтожить цифры: в 1950 г. количество высших администраторов в США не превышало 10 000; еще в 1962 г. 98,6% французских кадров в промышленности и 82,4% их коллег в аппарате сбыта, в организа-

ции и управлении предприятиями являлись наемными работниками, зависящими от одной зарплаты и конъюнктуры, то есть от произвола монополистического капитала¹.

Любопытным примером ограниченной возможности кадров выступить в круг собственников является трагикомический случай с первым менеджером американского миллиардера Говарда Хьюза. Этот «честный» труженик пятнадцать лет выслушивал от своего хозяина обещания, что он будет вознагражден за свой труд хорошим пакетом акций, и брал на себя вину за самые грязные финансовые проделки миллиардера. Но когда пришло время исполнить данное слово, Хьюз отказался сдержать свое обещание, и разгневанный менеджер отомстил за себя, описав в 1972 г. в западной печати многие закулисные махинации и спекуляции своего бывшего хозяина.

6. Большое призвание

Семидесятые годы нашего века характеризуются резкой поляризацией отношений между монополистической буржуазией и пролетариатом. И так как монополистический капитал все более беззастенчиво и разносторонне пытается вести наступление против общества, все более грубо противопоставляет себя остальным социальным группам, раньше или позже его методы лести в отношении кадров будут заменены непосредственным нажимом. Степень эксплуатации, теперь смягченная некоторыми материальными привилегиями, завтра возрастет.

Ясно, что для наемного работника в капиталистическом обществе альтернатива ни в коем случае не может быть сведена к социал-демократическому лозунгу об улучшении материального положения или к технократическим рекламным прелестям интеллектуального прислужничества. Она может быть выражена действительно только в целостном отрицании буржуазного строя, и поэтому многие материально удовлетворенные кадры уже сознают, что одного недовольства монополистическими сверхприбылями, накопленными за счет

¹ См.: A. Casanova, Cl. Prévost, F. Metzger. Les intellectuels et luttes de classes. Paris, 1970, p. 46.

остальной части общества, недостаточно для социального переворота. Они начинают видеть в рабочих класс, способный помочь им свергнуть беспощадную власть отчуждения. И по-настоящему единственным способом избавиться от унижающего и приводящего их к деградации господства монополий является классовая борьба: связь с буржуазией обрекает их на обезличивание и на духовное рабство; союз с пролетариатом возрождает их как творческие личности, раскрывает перед ними горизонты общественного проявления.

Однако политическое сближение интеллигенции с рабочим классом приобретает свой реальный облик лишь тогда, когда мы помним о связанных с ним противоречиях, о трудностях преодоления этих противоречий. Непреложной истиной является то, что только победа пролетариата делает реальным действительно рациональное планирование и развитие экономики, предполагает и требует неискалеченного, все менее ограниченного развертывания творческих усилий интеллигенции. Короче говоря, свободное будущее интеллигенции связано с объективными интересами пролетариата. Верно также, что интеллектуальный уровень интеллигента, обладающего высокопрофессиональной эрудицией, более широким культурным и политическим кругозором, превышает интеллектуальный уровень рабочего — словом, «рабочему классу приходится иметь дело с союзником, занимающим передовое место в производстве»¹.

Этот перевес в культуре — непреодоленное классовое наследие — выражает противоречие между умственным и физическим трудом. Зачастую его пристрастные мелкобуржуазные толкования становятся причиной гегемонистских настроений среди интеллектуалов. Бывает, что в определенный момент некоторые круги интеллигенции вполне объективно оказываются во главе антимонополистической борьбы. В США из-за ряда особенностей общественного развития был крайне затруднен переход рабочих от экономической борьбы к политической, путь же молодых интеллигентов к политической борьбе оказался более коротким, чем путь рабочего, а «новые левые» — самое массовое демократическое движение. Однако именно из-за того факта,

¹ «Политические битвы в странах капитала». М., 1971, с. 43.

что они выступили сами против машины империализма, молодые радикалы потерпели поражение. Ныне наиболее трезвые из них принимают линию компартии, делают попытки ведения пропаганды на заводах.

Используя увлечение самоцельными теоретическими дискуссиями, которые зачастую на практике отрывают друг от друга интеллигенцию и рабочих, противопоставляя их интересы, буржуазная пропаганда ведет массированный огонь. Естественно, под прикрытием крайностей «левого» и правого ревизионизма. Основная часть «модерных теоретиков» революции (Гароди, Маркузе, Сартр) пытается внушить мысль, что интеллигенция приобретает ведущую роль в антимонополистической борьбе, а маоистствующие догматики в свою очередь объявляют интеллигенцию буржуазией, врагом рабочего класса. Тут уместно напомнить, что в ходе крупной диверсии против ЧССР под вывеской «социализма с человеческим лицом» сеялись настроения мелкобуржуазной стихии среди чехословацкой интеллигенции, чтобы противопоставить ее истинным позициям и потребностям чехословацкого рабочего класса.

Объективное достижение единства материального и духовного начала в общественном производстве — это процесс будущего развития научно-технической революции. Однако сознательная политическая связь интеллигенции с пролетариатом обусловлена их положением совокупного рабочего, противостоящего своим трудом мертвой силе капитала. Это реально осуществимое развитие. Оно означает включение интеллигента в борьбу за демократическую национализацию капиталистической экономики, в борьбу за демократизацию общественно-политической жизни, за представление и защиту интересов пролетариата в ходе общественной деятельности интеллигенции.

Более того, здесь речь не идет о чем-то чисто гипотетично должном, которое лишь конструируется. Огромные задачи, выполняемые социалистической интеллигенцией в области производства, образования и культурной жизни, свидетельствуют об исключительной плодотворности уже созданного, все более углубляющегося и *подлежащего непрерывному осовремениванию* разносторонне расширяющего свои практические формы союза между пролетариатом и интеллигенцией.

СТРУКТУРАЛИЗМ КАК МИФ И МЕТОД

«...Незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств, и наоборот: знание превращается в незнание, когда возможность такого действия утрачена»¹.

1. Технократы в обществознании

Планируемое построение общества в век научно-технической революции и систематическая организация масс в нем отдаются теоретическим эхом в общественной мысли. Эссенстика все больше уступает место математике, кибернетика широко входит в общественные науки. Не случайно Маркс считал, что наука достигнет совершенства, «только когда ей удастся воспользоваться математикой». Однако Маркс понимает математику как средство, подчиняет ее инструментальные возможности развернутому теоретическому мышлению, предлагает более точный и более последовательный аппарат для исследования эмпирического материала.

Тот факт, что в наших партийных программах уделяется очень серьезное внимание статистике, прогнозированию, системному и долгосрочному планированию, что используются не только ориентировочные, но и абсолютные цифры, показывает, насколько велико прикладное значение математики и точных методов в общественном строительстве².

Процесс рационализации общества, естественно, отражается и в буржуазной социологии. Еще в начале

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 43.

² См.: Никола Стефанов. Наука и управление. «Партиздат», 1970.

века в ней оформились течения, которые отказались от интуитивных толкований общества, пытались с помощью «чисто научных» конструкций преодолеть натурализм биологических и геополитических моделей. Ярким примером подобного подхода является структурно-функциональная социология Талкотта Парсонса¹, которая находит приложение в построении ряда институциональных отношений в США. Необыкновенную популярность в США и в других развитых капиталистических странах имеют различные функциональные схемы, которые регулируют до определенного оптимума деятельность индивида на предприятии и потребление. Теория Кейнса — основа государственно-монополистического регулятивного механизма — сама основана на структурно-функциональных принципах. Так, буржуазная социология косвенно признает, что покончено с автономией индивида в буржуазном обществе, что он уже включен в механизмы корпораций, что и впредь он будет рассматриваться не как атом — ценность сама по себе (как формально его толковала классическая буржуазная мысль), а как отношение к данному институту, как механизм в данной иерархии.

Почему все же после столь значимой практической деятельности структуралистских направлений их теория стала модой лет десять — пятнадцать назад, причем именно во Франции? Почему там структурализм в критике, в искусствоведческом анализе и вообще в общественных науках считает своими источниками лингвистику Соссюра, русский формализм, пражскую школу, но почти никогда не обращается к Парсонсу? Этому любопытному явлению можно дать несколько объяснений. Первое нам подсказывает время структуралистской волны — конец пятидесятых, начало шестидесятых годов. В этот период крупный капитал во Франции испытывал острую необходимость в государственно-монополистическом обобществлении производства. Ему нужно было сильное правительство, способное поддержать его и руководить в национальном масштабе воплощением в жизнь его интересов. Однако развертыванию деятельности монополий препятствовали тогда широкие антивоенные настроения, тенденции «полевения» мелкой

¹ T. Parsons. The structure of social action. N. Y., 1967.

буржуазии (несмотря на антикоммунистическую внутреннюю политику тогдашних руководящих кругов). Непрерывная борьба в парламенте не позволяла монополистической буржуазии применить полнее регулятивные возможности надстроечного института.

Генерал де Голль, используя моральный капитал, нажитый на окончании войны в Алжире, после внесенных поправок в конституцию в октябре 1962 г. оказался как бы «избранником народа» в противовес бездействию парламенту. Он и его правительство искали средства блокирования левых настроений в сфере идеологической борьбы. Они пытались овладеть разнохарактерными антимонополистическими реакциями французской интеллигенции, создать теоретическую установку, способную ориентировать интеллигенцию на ценности и обязанности государственно-монополистической системы французского дирижизма. Интеллигенция должна была воспринять задачи голлистской администрации, войти в ее звенья и структуры. Ее идейное «перевоспитание» означало пересмотр ее «либерального» (мелкобуржуазного) статуса, ее прямое или косвенное втягивание в выполнение ролей, заданных государственно-монополистической машиной. Подобно тому как реклама в США умеет навязать продукт данной корпорации сознанию потребителя как продукт его собственного выбора, так французский монополистический капитал в своем идеологическом наступлении сознательно оставлял интеллигенции известное пространство для оппозиционных действий. Например, технократы говорили в своих кругах об организованном сопротивлении голлизму, их клуб «Жан Мулен», усматривая фашистские тенденции в единоличном режиме, подвергал их критическим атакам. Однако, стремясь противопоставить этому режиму рациональность чистой науки, не создавать «ни идеологии, ни литературы»¹, технократы практически ему предлагали свои организационные схемы и методы. И правительственная администрация, не считаясь с тем, что они публиковались и представлялись общественному мнению с намерением критиковать ее идеологию, их внедряла.

¹ Ph. Bauchard, Les technocrates et le Pouvoir, p. 268.

Структуралисты, эти технократы в общественности, тоже занялись противопоставлением точных методов всякому «пристрастному» идеологическому мышлению.

Однако на деле инициатива структуралистов оказалась популяризацией деидеологизации: они объявили ненаучными теоретические отрицания государственно-монополистического общества, стремясь оставить его «рациональные» структуры в качестве единственно позитивного решения дискуссий. Научное мышление технократов и их преклонение перед самоцельным приложением точных методов практически формировали «новые политические кадры» для линии голлистского курса. Однако французские структуралисты в большинстве случаев считали себя левыми авторами. Во время майских событий 1968 г. структуралистская группа, связанная с журналом «Тель кель», проявила особую активность в демонстрации левацких настроений. И все же, несмотря на их декларированную неконтактность и несвязанность с практическими разработками «реакционной» американской функциональной социологии, баланс их деятельности за несколько лет показывает, что они подпадают под парсоновское определение студенческого радикализма как желания «работать скорее в системе, чем создавать фундаментальную оппозицию»¹. «Полевение» французского структурализма было отголоском многопартийной игры французской буржуазии, которая выражала согласие с основными моментами политики монополистической верхушки при условии, что она получит право оспаривать ее в некоторых других, не особенно существенных пунктах.

Когда дело доходило до существенного, спор оказывался нагромождением непопулярной теоретической писанины (чем, по существу, остался структурализм). Мелкобуржуазная поза независимой фракции у этой школы была дополнена начальным сосредоточением исследовательских усилий на «научном» усвоении антропологии. Так она избегала обращения к практике, которая неминуемо ведет либо к клише «устаревшего» марксизма, либо к функциональным разработкам социологии империализма. Витание в области чистой тео-

¹ E. Erikson, in: «Youth Change and Challenge», p. 118—119.

рии создавало у философиствующих структуралистов чувство неуязвимости. Действительно, они не вставляли открыто под навес идеалистической традиции, позволяющей пренебрегать тем, что в макросоциологии называется верификацией — проверкой данной конструкции путем сопоставления ее с действительностью. Однако взамен этого структуралисты предприняли парадоксальные проверки, согласно которым не структура образовывалась с действительностью, а за действительность выдавались те ее отдельные факты, которые «входили» в структуру.

В это же десятилетие многие буржуазные авторы, особенно те из них, которые придерживались наследия немецкой классической философии, доказали, что эстетический и функциональный структурализм имеет одни и те же корни в практике и духовной атмосфере государственно-монополистического общества¹. Структуралисты-теоретики, увлеченные своим конъюнктурным восхождением, забыли, с какими усилиями и оговорками их конструкции выдерживали верификацию, и занялись обширными исследованиями социального процесса, истории. И там, разумеется, потерпели сокрушительное поражение.

2. Отвергнутые манифесты

Было опубликовано много различных структуралистских манифестов, но по своей сущности они являются вариантами, которые можно свести к одному самому общему определению — попытке системного исследования структур общественного сознания. Под структурой понимается противопоставление минимум двух элементов, создающих информацию о новом отношении (да — нет, плюс — минус, $A \neq B$) именно через и в противопоставлении одного другому². Типичный пример работы с такой первичной структурой представля-

¹ Одним из самых жестоких критиков структурализма является, например, Герберт Маркузе (см. его «Одномерный человек»), который вообще определяет позитивизм как подлинное падение общественной мысли, погрязшей полностью в императивах общественно-воспроизводительной машины капитала.

² См.: A. J. Greimas. *Sémantique structurale. Recherche de méthode*. Paris, 1960, p. 49.

ет теория фонемных оппозиций в языкознании. Поскольку два элемента характеризуются через их взаимоотношение, созданная система несет какое-то количество информации о самих этих элементах. Но когда структурный анализ находит поле приложения в области, где важно раскрыть, что содержится под действительными отношениями (что определяет игру моды, что «задает тон» поведению зрителей на спортивном состязании и т. д.), оказалось, что французские структуралисты ищут только знакомый, семиологический аспект структуры. Они интересуются математической игрой отдельных функций и не занимаются проблемой целостного образа объекта в его развитии, вопросом о том, что именно существенно.

Формалистическое стремление к исследованию знаковых фигур и образований весьма очевидно в литературном анализе структуралистов. Например, Роман Якобсон критикует все концепции, пытающиеся объяснить специфику поэзии ее человеческим содержанием, эмоциями. Для него это есть увлечение «риторичными орнаментами», которое может быть преодолено только посредством «целостной переоценки всех составных частей речи»¹. Перед нами откровенная попытка развенчать субъективную природу эстетического переживания, придать ему в качестве единственно объективного основания функциональные, знаковые отношения между элементами языка. Подобный «безжалостный» эмпиризм, сводящий поэзию к простой механике лингвистической модели, по существу, оказывал очень плохую услугу теоретическому структурализму. Он головно пытался заменить эстетику языкознанием, отвергал эстетическое как категорию, лишал его права на существование. Если нам будет позволено одно более или менее вольное сравнение, то блестящий языковед Якобсон попал в положение прусского офицера, объявившего строевые полковые учения балетным спектаклем.

Над убийственным лингвистическим догматизмом делает попытку возвыситься пашумевший французский критик Роллан Барт. Создавая понятие литератур-

¹ R. Jakobson. *Essais de linguistique générale*. Paris, 1963, p. 248.

ного почерка (*écriture*), Барт объявил, что он будет искать специфику эстетического без грубых эмпирических приемов и, несмотря на это, докажет, что его объективная реальность, «независимо от языка и от стиля», представляет собой некое «третье измерение формы»¹. Однако, несмотря на большое количество энергичных угроз пересмотра объекта литературной науки, весьма интересные социологические наблюдения критика, его остроумные анализы механизмов, он в конечном итоге снова ограничивается «открытием» общественной позиции писателя единственно в словесном материале, заменой идейного анализа прилежной фактологией, опять-таки попыткой редуцирования эстетического к языку. Так, подлинная литературная наука оказывается для Барта изучением микро- и макрокомпозиционных моделей в литературном творчестве.

Исследования чисто технической, строительной стороны литературного процесса интересны, поскольку они бросают дополнительный свет на соотношения того, что со времен Аристотеля называется тропами и жанрами. Однако крайне формалистичные увлечения французского критика абсолютизируют изучение литературных приемов в качестве основного предмета литературной науки, проникают в живые проблемы литературы, чтобы их иссушить, формализировать. Более того, начавший в известном смысле с отмежевания от языкового расчленения (аутопсии) литературы, Барт не сдержал своего обещания найти «третье измерение формы», способное объяснить «объективно» природу эстетического переживания, и вернулся к лингвистическим крайностям Якобсона — «литература открыто сведена к проблематике языка, практически она уже может быть только этим».

В этнологии структурно-функциональный анализ нашел более удачное применение и благодаря талантливым исследованиям Клода Леви-Стросса много способствовал пониманию мифа как нормы общения в первобытных обществах, сумел вывести и объяснить многие аспекты такой синкретичной модели сознания. Подобная разработка логически ставит вопрос о том, как

¹ P. Barthes. *Le degré zéro de l'écriture*. Paris, 1965, p. 1.

она может быть осмыслена уже в историческом плане. К сожалению, этой задачей, порождающей творческие амбиции у всякого теоретика, Леви-Стросс просто пренебрег. Он отказался выйти из заботливо построенной синхронной схемы, считая, что если западные цивилизации органически связаны с переменами, с динамикой, то примитивные общества призваны вообще никогда не связываться с внешним миром, чтобы не изменяться¹. При этом недоверии как к «эмпирически непостижимой» диахронии, так и к смыслу взаимодействия между культурами гуманизм Леви-Стросса утрачивает критерий исторического прогресса,² начинает тяготеть к идеализации полноценной жизни в первобытных обществах, к руссоистской ностальгии. Структура у Леви-Стросса не допускает человека приступить к следующей фазе своего (притом уже осуществленного) исторического развития, и нам, может быть, исключительно повезло, что этот французский ученый не является ни господом богом, ни демиургом этого мира. Ибо, как нам представляется, он и до сих пор держал бы нас в первобытном состоянии, отстаивая свое мнение о пейспорченной природе первобытного человека, свой миф о хорошем, счастливом дикаре.

Для преодоления подобной неподвижности Греймас предложил, чтобы при работе с проблемами во времени рассматривать структуру как «иерархию систем» и как

¹ См.: Cl. Levi-Strauss. *Anthropologie structurale* (Deux). Paris, 1973, p. 376.

² Тут, кажется, мы встречаемся и с первыми идейно-политическими резонансами, палагающимися на такую позитивистскую «беспристрастность». Леви-Стросс в своем желании любой ценой защитить первобытную культуру и вообще всякую оригинальную культуру от «колониализма» какого-либо исторически более передового культурного воздействия, с одной стороны, справедливо критикует ущерб, нанесенный американской агрессивной вьетнамской культуре, но, с другой стороны, считает, что культурная политика Демократической Республики Вьетнам якобы угрожает оригинальным культурам некоторых горных племен в стране. Этот релятивизм, вытекающий из отказа воспринять исторический прогресс в качестве критерия, из пафвного противопоставления первобытной и современной культуры, приобретает значение аполитичности. Деидеологизированное отношение в свою очередь конкретизируется в воздержании от активной социальной позиции, в конечном счете ведущем на путь соглашательства с буржуазной действительностью.

комплексе функциональных правил, как возможность отражения времени¹. Однако предпринятое новаторство оказалось не укреплением методологических возможностей структурализма, а, наоборот, — первым косвенным признанием его идеологической несостоятельности. Это было скрытым отступлением от мании изучать человеческую деятельность единственно с помощью «точных методов» и «совершенно» объективных конструкций. Греймасом допускалась активная роль человеческого сознания, которая, хотя и скрытая за весьма неуточненной формулой о «функциональных правилах», выражалась в том, что сознание имеет дело с композиционными элементами и структурами, превращая именно их в функциональные элементы по отношению к развитию идейно-эмоционального потока. Из попытки создания «асинхронной» (находящейся над временем) структуры стало ясно, что, когда структура отрывается от содержания и превращается в самоцель, она становится бессмысленной.

На эти же выводы нас наводит и эволюция Мишеля Фуко, хотя этот автор строит гораздо более сложную систему и предпринимает чрезвычайно масштабную попытку объяснить структуры «бытия знания», их комплексные движения в целые исторические периоды. Исходная позиция социолога в соответствии со структуралистской традицией заключается в том, что он противопоставляет слово мысли, утверждает, что речевая практика развивается самостоятельно, независимо от человеческого мышления. Она воспринимается за объективную данность, которая со своим организационным совершенствованием и иерархическим разрастанием вытесняет как пенужное человеческое присутствие: «Так как человек образуется в то время, когда язык был осужден на рассеивание, не пришел ли уже черед человеку раствориться — потому что теперь язык строит себя сам?»²

Кажущееся лингвистическое противопоставление слова (функции) понятию (содержанию), строгой функциональной системы — творческой свободе воображения,

¹ См.: A. J. Greimas. Structure et Histoire. — «Les temps modernes», 246/1966.

² Michel Foucault. Les mots et le choses (une archéologie des sciences humaines). Paris, p. 397.

противопоставление, проведенное весьма настойчиво в цитированной фразе, имеет широкий размах в трудах Фуко и весьма прочные социальные корни в действительности. Его аналитический ум открывает в самых различных пластах общественного сознания, в эволюции науки сложные, но строгие и доказуемые закономерности, подчиненные в конечном счете организации современного капиталистического производства и потребления. Видя только их железную логику, оторванную от их материальных предпосылок, он их толкует односторонне и представляет их как развивающиеся в пространстве истории самостоятельные конфигурации, чья игра и взаимодействие оказываются подлинным деятелем общественного развития.

Недоразумения начинаются с того, что Фуко забывает то именно отражают эти закономерности, то есть человеческую практику. История — это ни что иное, как эволюционирующая человеческая (общественная) деятельность, и, хотя на ее досоциалистических стадиях индивиды остаются стихийными бессознательными деятелями, именно их труд строит и непрерывно перерабатывает огромные разветвления общественного процесса. Получается интересный парадокс: исследовательские усилия автора, его преклонение перед принципом объективности вступают в острое противоречие с декларированными исходными воззрениями.

Проникновение в тенденции западноевропейских общественных наук приводит Фуко к новым позициям, к «саморевизии» в «Археологии познания». Оказалось, что человеческая сущность не может быть отвергнута или сведена к каким-то неразложимым структурам. Наоборот, исследуемые конфигурации становились все более усложненными, охватывали значительные периоды времени, переплетались в свою очередь в ходе новых взаимодействий. Они вели не к атомарному разложению индивида, а к уникально насыщенному переплетению, в них можно было проследить совершенно противоположное исходным амбициям автора синтезирование «живой, хрупкой и трепетной истории» как разносторонней человеческой деятельности. Вместо того чтобы вести к деантропологизации человека, построенные эпистемы развивались в целые периодизации

общественной мысли¹; в своей логической связи они все больше напоминали исторический ракурс вместо масштабно-требуемой симультантной структуры познания.

Однако, если Фуко составляет подобную имманентную систему, чтобы вместить в ее безвременное пространство конфигурации познания, провозгласить торжество «нового позитивизма» и таким образом противопоставить себя «гуманистическим предрассудкам» историзма, отвергнуть «банальности» подобной идеологии, нашлись его коллеги, которые, наоборот, начали преднамеренно идеологизировать структурализм, развешивать мировоззренческие, подчеркнуто спекулятивные претензии. После президентских выборов 1965 года, когда кандидат объединенных левых сил получил почти столько же голосов, сколько было подано за де Голля, монополистические круги начали более нервно реагировать на рост марксистского влияния на интеллигенцию. Они вынуждены были вносить все большие дозы открытой тенденциозности в свои споры с марксистами — обходные пути «научной деидеологизации» не дали ожидаемого эффекта. Среди «марксистствующих» структуралистов появились недвусмысленно «антимарксистствующие». В 1966 г. Морис Годелье в приступе нетерпения, оперируя средствами открытой страстности, грубыми журналистскими извращениями, занялся поиском объяснения у учеников Маркса, начав с «осовременивающего» структуралистского анализа *ни* больше ни меньше как «Капитала»². Из этой претенциозной инициативы стало очевидно, что диалектический подход — количественно-качественная модель объектов — превосходит семиологическую структуру не

¹ Короче говоря, «Археология познания» строит три основные конфигурации западной культуры. Первая, охватывающая Ренессанс, исследует отношение «сопринадлежности» между словами и вещами. Вторая включает эпоху Просвещения, и в ней слова и вещи «соразмеряются» через мышление. Третья определенно выражает государственно-монополистическую стадию буржуазного общества и вследствие превращения науки в производительную силу характеризуется, согласно Фуко, весьма усложненной связью между словами и вещами, функционированием этих связей не в представлениях человека, а в самой истории.

² M. Godelier. Systeme, structure et contradiction dans «le Capital». — «Les temps modernes», 246/1966.

только своими методологическими возможностями, но и генетически, по времени. Именно потому, что столетия, на которые диалектик Гегель опередил структурную механику Годелье, являются историческими фактами, французский автор выбрал более кружной путь для нанесения своего удара.

Восхваляя концепцию Маркса о базисе и надстройке, Морис Годелье объявил Маркса первым предшественником структурализма, заявил, что его труды способны «дать неожиданные и плодотворные элементы самой современной научной мысли». Однако предварительно Годелье попытался сокрушить «традиционные толкования» Маркса, освободить его «от неточностей и противоречий». В конечном счете важнейшей целью Годелье было доказать, что «диалектика Маркса в своих основных принципах не имеет ничего общего с диалектикой Гегеля». Общеизвестна истина, что Маркс отверг идеализм учения Гегеля, принимая и придавая материальную силу рациональному в этом учении — диалектике, но французский автор вспомнил об этом факте не бескорыстно. Он хотел выбросить вместе с диалектикой Гегеля и диалектику Маркса или же примитивизировать ее до известного принципа статичной оппозиции между элементами структуры. Попытки «крещения» Маркса начинаются с некоторых «мелких» неточностей. Так, например, рассматривая первый том «Капитала», Годелье стремится доказать, что Маркс пренебрегает генезисом структуры капиталистических производственных отношений (понимай: Маркс отрицает движение в истории и предпочитает синхронность структуры). Оставим в стороне тот факт, что французский структуралист по известным ему причинам пренебрег четвертым и седьмым разделами того же тома, в которых дается анализ именно этого генезиса, но все же как ученому, занявшемуся изучением трудов Маркса, Годелье следовало бы самое меньшее сообразоваться с «Коммунистическим Манифестом», который определенно «подсказывает» желание Маркса разрушить структуру капиталистического общества. Все в том же стиле работы Морис Годелье идет в своих посягательствах дальше, чтобы вырвать внутренний двигатель, который может привести в движение «прирученную и синхронизированную структуру» — диалектическое

3. Место точных методов

Различные идеологические зловключения структурализма, естественно, выдвигают вопрос о его судьбе в принципе. Оговорка, что мы не отвергаем точные методы в качестве аналитической возможности на определенном этапе исследовательской работы, повисает как декларация, если мы не находим примеры действительно частично-прикладного усвоения системно-функционального анализа. Тут уместно упомянуть исследование Владимира Проппа, который еще в 1946 г. предложил модель-инвариант волшебной сказки, опирающийся на неизменное число ее героев и на взаимодействие между их функциями, определенное бинарностью (двухполюсное отношение) обрядового бытового цикла — цикла представлений о смерти¹. Это исследование, оказалось, таит в себе замечательные методологические возможности, потому что, например, позволяет рассматривать условности волшебной сказки как исторический выход из однозначности первобытного мифа, чтобы бросить больше света на разделение его спикретизма на отношение между воображением и действительностью. И когда Леви-Стресс обвиняет своего советского коллегу в формализме (переходная модель между двумя культурами якобы не предоставляет достаточно эмпирического материала для выяснения модели), становится ясно, что французский этнолог считает научным только эмпирическое исследование, исходит из нормативной позиции, то есть в данном случае выводит идейную позицию (против более масштабного мышления исторического материализма) из своего «нейтрального» метода, то есть осязаемо идеологизирует.

Пропп, которого французские поклонники структурализма весьма часто цитируют как «советского структуралиста», вовсе не является единственным автором в СССР, применяющим точные методы в гуманитарных науках. Русские формалисты, потерпевшие идейное поражение в первые годы после укрепления новой советской культуры, не были начисто и просто «искоренены». Многие их интересные достижения были усвоены в качестве частного средства, стали надежным инстру-

единство и борьбу противоречий в объекте. Он заявляет: «В конечном счете наш анализ исключает теорию единства противоположностей у Маркса», явно забывая при этом, что подобная, ничем не обоснованная ампутация не может быть принята ни за логическую операцию, ни за аргумент.

И из подхода, который имеет в виду только объективные данности, из отвращения Леви-Стросса к натурализму и описательству в этнологии, из намерения Фуко дать генеральное сражение историзму в толковании исторического процесса вытекает, что самоцельный объективизм структурализма оказывается и создателем такой открытой тенденциозности, как мелкие фальсификации Годелье. Законное превращение этого «крайне научного» метода! Объявив позитивистскую войну всякой идеологии, он сам оказывается в одном из основных потоков буржуазной идеологии — деидеологизации. Потому что сама деидеологизация — это не что иное, как попытка «научно» доказать, что закон буржуазного общества — единственная возможная реальность в этом мире и что наука — это только та инициатива, которая прилежно описывает анатомию общества, не принимая на себя заботу по лечению его болезней. Впрочем, действительный конец идеологическим претензиям структурализма наступил в 1968 г. Тогда стало ясно, что не самодеятельные структуры, а люди являются действующими лицами в общественном и историческом процессе. Показательно, что в США перед лицом студенческой радикализации при попытке идеологических институтов монополий развивать теории, соперничающие с марксизмом, надежды были возложены и на системный анализ. В 1966 г. Энтони Энтхоувер объявил его чем-то большим, чем совокупностью аналитических технических средств, — философией. Но в 1970 г., когда США терпели постоянные военные неудачи во вьетнамской авантюре, этот же автор констатировал поражение своего технократического арсенала как средства научного ведения войны, признал, что точные методы имеют значение только для выяснения условий решения, что сами они не принимают или не предлагают решения¹.

¹ A. Enthoven, Information technology in a democracy,

¹ В. Пропп. Корни волшебной сказки. Л., 1946.

ментом при исследовании конкретного строительного материала данного явления, его эмпирических характеристик. В Тарту структурно-функциональным анализом занимается целая группа ученых (Ю. Лотман и др.). Точные методы использовал в последнем издании своей работы «Основы теории литературы»¹ и «традиционалист» Л. Тимофеев. Впрочем, достаточно назвать имя М. Бахтина, чтобы стало предельно ясно, какую аналитическую тонкость может приобрести исторический подход, когда он опирается на исследования отношений в жанре, в композиции, когда раскрывает внутреннюю содержательность их формального развития. Это мощное обогащение исследовательского аппарата, его разностороннее методологическое развитие, которое мы могли бы выразить известной формулой Л. Выготского: «...из формулы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры — к воссозданию эстетических реакций и к установлению общих законов»².

Именно поэтому мы не можем принять идеологические претензии структурализма: историю нельзя представить себе в качестве «конфигуратора» самостоятельных структур; человека нельзя определить в качестве какого-то количества мертвых образований. Структурализм остается не более чем количественной моделью мира, где познание сводится к прилежной инвентаризации. Какой бы процесс, какое бы общественное или природное явление ни изучались, эта школа преподносит нам только описание его механики, в ней отсутствует «живой дух» — движение, единственно способное дать представление о развитии феномена, о его направленности и сущности. Подобная диссекция может выявить контакты между отдельными элементами, но не их реальное соотношение. При этом их контакт будет охарактеризован по соседству прежде всего в пространстве, но не может быть представлено их взаимодействие во времени.

Семиологическое исследование не может отразить самые общие связи движения в материальном мире,

¹ Л. Тимофеев. Основы теории литературы. М., 1971, с. 302—303.

² Л. Выготский. Психология искусства, М., 1965, с. 35.

постичь диалектику взаимодействия между материальным и духовным. Показательно, что, увлеченный своей методологической склонностью ставить человека в более слабую позицию, в безусловную подчиненность общественной структуре, Леви-Стросс признает, что он бессилен дать предписание о разрешении экологического кризиса, рассматривая его чуть ли не как апокалипсис, нависший над человечеством¹.

С другой стороны, тот факт, что средствами структурно-знакового расчленения можно построить функциональную схему любого объекта человеческой деятельности, что вообще употребление математических моделей позволяет колоссальное количество информации подвергнуть молниеносной обработке на электронно-счетных машинах, не означает сам по себе объяснения мира. Напротив, объяснение происходит, когда начинают обобщать выведенные количественные доминанты, когда человеческая мысль ищет, какое качественное изменение очерчивается за ними, когда раскрывает, признаком какого развития они оказываются. Отсюда видно, что все возможности структурного подхода, системного анализа, электронной обработки информации, семиотики становятся чем-то большим, чем математические ряды, лишь тогда, когда они становятся достоянием человеческого мышления.

¹ Интервью для: «La nouvelle critique», 61/1973.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей книге уделяется особое внимание интеллигенции, ее месту в обществе, ее тревогам, ее движению от шатаний и заблуждений к последовательной классовой позиции пролетариата. Выбор темы не обусловлен никакими личными предпочтениями автора. Перед нами — узловая проблема человеческого развития. Научно-технический прогресс раздвигает огромные горизонты перед интеллигенцией — он влечет за собой все большее уважение к ее интеллекту, требует развития его как качества (методы) и количества (все большей массы людей умственного труда). Исследуемая общественная прослойка олицетворяет будущее всего самостоятельного населения, поскольку является посетителем массового интеллектуального труда, слившись с физическим усилием и поднявшись над ним, труда-мысли, производящей материальный продукт.

Но интеллигенция является интеллектуальным авангардом и вообще прогрессивной силой только постольку, поскольку она служит всем трудовым общественным классам и группам, чтобы помочь им в их продвижении вперед. Недостаточно декларировать левацкие рекомендации и наставления о том, как моментально произвести революционное преобразование и осчастливить общество. Подобное понимание наивно отводит интелли-

генту роль какого-то сверхразумного субъекта, который берется одним усилием своего гениального мозга изменить судьбы мира. Все представители «крайней левой» впадают именно в такой весьма устаревший утопический грех. Этот грех по-своему повторяют и хиппи, и дзэн-буддисты, когда видят в своих собственных достоинствах средство произвести впечатление на мир и внушить ему мысль о необходимости измениться. Вообще это судьба «контркультуры», которая во имя тех или иных «сверхчистых» идеалов отказывается от связи с интересами пролетариата. Современный идеализм принимает весьма усложненные формы. Он способен и на совершенно эмпирические обещания (или исследования — структурализм) — «изучить структуру институтов, основу политики», провести «сравнительное историческое исследование рабочего класса», чтобы покончить со ставшим уже классическим примером мелкобуржуазного отступления (речь идет о заявлении Ч. Райт Миллза, что еще не пришло время для социальной перемен, что все еще «наемные рабочие не являются классом для себя»¹). До сих пор рекорд в этом бесконечном приближении к историческому материализму (по не соприкосновению с ним) принадлежит Кевину Келли. Он заявляет, что идеи живут только тогда, когда люди материализуют их своими действиями. Он осмеивает Райха за то, что и бизнесмен и полицейский могут присоединиться к провозглашаемой им культурной революции. Он объясняет, что революция означает изменение собственности на средства производства. Он доказывает, что студенческая молодежь не является революционной силой, поскольку она находится вне сферы производства. Но когда доходит очередь до вопроса о том, кто и когда осуществит революционное переустройство общества, Келли тщательно обходит слово «пролетариат» и обещает нам революцию через многие поколения, после «длительного периода размягчения и разложения действительности...»².

¹ C. Wright Mills. in: The «End of Ideology Debate», p. 135.

² K. Kelly. Youth, humanism and technology, p. 169.

Их намерения преобразовать мир остаются неактуальным утопическим проектом, а когда они пытаются определить свое отношение к проблемам нашего времени, то объявляют «психологию основным генератором революции»¹, сводят революционную деятельность к моральному переустройству отдельного индивида. Их «эмоциональные порывы» раньше или позже подчиняются готовой, завершенной схеме буржуазного бытия, остаются чертами более колоритного течения в буржуазной массовой культуре.

Сами синонимы, которыми их называет теперь буржуазная пресса («терпимая культура»², «субкультура», «скорее риторика Руссо, чем риторика якобинцев»³, «новая богема»), свидетельствуют, что контркультура практически потеряла какое бы то ни было содержание антибуржуазной идеологии.

Техническая интеллигенция является продуктивной тогда, когда ее талант и ум используются в производстве. Интеллигенты, которых волнует общественное развитие, полезны не тогда, когда они развивают деидеологизированные, чисто логические самодействующие схемы типа структурализма или безоговорочно отдаются левацкой ультраидеологии, а тогда, когда они связываются с основным деятелем производства — рабочим классом, когда они включаются в защиту его интересов. Подобно тому, как производство требует определенной материальной структуры инженерного, управленческого и исследовательского труда, так и политическое представление потребностей пролетариата требует строго определенной организации. Разумное общественное действие (а высшим общественным действием является революция!) остается только болтовней, приятельским собеседованием, пока оно не выходит из круга намерений и интеллектуальных дискуссий. Оно приобретает значение, реальность только тогда, когда оно объективировано в широкой организованной деятельности, политическим субъектом которой является коммунистическая партия.

¹ T. Roszak. Vers une contre-culture, p. 217.

² Youth after revolution. — «Fortune», March, 1973, p. 145.

³ P. Berger. Revolution culturelle et nouvelles élites, «Dialogue», 2/1972, p. 65.

Революционная рабочая партия представляет собой встречу между человеческим разумом и историей, момент, с которого человеческое мышление становится исторически продуктивным, а история — разумной. Огромная сила партии как единства идеи и практики весьма сильно тревожит господствующий класс. Один из его первых теоретиков, Маркузе, специализировался на дискредитации коммунистических партий как «устарелых» институтов. Когда в конце шестидесятых годов в Европе развернулись широкие столкновения между массами и монополистическим капиталом, этот философ проповедовал иррационализм, произвол инстинктов. Его целью было воспрепятствовать идейному очищению антимонополистического процесса. Когда в начале семидесятых годов стихийные процессы были преодолены и последовательная идейная позиция коммунистов становилась все более популярной, Маркузе признал необходимость разума в революции, но «позволил» ему существовать только в качестве теоретического мышления, в качестве идеи в отдельных головах, в качестве инициативы отдельных групп — «рабочих контролируемых советов» в децентрализованных организациях¹. После успеха единой платформы левых сил в ходе последних президентских выборов во Франции, когда социалисты и коммунисты показали пример того, как надо строить коалицию антимонополистического фронта, Маркузе неохотно заговорил об единстве левых и даже признал правомерным существование коммунистической партии. Но он поставил в подтексте условие, что она должна быть... «китайского типа»². Стал очевиден метод провокаций — исследуются отдельные стороны революционного процесса и выдвигаются в качестве лозунгов в самый неподходящий момент. Так, рекомендуются отставание теории от практики, от конкретной ситуации или забегание вперед, все большая самостоятельность отдельных лиц или групп. Показателен, разумеется, и тот факт, что действительность вынуждает Маркузе отказываться от предыдущих своих позиций. В последних своих скоропалительных интервью (у него уже не остается времени на писание книг)

¹ H. Marcuse. Counterrevolution and revolt.

² «Nouvel observateur», 426/1973.

он «редактирует» и свои последние установки и таким образом разоблачает себя как крайне беспринципного теоретика.

Однако это дерзкая и утонченная игра провокаций не проходит безнаказанно. Саботируя революционную ситуацию «легким» маркузеанским отставанием теории от революционной практики, буржуазные средства массовой информации оказывают внезапную помощь революционному процессу в другом месте, потому что там, случается, даже само упоминание слова «революция» оказывается толчком к пробуждению масс от мещанского сна, от политического невежества. При острых классовых сражениях в Европе маркузеанские лозунги вносили стихийность, самоцельность, дезорганизовывали работу по созданию антимонополистического фронта. В США в первые годы студенческой радикализации критика «одномерного человека» канализировала спонтанное недовольство мещанской действительностью в русло сознательного представления, что в основе общественного зла лежит капитал. Даже само обсуждение понятий «революция», «пролетариат», «социализм» выполняло роль идейного фермента, представляло собой прорыв в плотной завесе буржуазной идеологии. Маркузе похож на того провокатора Малиновского, который, будучи членом ЦК партии большевиков, одной рукой отправлял «на каторгу и смерть десятки и десятки самых лучших большевистских деятелей», но вместе с тем, чтобы завоевать доверие партии, помогая организовывать легальные ежедневные газеты, «должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу»¹.

Разумеется, несмотря на заключение, что буржуазная идеология вынуждена отступать, раз она пытается «улучшать» марксизм, раз она не способна противопоставить ему целостную контрреволюционную теорию, важнее иметь в виду, что наше наступление требует непрерывных и всесторонних теоретических усилий по освоению тех общественных пространств, в которых ведется борьба.

Мы вернулись к Маркузе не столько для того, что-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 29.

бы продолжить критический анализ его писаний, а для того чтобы напомнить, что его беспринципность необыкновенно ярко выражает стремление монополистической буржуазии «вывести» интеллигенцию из сферы действительной политической жизни, сделать ее жертвой пустых интеллектуальных игр, унижить и обезличить ее. Интеллигенция есть прослойка, в направлении разностороннего творческого развития которой эволюционирует весь общественный процесс. Это развитие является практической целью общества. И когда этот человеческий авангард толкают на деградацию, когда его угнетают, развращают и обманывают — это означает блокирование полноценного интеллектуального развития всего общества.

К счастью, как бы «интеллигентно» ни осуществлялась эта операция, как бы изобретательны ни были отдельные ее ходы и варианты, в основе своей она паразитически неинтеллигентна и бессмысленна. Под напором научно-технической революции государственно-монополистическая система производит все больше и больше интеллигентов. Предъявляются все более высокие требования к профессиональной квалификации всех категорий трудящихся. Требуется все более полное вовлечение интеллигента в производство, все более тесное приближение его к могучей производительной силе пролетариата. Вместе с тем политическая машина современного буржуазного общества стремится ограничить общественный кругозор интеллигенции, сделать ее слепой в отношении к социальным последствиям ее деятельности, оглушить ее политически. С одной стороны, требуется, чтобы ее разум вникал в экономические структуры, принимал на себя их организацию и руководство ими — словом, творчество в макросоциальном масштабе. С другой стороны, тот же разум пытаются насильственно удержать в рамках унижительных ограничений буржуазной социально-политической жизни — ему навязывается чуть ли не полная политическая безгласность. При всей нынешней сумятице, при всех шатаниях и предрассудках буржуазной интеллигенции достижение подобного психопатического состояния является абсурдом. Невозможно провозглашать какой-либо интеллект гением, а затем третируют его как

слабоумный. Невозможно вытеснить интеллектуалов из сферы общественно-политической деятельности, поскольку общественно-политические отношения неотделимы от производства. Тот, кто связан с производством, тот непоколебимо связан с социальной жизнью и ее проблемами. Невозможно создать классовую ненависть и непримиримый антагонизм между интеллигенцией и рабочим классом. Они связаны возможно наиболее прочным единством — производственно-экономическим. Все более часто инженер и рабочий представляют собою просто отдельные лица совокушного рабочего.

Но мы не должны заканчивать теоретическими постулатами. Они всегда звучат более убедительно, когда всякая абстракция связана со своей конкретной отправной точкой в действительности. Последнее эхо классовых сражений в Европе свидетельствует о подчеркнутом стремлении к единству между рабочими и интеллигенцией. В ФРГ, как пишет «Коррьере делла sera», внепарламентская левая находится в состоянии летаргии или смерти и ищет близости с Германской коммунистической партией. Члены этой левой поняли, что только через ГКП они могут вступить в контакт с рабочим классом¹. Во Франции совпали не только во времени, но и в решающей степени в своих общих антимонополистических требованиях национальная забастовка учащихся лицеев и забастовка рабочих фирмы «Рено». Буржуазный журнал «Экспресс» выражал беспокойство тем фактом, что лицеисты преодолели возможную неуравновешенность своего юношеского возраста, что 22 февраля 1973 г. свыше двухсот тысяч лицеистов манифестировали по всей Франции, исходя из единой позиции, категорически заявляя, что они больше не допустят появления новых кон-бендитовцев².

В протесте французских учащихся имеется нечто весьма симптоматичное. Они выступили против закона, не допускающего отсрочку военной службы, ограничивающего шансы на высшее образование, против ре-

¹ «Corriere della sera», 28 marzo 1973.

² «Express», 1134, 1973.

формы «Deug», предоставляющей профессиональную правоспособность уже при окончании первого университетского цикла («правительство констатирует, что полное высшее образование является нерентабельным и в политическом отношении опасным»), «против целостной правительственной политики в области образования»¹.

Никогда столь широкие пласты населения не оказывались вовлеченными в антимонополистическую борьбу. Студенческие волнения в конце шестидесятых годов, несмотря на свою непоследовательность и беспрограммность, доказали, что пролетариат имеет многомиллионного потенциального союзника в лице значительных кругов интеллигенции. Ныне в борьбу вступает новый резерв — самое молодое поколение. Общество находится под нажимом интересов монополий еще в момент своего социального воспроизводства и вынуждено противопоставить себя этим интересам. Подобные события разрушают устаревшие пропагандистские представления о политической изоляции пролетариата в уравновешенной и мелкобуржуазной Европе. Они свидетельствуют о том, что в мае 1968 г. колебания французской мелкой буржуазии, которые позволили укрепиться голлизму, были скорее признаком ее сложного и противоречивого перехода на сторону антимонополистического фронта, чем выражением антипролетарской неприязни. «Одно достоверно: угроза со стороны новой левой является бесспорной, как и ее народные корни»², — подает предупредительные сигналы из Европы корреспондент «Ньюсуик». Однако основания для тревоги имеются и на самой родине этого журнала. Сам Маркузе, который во всех своих прежних сочинениях объявлял американский рабочий класс погрязшим в непробудном мещанском «одномерном» сне, признает, что американская печать полна тревожными комментариями о волнениях молодых рабочих³.

Вклад молодых радикалов в США заключается не в том, что они свалили администрацию Джонсона, как

¹ Там же (Заявление членов забастовочного комитета лицестов).

² «Newsweek», 9 apr. 1973. (Под заглавием «Новая левая в Европе».)

³ «Nouvel observateur», 426/1973.

им льстит Липсет¹. После нее пришло еще более правое правительство Никсона, подобно тому как во Франции реформы, проведенные после экстремистской кампании, оказались укреплением позиции монополий. Не случайно вопрос о том, каково отношение внутрисоциальной политики Никсона к фашизму, весьма часто обсуждался на страницах официальной печати в США. Конец войны во Вьетнаме оказался и закатом студенческого радикализма. С изменением конъюнктуры монополистические правительственные круги положили конец новой левой. Ее заслугой было то, что ее волнения разбили миф о неподдающемся классовому напряжению американском образе жизни, что они сказались на молодых рабочих, которые саботируют производство в корпорациях, ибо понимают, что их ожидания не будут удовлетворены. В Детройте невыход молодых рабочих в рабочие дни достигает 10%². Специальное исследование, проведенное по поручению американского министерства труда, заключает, что социальный характер молодых рабочих совершенно изменился — новое поколение в массовом порядке отказывается воспринимать унижительные условия устаревшей авторитарной системы, традиционных производственных отношений³.

Именно первые признаки перехода от частичных тред-юнионистских требований к политическим действиям вынудили американское правительство прекратить войну во Вьетнаме. То, что пролетариат пришел в движение, дает либеральной интеллигенции и радикалам новый шанс для продолжения борьбы уже не только как стихийной акции, не как «переживания одного лета» (выражение к. Кенистона), а как участия, как вклада в развитие последовательной платформы массового антимнополистического фронта. Вот этап, до которого должна дойти новая левая. После того как она преодолела толкование спонтанности как основной добродетели борьбы, теперь в ее печати существенное место занимает забота о развитой, организованной пропа-

¹ Н. Ю л и п а. Буржуазные идеологические течения в США, с. 109.

² D. C a b o r. The Mature Society. N. Y.— W., 1972, p. 11.

³ «Work in America», Massachusetts — London. 1972, p. 52.

гандистской борьбе. И все же и в этих инициативах наличествует элемент хвостизма — типа убеждения Пола Гудмена, что революция будет делом интеллектуалов, обособившихся от «истэблшмента». Тут просто с интеллигентским пристрастием преувеличена истина, что в настоящий период радикальная интеллигенция должна сыграть особо важную роль в деле пробуждения пролетариата. Те радикалы (о них пишет Флакс), которые после завершения образования проникли и в систему медицинского обслуживания, и в правовую систему, и в академические круги¹, могут считать, что они действуют во имя осуществления своих благородных порывов только тогда, когда способствуют вовлечению производителей, рабочего класса в дело революции. Только массив пролетариата достаточно представительен, способен защитить интересы всех некапиталистических прослоек. Подъем социалистических стран (в которых решающее значение имеют интересы пролетариата), сочетаемый с массовыми акциями или дальнейшим политическим самоосознанием пролетариата в крупных капиталистических странах, гарантирует мир во всем мире, гарантирует жизнеспособность тенденций Хельсинки. Западная Европа ощущает климат многих прогрессивных уступок, все более частых и более широких демократических инициатив, ее молодое поколение стало видеть перспективы, потому что его официальным философом стал Маркс, потому что «новые моменты в требованиях профсоюзных, сила политических демонстраций»² стали неотделимым фактором ее общественной жизни. У новых миллионов людей созревает мысль, что только с рабочим классом может быть связано представление о разумном переустройстве общества, что только на поле его революционной борьбы возможна творческая, полезная, осмысленная, оптимистическая деятельность.

Почему теперь воспоминания об акции греческих студентов в политехническом институте в 1973 г. причислены к основным лозунгам борьбы против политических маневров не раз битой реакцией? Именно

¹ «The New American Revolution». p. 246.

² «Time», 19/1973. («Достопримечательное возрождение Маркса»).

СОДЕРЖАНИЕ

связывание студентов с наиболее актуальными требованиями масс (политические свободы), выдвижение этих требований перед фашистским режимом подняли студентов в народном сознании как символ демократического пафоса. Их самоотверженность, готовность пожертвовать собой, их действия в защиту интересов народа были восприняты как мера борьбы за демократию. Передовой фронт борьбы за воплощение в жизнь интересов пролетариата — вот наибольшее политическое, моральное и эмоциональное удовлетворение, которого передовая молодежь может достигнуть ныне.

От издательства	5
Введение	7
От воображения к действительности. От конъюнктуры к программе	17
1. СДО или одиссея непостоянства	17
2. Наркотик воображения	26
3. К подземельям инстинктов	30
4. Контрреволюция с объятиями	38
5. Классическая истина для новых ролей	43
6. Левачество в упадке	46
7. Теоретики вносят коррективы	51
8. Место студентов	54
Проданный карнавал	59
1. Хищни — первое пятно на американском образе жизни	59
2. Скачок в стратосферу	67
3. Эмоции и революция	74
Путешествие в ничто	79
1. Кто молится принцу Гаутаме	79
2. Да станешь ты богоравным	88
3. Бесконечное примирение	96
4. Проблемы, тающиеся за религией	102
Массовая культура, контркультура, антимонополистическая культура	108
Поход за наемниками	114
1. Конфликт поколений или конфликт классов	114
2. Место интеллигенции в государственно-монополистическом обществе	123
3. Конфликт — в другое измерение	128
4. Когда создаются менеджерские доктрины	132
5. Вербовка интеллектуальной жандармерии	139
6. Большое призвание	145
Структурализм как миф и метод	148
1. Технократы в общественном сознании	148
2. Отвергнутые манифесты	152
3. Место точных методов	161
Заключение	164

Г. ВАСИЛЕВ

БЕЗ ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ

Редактор О. И. Попов
Художник В. В. Кулешов
Художественный редактор В. А. Пузанков
Технические редакторы Т. И. Беляева,
И. К. Речмидилова, Н. А. Кронова
Корректоры В. В. Евтюхина, В. Ф. Пестова

Сдано в набор 30.09.75. Подписано в печать
12.07.76. Формат $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумага типо-
графская № 1. Услови. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л.
8,92. Тираж 18000 экз. Заказ № 850. Цена 38 коп.
Изд. № 21837.

Издательство «Прогресс» Государственного ко-
митета Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 21.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2 имени Евгении
Соколовой Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете Совета Министров СССР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский
проспект, 29

38 коп.

1
B-19

4/2

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Автор критически рассматривает ряд современных буржуазных и ревизионистских концепций о роли интеллигенции, молодежных и студенческих движений в общественном развитии.

В книге показана необходимость четкого разграничения с классовых позиций представителей научно-технической интеллигенции, молодежи и студенчества, исходя из задач антимонополистической борьбы в странах капитала.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА